Библиотека
журнала
«Иностранная
литература»

Сэмюэль Беккет

Изгнанник

Изгнанник. Пьесы и рассказы

Сэмюэл Беккет

Аннотация
«Великолепно безумный ирландец»
Пьесы
- Эндшпиль
- Про всех падающих
- Счастливые дни
- Театр I

Рассказы
- Данте и лангуст
- Изгнанник
- Первая любовь
- Конец
- Общение

Аннотация

В эту книгу включены пьесы и рассказы лауреата Нобелевской премии ирландского писателя Сэмюэля Беккета, снискавшего себе всемирную популярность и реноме основоположника «театра абсурда» пьесами «В ожидании Годо», «Последняя лента Крэппа», «Счастливые дни».

«Великолепно безумный ирландец»

В литературе XX века творчество Сэмюэля Беккета — одно из самых сложных и значительных явлений. Литературная слава писателя давно перешагнула национальные границы, а после присуждения ему в 1969 г. Нобелевской премии он был возведен в ранг «современного классика». Вот уже несколько десятилетий вокруг него не утихают жаркие споры. Интерпретации произведений Беккета, зачастую взаимоисключающие, продолжают множиться, критической разноголосицей своеобразно подтверждая не только трудности, подстерегающие любого исследователя или читателя при знакомстве с художественным миром Беккета, но и неисчерпаемость этого мира, не поддающегося однозначному прочтению.

Об этой заложенной в произведениях Беккета многозначности проницательный французский театральный критик Морис Надо писал в связи с романом «Моллой»: «Один видит в нем юмористический шедевр, другой — эпос катастрофы. Для одних он тишина, воплощенная в слове, для

других — не более чем литературное переложение комплексов, относящихся скорее к сфере психоанализа».

Споры порождают не только привычные литературоведческие вопросы: содержание произведений Беккета, связь с литературными традициями. Парадоксы начинаются с попытки определить, к какой национальной литературе следует отнести его творчество. Вслед за многими писателями, представлявшими цвет литературы Ирландии, Беккет оставил родные края и обосновался во Франции, отдав со временем предпочтение французскому языку, с которого им самим или под его наблюдением выполнялись переводы на английский.

И все же начинать, конечно же, необходимо с Ирландии. Здесь Сэмюэль Беккет родился 13 апреля 1906 г. неподалеку от Дублина, где прошли его детство и юность. Здесь, в Дублине, окончил Тринити-колледж. Здесь впервые обозначились его литературные пристрастия. Здесь открыл для себя мир театра. Особенно глубокое впечатление произвели на него в это время постановки пьес Шона О'Кейси в «Эбби-тиэтр», соединявших пафос и даже трагический настрой с яркой комической стихией. Ирландский юмор привлекал его

в мюзик-холлы и балаганы, в пабы и на улицы Дублина, где многоликая толпа щедро рассыпала сокровища народной речи.

В 1934 г. выходит в свет сборник рассказов Беккета «Больше замахов, чем ударов» (один из них, «Данте и лангуст», включен в состав данной книги). Как почти у всякого начинающего автора, по этому сборнику не составляет труда определить круг его литературных привязанностей. Особое место занимает среди них Джеймс Джойс, с которым Беккет очень сблизился в конце 20-х — начале 30-х годов, работая к тому же его литературным секретарем. Влияние Джойса ощутимо и в пристальном внимании к выразительным возможностям слова (смысловым, звуковым, ритмическим), и в обилии литературных реминисценций. Но благодаря возможности взглянуть на первые литературные опыты Беккета в обратной перспективе можно уловить в них предвестия художественной системы, характерной для зрелого мастера.

В своем следующем произведении, романе «Мэрфи» (1938), Беккет сделал заметный шаг навстречу художественно адекватному воплощению своего мировосприятия.

Издательства, смущенные необычностью

прозы Беккета, одно за другим отклоняли публикацию книги, как ранее сборник рассказов. Когда она наконец вышла в свет, критика встретила ее холодно. «Мэрфи» стоит как бы на полпути между первыми пробами пера и творениями зрелого таланта. Он еще близок к традиционной форме, а герой романа, несмотря на известную утрату конкретности в трактовке характера, в отличие от поздних произведений, еще вписан в реальный, вещный мир. Неотторжимость Мэрфи от окружающей жизни и имел в виду английский исследователь Джон Флетчер, называя его «последним гражданином мира» среди беккетовских персонажей.

Лишь молодой Дилан Томас, оказавшийся среди первых рецензентов романа, увидел в «Мэрфи» «исследование сложного и странного трагического характера, который не может примирить нереальность видимого мира с реальностью невидимого». Отметив серьезность намерений автора, он чутьем художника угадал разрыв между замыслом и воплощением. Афористически метко определил Дилан Томас и героя романа — «страус-индивидуум в пустыне массового производства».

Духовное формирование Беккета, проходившее

в атмосфере разочарований, социального брожения и нестабильности, завершилось в годы второй мировой войны. Незадолго до нее писатель окончательно покинул Ирландию. Сложившаяся здесь обстановка с накалом националистических страстей, диктатом церкви и откровенной враждебностью художественному эксперименту казалась ему серьезным препятствием для его творческого развития. Во Франции его и настигла война. И Беккет, всегда подчеркнуто далекий от политики, вступает в ряды французского Сопротивления. «Меня так возмущали нацисты, в особенности их обращение с евреями, что я не мог оставаться пассивным», — говорил он. Вместе с тем с характерной для него твердостью писатель отводил от себя «подозрения» в какой-либо политической активности, настаивая, что «я боролся не за французскую нацию, а против немцев, потому что они превращали жизнь моих друзей в ад».

Страшный опыт войны породил в Беккете ощущение бесконечного бессилия индивидуума перед машиной организованного тотального насилия. Из чудовищных катастроф, обрушившихся на человечество, писатель вывел основную для него закономерность бытия: враждебность со-

временного мира человеку, индивидуальности, личности. Зафиксированная в феномене смерти, она явилась конечным выражением беззащитности человека перед могуществом неподвластных ему сил. На передний план вышло в его творчестве восприятие жизни в сугубо метафизическом аспекте, где смерть выступает как символ фатальной обреченности человека, бессмысленности земного существования, абсурдности бытия. Исходя из идеи полной отъединенности человека в современном мире, Беккет представляет эту отъединенность первопричиной неизбежного жизненного крушения. Однако писатель не просто констатирует положение вещей, сколь бы бесстрастной ни казалась его позиция. Предлагая трагическое решение дилеммы современного человека, он стремится к развенчанию прекраснодушных иллюзий, которые тем и опасны, что скрывают, искажают истину. Истина горька и жестока, постижение ее мучительно, но познание — единственный путь к духовному освобождению. Пройти этот трудный путь предлагает Беккет своему читателю.

В трактовке бытия Беккет перекликается с теми направлениями современной философии, которые восходят к концепции отчуждения Кьер-

кегора. Слышатся в его произведениях отголоски идей экзистенциализма, но без выводов относительно выбора и ответственности. Родственно мировосприятие Беккета и теориям Хайдеггера, определяющего бытие как экзистенцию, делающего акцент на человеческой «заброшенности в мир», бессилии перед лицом смерти. В совокупности эти моменты лежат в основе идейного контекста его творчества.

За художественным миром Беккета стоят не только философские концепции, но и явления объективного мира, которые он освобождает от исторического контекста. Рисуя судьбу человека во враждебном мире, обреченного на поражение собственной природой, писатель дает не социальный или идеологический анализ ее, а синтетический образ, который имеет универсальный характер. Эволюция Беккета свидетельствует о неизменном нарастании обобщения в художественном осмыслении материала, попадающего в сферу изображения. Историю жизни персонажа, которая присутствует в его ранних произведениях, сменяет эпизод, эпизод — отдельное, вырванное из контекста жизни мгновение. Оно — словно точка в настоящем. Поистине «остановленное мгновение». За ним открывает-

ся убегающая в бесконечную даль прошлого, к таинственным началам цепочка прожитой жизни. Утраченная, казалось бы, безвозвратно, она вопреки всему оживает вновь. Герой спасает ее от забвения в своих воспоминаниях. Тем самым он преодолевает свою трагическую изоляцию, а самый процесс воспоминаний уподобляется творческому акту.

Начиная с «Моллоя» (1947, опубл. 1951), первой части трилогии, в которую входят также «Мэлоун умирает» (1951) и «Безымянный» (1953), лейтмотивом произведений Беккета становится образ дороги, впервые появившийся еще в ранних его рассказах. В романе, открывшем зрелый период творчества писателя, дорога жизни, которая в его художественном мире есть не что иное, как дорога смерти, представлена буквально. Для Беккета она такой же всеобъемлющий символ мира, каким служили Шекспиру театральные подмостки, а Петеру Вайсу — сумасшедший дом. Соответственно этому образу определяется и предназначение человека: это бредущий по дороге путник. Герои романа Моллой и Моран, как и многих других произведений Беккета, неизменно куда-то идут. Их путешествие составляет все действие, хотя, как ни парадоксально, им не

известна ни цель, заставившая их двинуться в путь, ни место назначения.

На дороге встречается зритель в начале первого и второго актов с героями самого, вероятно, известного произведения Беккета, пьесы «В ожидании Годо» (1952)*, там же он и расстается с ними. Владимир и Эстрагон откуда-то пришли и куда-то держат путь. Однако сущность их движения — не в пространственном перемещении, а в разгадке тайны бытия, которую символизирует загадочная фигура Годо. Исследователи потратили немало усилий, чтобы разгадать ее смысл. Ряд критиков, основываясь на созвучии имени Годо и английского слова «бог», отождествлял пьесу с мистериальным действом, где Годо выступает как ипостась бога. Такая интерпретация в принципе возможна. Поскольку Беккет намеренно придал образу глубинную многозначность, она позволяет подставлять различные конкретные значения, коль скоро они не противоречат понятию «высшей идеи». Пусть универсум, в котором, по выражению Ницше, «умер бог», отвечает на внутренний вопрос героев, одновременно и трагических, *и* смешных, космическим безмолвием, для Беккета важна та искра духа, что теплится в бренной телесной оболочке. Остается в связи с

этим лишь заметить, что сам писатель настроен в отношении религии весьма скептически: «В минуту кризиса от нее не больше проку, чем от старого школьного галстука». Решительно отвергает он и влияние на него христианства. «Я знаком с христианской мифологией... — писал Беккет автору его биографии, Дейрдре Бэр. — Подобно всем литературным приемам, я пользуюсь ею там, где мне это удобно. Но сказать, что она оказала на меня глубокое воздействие благодаря ежедневному чтению или каким-то иным образом, — это чистый вздор».

Неизменно находятся в пути и протагонисты созданных во второй половине 40-х годов новелл «Изгнанник», «Конец», «Первая любовь». С ранним романом «Мэрфи» эти произведения сближает то, что скитания героев пролегают не в условном пространстве. Городские улицы, набережная, порт, угол на перекрестке, загородная дорога, пещера на берегу, сарай, брошенная одинокая хижина — конкретные детали, в которых возвещает о себе внешний мир, постепенно все более и более утрачивающий определенность очертаний. В романе «Как есть» (1960) дорога и движение обозначены уже лишь беспомощным копошением в грязи, которая, словно в доистори-

ческие времена, покрывает всю Землю.

По мере того как внешний мир утрачивает свою конкретность, персонажи все более теряют связь с ним. Точно так же исчезают с пути героя и другие люди. Сколь ни случайны были встречи беккетовского протагониста с «другим» в ранних произведениях — акцент неизменно стоит на хрупкости этих отношений, — они становились своеобразными вехами, точками отсчета на его жизненном пути. Герой позднего Беккета — это одинокий путник. Таким предстает герой-рассказчик романов «Мэлоун умирает» и «Безымянный». То же самое мы видим и в «Общении» (1979). Отчужденный от общественного бытия, отторгнутый от всех индивидуальных связей, он носит в себе идею непоправимой разъятости человеческой личности. В нем полностью разорвано единство духовной и физической природы. Сознание и телесная оболочка как бы отделились друг от друга и ведут независимое существование. Герой «Общения» совершает путешествие лишь в своем сознании, безвозвратно утратив всякое представление о грани между реальными событиями и воспоминаниями или фантазиями. Жизнь отождествляется теперь с рассказом о дороге, а сам рассказ становится

единственным средством самоосуществления индивида, лишенного иных форм реализации личности. Погружаясь в прошлое, герой поднимает его из праха, возрождает его. Дух устремляется навстречу милым образам, чредой сменяющим друг друга. В нем задана тем самым не только фрагментарность, но и возможность ее преодоления.

Напору рожденной воспоминаниями лирической стихии отвечает созданная Беккетом особая разновидность прозы, имеющая поэтическую структуру. Самым близким ее аналогом можно, пожалуй, считать лирическое стихотворение.

Лирическая стихия противостоит подчеркнутой у Беккета физиологичности описаний, восходящей к старинной христианской традиции, в которой плоть трактовалась как греховная и порочная. Беккет снимает идею «греховности» в сугубо религиозном смысле. Однако в характеристике телесного начала отводит первостепенную роль тем проявлениям человеческой природы, которые традиционно воспринимаются сознанием как низменные, подлежащие речевым табу (рвота, экскременты, телесные выделения и т. д.). Они в свою очередь влекут за собой образы, в которых воплощается ужас бытия. Старость,

предельная физическая немощь, одряхление организма, затухание или полное прекращение направленного физического действия. Они связаны с угасанием, неподвижностью, падением, скованностью. Мир Беккета переполнен увечными существами, которые не могут передвигаться без посторонней помощи. Таковы прикованные к креслам-каталкам герой пьесы «Театр I», Хамм в «Эндшпиле» (1957). Парадоксальное решение этого мотива предлагает Беккет в «Счастливых днях» (1961).

Героиня пьесы, Винни, предстает как бы заживо погребенной. Сначала земля «засосала» ее по пояс, в финале остается видна лишь ее голова. Однако, символизируя неотвратимость смерти, этот образ включает в себя определенную критику опустошенного обывательского существования. Помимо могилы, которую от рождения каждый носит в себе, Беккет вводит еще и «рукотворную», ту, которую Винни сама уготовила себе, растранжирив жизнь в мелочных заботах повседневности. Это дает широкий простор для комического заострения образа и ситуации, гиперболизации и гротеска. В то же время звучащие лейтмотивом слова Винни: «Еще один прекрасный день» — отражают не только духовную

слепоту героини и человека в целом, вызывая горькую насмешку Беккета, но и неистовое сопротивление маленького человека могуществу враждебных сил. Комическое поэтому тесно переплетается с трагическим. Естественно, основным жанром становится для Беккета трагикомедия. Блестящим афоризмом выразил своеобразие его художественной манеры Жан Ануй: «Мюзик-холльный скетч по «Рассуждениям» Паскаля в исполнении клоунов Фрателлини».

Таким образом, в произведениях Беккета выделяется определенный набор компонентов, которые, варьируясь в известных пределах, составляют их основу. Конкретное их наполнение бывает различным, однако цель писателя — не воссоздание многообразия человеческого опыта, а, напротив, выделение того общего, что закреплено идейнофилософским контекстом его творчества, создавая впечатление, будто перед нами части или варианты единого текста.

Это ощущение усугубляется использованием общих принципов организации материала. Так в монологе, который является одним из излюбленных средств раскрытия героя как в прозе, так и в драматургии Беккета, автор стремится передать беспорядочное движение мысли,

еще не организованной сознанием. Он словно включает фонограмму ее движения, с предельной тщательностью фиксируя ее хаотичность, отсутствие связи и последовательности. Эта мысль предшествует слову, которое не просто проясняет ее посредством упорядочивания и логического оформления, но выводит из хаоса на уровень мышления. Это помогает, в частности, уяснить различие в структуре «потока сознания» у Беккета и Джойса. В обоих случаях сознание противопоставляется бессознательному, но тогда как Джойс находит в последнем иную, отличную от присущего сознанию упорядоченность, Беккет воспринимает его как нагромождение бесформенных обрывков, не прихотливую, изысканную произвольность, допускающую игру словом, а беспорядочность первичного хаоса.

Творчество Беккета носит подчеркнуто экспериментальный характер. Его художественная природа определяется не отражением жизни во всей полноте и неповторимости ее конкретных проявлений, а моделированием закономерностей бытия, в которых предельно растворяется все конкретное. За исключением самых ранних, произведения Беккета — это своего рода сгустки реальности, в которых доминируют абстраги-

рующие и универсализирующие тенденции. Необходимо лишь помнить, что абстракция зиждется на реальном опыте, пережитом человечеством в XX веке.

В 70 — 80-е годы художественный мир беккетовской прозы и драматургии существенно изменился. Комическое отошло в нем на второй план, однако эта потеря компенсируется усилением лирического начала. Кроме того, в последних вещах явственно обозначилось движение героя навстречу «другому», примером чего может служить «Общение». Движение это, конечно, минимально. Оно замкнуто сферой сознания и не может быть преобразовано в действие, однако оно расширяет границы обозначенного Беккетом мира.

Погрузившись в него, можно увидеть в скрупулезном изучении писателем жизни, сведенной к некоему минимуму, поиски смысла бытия, постичь который страстно стремились герои классического романа XIX в. В универсуме Беккета герои ни к какому познанию не стремятся. Их задачи берет на себя автор, ставящий вопрос необычайно остро: если есть смысл в существовании, его надо обнаружить на том уровне, где не действенны соблазны и поверхностные об-

маны жизни, даруемые талантом, любовью, знанием или стремлением к славе. Жизнь предстает оголенной, сведенной к элементарнейшим проявлениям, которые мы склонны называть жалкими. Беккет видит их иначе — его мир не знает жалости. В этой-то редуцированной жизни парадоксалист Беккет и находит смысл: это есть сама *жизнь.* Вызовом беспощадной жестокости мира звучат слова Беккета: «Я не могу продолжать — я продолжу», давшие заглавие одной из его книг.

Сущность беккетовского открытия прекрасно раскрывает высказывание Поля Валери об особом состоянии — «тоске жизни». «Я разумею под этим... — пояснял он, — не тоску преходящую; не тоску от усталости, не тоску, чье начало известно, и не ту, чьи пределы видны; но тоску совершенную, тоску чистую — тоску, чей источник не в горе, не в немощи, ту, что уживается с самым счастливым на вид уделом, — одним словом, такую тоску, у которой нет иного содержания, кроме самой жизни, и нет иной причины, кроме ясновидения живущего. Абсолютная эта тоска есть, в сущности, не что иное, как жизнь в своей наготе, когда она пристально себя созерцает».

«Великолепно безумным ирландцем» назвал

Беккета Ричард Олдингтон, выразив в этих словах восхищение писателем, умопомрачительная необычность таланта которого вызывала шок у его первых читателей и зрителей. *С тех* пор прошло много лет. Открытия Беккета разошлись по свету, изменив облик литературы, театра, кино. Знакомство с его произведениями поможет читателю совершить восхождение к истокам современной образности и современного мироощущения Запада.

М. Коренева

Пьесы

Эндшпиль

Про всех падающих

Счастливые дни

Театр I

Сэмюэль Беккет

Эндшпиль

Действующие лица:
Нагг
Нелл
Хамм Клов
Голая, без мебели, комната.
Тусклый свет.
По стенам в глубине, слева и справа, два высоких оконца с задернутыми занавесками.
На авансцене справа — дверь. Возле двери на стене перевернутая картина.
На авансцене слева стоят рядом два мусорных бака, прикрытых старой простыней.
В центре в кресле на колесиках сидит Хамм, лицо прикрыто платком.
Клов стоит рядом с креслом и на него смотрит.
Клов идет к левому окну неверным и затрудненным шагом. Разглядывает левое окно, запрокинув голову. Поворачивается к правому окну. Разглядывает его, запрокинув голову. Поворачивает голову и разглядывает левое окно. Выходит, тотчас возвращается со стремянкой, ставит ее под левое окно, влезает на нее, раздвигает занавески. Спускается со стремянки, делает шесть шагов к

правому окну, возвращается за стремянкой, ставит ее под правое окно, взбирается на стремянку, раздвигает занавески. Слезает со стремянки, делает три шага к левому окну, возвращается за стремянкой, ставит под левое окно, взбирается на стремянку, смотрит в окно. Хмыкает. Слезает со стремянки, делает шаг к правому окну, возвращается за стремянкой, ставит ее под правое окно, влезает на стремянку, смотрит в окно. Хмыкает. Слезает со стремянки, идет к бакам, возвращается за стремянкой, берет ее, передумав, оставляет на месте, подходит к бакам, снимает простыню, тщательно складывает, берет под мышку. Поднимает крышку, заглядывает в бак. Хмыкает. Закрывает крышку. Та же игра с другим баком. Идет к Хамму, снимает с него простыню, тщательно складывает, берет под мышку. Хамм в халате, в фетровой тюбетейке, колени прикрыты пледом, на ногах толстые носки, лицо прикрыто большим носовым платком, на шее висит свисток. Он, кажется, спит. Клов на него смотрит. Хмыкает. Идет к двери, останавливается, поворачивается, оглядывает сцену и смотрит в зал.

Клов *(застывший взгляд, тусклый голос).* ...Конец, конец... скоро конец... наверно, скоро конец. *(Пауза.)* По зернышку, по зернышку, и вот, гля-

дишь, куча, маленькая такая куча, невозможная такая куча. *(Пауза.)* Теперь уж меня не накажешь. *(Пауза.)* Пойду-ка я на свою кухню, три метра на три метра на три метра, и буду ждать, когда он мне посвистит. *(Пауза.)* Размеры удобные, приятные размеры, и я облокочусь на стол и буду стенку разглядывать и ждать, когда он мне посвистит. *(Стоит на месте. Потом уходит. Тотчас возвращается за стремянкой и ее уносит. Пауза.)*

Хамм шевелится. Зевает под платком. Снимает его с лица. Черные очки.

Хамм. А-а... *(зевает)* ... теперь мне *(пауза)* ... ходить. *(Держит перед собой расправленный платок.)* Старая тряпка! *(Снимает очки, протирает глаза, вытирает лицо, протирает очки, снова надевает, тщательно складывает платок, осторожно кладет в нагрудный карман халата. Прочищает горло, скрещивает пальцы.)* Терпит ли кто-нибудь страданья воз *(зевок)* ... вышенней, чем у меня? Разумеется. Раньше. А сейчас? *(Пауза.)* Мой отец? *(Пауза.)* Моя мать? *(Пауза.)* Моя... собака? *(Пауза.)* Вполне допускаю, они страдают в меру своих способностей. Но следует ли из этого, что наши страдания равноценны? Без сомненья. *(Пауза.)* Нет, все а... *(зевает)* ... бсолютно *(гордо)* ясно: чем человек крупней, тем он наполненней

(Пауза. Мрачно.) и тем опустошенней. *(Фыркает.)* Клов! *(Пауза.)* Нет. Тут никого! *(Пауза.)* Какие сны... Леса! *(Пауза.)* Хватит, надоело, пора кончать, и здесь, в прибежище тоже. *(Пауза.)* А я никак не решусь закончить. Да, вот — пора закончить, а я никак не решусь... *(зевает)* ... закончить. *(Зевает.)* Ох-ох, ну и устал я, надо бы лечь спать. *(Свистит. Тотчас является Клов. Останавливается возле кресла.)* Ты воздух испортил! *(Пауза.)* Уложи меня спать.

Клов. Я тебя только что поднял.

Хамм. Ну и что?

Клов. Я не могу каждые пять минут тебя укладывать и поднимать, у меня другие дела есть. *(Пауза.)*

Хамм. Ты когда-нибудь видел мои глаза?

Клов. Нет.

Хамм. И тебе ни разу не хотелось, пока я сплю, снять с меня очки и взглянуть на мои глаза?

Клов. Это веки поднимать? *(Пауза.)* Нет.

Хамм. Я тебе их как-нибудь покажу. *(Пауза.)* Они, наверно, уже совсем белые. *(Пауза.)* Который час?

Клов. Как всегда.

Хамм. Ты смотрел?

Клов. Да.

Хамм. Ну и сколько?

Клов. Ноль.

Хамм. Хорошо бы дождь.

Клов. Дождя не будет. *(Пауза.)*

Хамм. Ну а как вообще?

Клов. Не жалуюсь.

Хамм. Ты как, ничего?

Клов *(раздраженно).* Сказано же, не жалуюсь.

Хамм. А я как-то странно себя чувствую. *(Пауза.)* Клов.

Клов. Да?

Хамм. Не надоело тебе?

Клов. Еще как! *(Пауза.)* Что?

Хамм. Ну... вообще... все.

Клов. С самого начала. *(Пауза.)* А тебе — нет?

Хамм *(мрачно).* Значит, вряд ли что переменится.

Клов. Может, и кончится. *(Пауза.)* Всю жизнь те же вопросы, те же ответы.

Хамм. Уложи меня спать.

Клов не двигается.

Принеси простыню.

Клов не двигается.

Клов!

Клов. Да.

Хамм. Я тебя больше не буду кормить.

Клов. Значит, мы умрем.

Хамм. Буду кормить так, чтоб ты только с голоду не умер. Все время голодный будешь ходить.

Клов. Значит, мы не умрем. *(Пауза.)* Пойду за простыней. *(Идет к двери.)*

Хамм. Не стоит труда.

Клов останавливается.

Буду тебе в день одно печенье давать. *(Пауза.)* Полтора печенья. *(Пауза.)* Почему ты остаешься со мной?

Клов. Почему ты меня держишь?

Хамм. Другого никого нет.

Клов. Идти некуда.

Хамм. Все равно ты от меня уйдешь.

Клов. Попробую.

Хамм. Не любишь ты меня.

Клов. Не люблю.

Хамм. А раньше любил!

Клов. То — раньше!

Хамм. Я тебя измучил. *(Пауза.)* Правда?

Клов. Неправда.

Хамм *(оскорбленно)*. Это я-то тебя не измучил?

Клов. Как же!

Хамм *(с облегчением).* Ага! Вот видишь. *(Пауза. Холодно.)* Извини. *(Пауза. Громче.)* Я сказал — извини.

Клов. Слышал. *(Пауза.)* У тебя кровь шла?

Хамм. Меньше. *(Пауза.)* Не пора мне успокоительное принимать?

Клов. Нет. *(Пауза.)*

Хамм. Как у тебя с глазами?

Клов. Плохо.

Хамм. Как ноги?

Клов. Плохо.

Хамм. Но ты можешь ходить. .

Клов. Да.

Хамм *(вспылив).* Ну и ходи!

Клов доходит до стены в глубине сцены, упирается в нее ладонями, касается их лбом.

Ты где?

Клов. Тут я.

Хамм. Поди сюда!

Клов возвращается на свое место возле кресла.

Ты где?

Клов. Тут я.

Хамм. Почему ты меня не убьешь?

Клов. Я не знаю секрета буфетного замка. *(Пауза.)*

Хамм. Принеси мне два велосипедных колеса.

Клов. Велосипедных колес больше нет.

Хамм. А куда ты свой велосипед подевал?

Клов. Не было у меня никогда никакого вело-

сипеда.

Хамм. Так не бывает!

Клов. Когда еще были велосипеды, я аж плакал, до того мне хотелось велосипед. В ногах у тебя валялся. Ты послал меня подальше. Теперь их больше нет.

Хамм. А как же ты по моим поручениям ходишь? Как моих бедняков посещаешь? Пешком?

Клов. Бывает, и верхом.

Приподнимается крышка одного бака. Видны руки Нагга, вцепившиеся в края. Потом вылезает голова в ночном чепце. Очень бледное лицо. Нагг зевает, прислушивается.

Ну я пошел, дела есть.

Хамм. У тебя на кухне?

Клов. Да.

Хамм. За дверью — там смерть. *(Пауза.)* Ладно, ступай.

(Клов уходит. Пауза.) Продолжаем.

Нагг. Где моя кашка!

Хамм. Производитель проклятый!

Нагг. Моя кашка!

Хамм. Вот какое теперь старичье пошло! Жрать, жрать, больше ни о чем не думают! *(Свистит.)*

Входит Клов. Останавливается возле кресла.

Скажите! А я думал, ты меня бросишь.

Клов. Ох, пока нет, пока нет.

Нагг. Где моя кашка!

Хамм. Дай ты ему кашки.

Клов. Кашки больше нет.

Хамм *(Наггу).* Слыхал? Кашки больше нет. Не видать тебе больше кашки.

Нагг. Кашки хочу!

Хамм. Дай ты ему печенье.

Клов уходит.

Развратник проклятый! Как твои культи?

Нагг. Насчет моих культей не беспокойся.

Входит Клов с печеньем в руке.

Клов. Вот и я, печенье принес.

Сует печенье в руку Наггу, тот хватает его, пробует, морщится.

Нагг *(жалостно).* Это что такое?

Клов. Прекрасное собачье печенье.

Нагг *(тем же тоном).* Оно черствое. Я не могу!

Хамм. Сунь-ка ты его обратно!

Клов заталкивает Нагга в бак, закрывает крышку.

Клов *(вернувшись на свое место возле кресла).* Эх, неразумное старичье зеленое!

Хамм. Сядь ты на него.

Клов. Я не могу сесть.

Хамм. Верно. А я стоять не могу.

Клов. Так-то вот.

Хамм. Каждому свое. *(Пауза.)* Никто не звонил? *(Пауза.)* Не смешно?

Клов *(поразмыслив)*. Мне — нет.

Хамм *(поразмыслив). И* мне. *(Пауза.)* Клов.

Клов. Да.

Хамм. Забыла про нас природа.

Клов. Природы больше нет.

Хамм. Нет природы? Ну это ты хватил.

Клов. В ближней округе.

Хамм. Но мы же дышим, меняемся! Теряем волосы, зубы! Теряем свою свежесть! Свои идеалы!

Клов. Ну, значит, она про нас не забыла.

Хамм. А ты говоришь, ее нет.

Клов *(грустно).* Никто никогда не рассуждал так глупо, как мы.

Хамм. Делаем что можем.

Клов. А зря. *(Пауза.)*

Хамм. Ты считаешь, что ты очень даже ничего себе, а?

Клов. Ничегошеньки. *(Пауза.)*

Хамм. Как это все долго, однако. *(Пауза.)* Не пора успокоительное принимать?

Клов. Нет. *(Пауза.)* Я пошел, дела есть.

Хамм. У тебя на кухне?

Клов. Да.

Хамм. Что за дела, хотел бы я знать.

Клов. Стену разглядывать.

Хамм. Стену! И что же ты там видишь, на этой твоей стене? Мене текел фарес? Голые тела?

Клов. Вижу мой свет, который угасает.

Хамм. Свет, который... тебя послушать... Да он и здесь прекрасно погаснет, твой свет. Погляди-ка лучше на меня и порассказывай еще про свой свет. *(Пауза.)*

Клов. Зря ты так со мной говоришь. *(Пауза.)*

Хамм *(холодно).* Извини. *(Пауза. Громче.)* Я сказал — извини.

Клов. Слышал.

Пауза. Приподнимается крышка бака, и появляется Нагг. Показываются руки, вцепившиеся в края. Потом голова.

В руке у Нагга печенье. Нагг прислушивается к разговору.

Хамм. Взошли твои семена?

Клов. Нет.

Хамм. А ты подкопал, поглядел, пустили они ростки?

Клов. Не пустили.

Хамм. Может, рано еще?

Клов. Надо было бы, так уж пустили бы. Они никогда не пустят ростки. *(Пауза.)*

Хамм. Уже не так весело, как раньше. *(Пауза.)* Но так всегда бывает под конец дня, да, Клов?

Клов. Всегда.

Хамм. Сегодня вечер как вечер, да, Клов?

Клов. Похоже. *(Пауза.)*

Хамм *(с тревогой).* Но в чем же дело, в чем же дело?

Клов. Что-то идет своим чередом. *(Пауза.)*

Хамм. Ну ладно, ступай. *(Запрокидывает голову на спинку кресла, замирает. Клов не двигается с места. Глубоко вздыхает. Хамм поднимает голову.)* Мне казалось, я велел тебе уйти.

Клов. Я и собираюсь. *(Идет к двери, останавливается.)* С самого рождения. *(Уходит.)*

Хамм. Продолжаем.

Запрокидывает голову на спинку кресла, замирает. Нагг стучит по крышке второго бака. Пауза. Он стучит сильней. Крышка приподнимается, показываются руки Нелл, вцепившиеся в края, потом показывается голова. Кружевной чепчик. Очень бледное лицо.

Нелл. В чем дело, пупсик? *(Пауза.)* Все проказы на уме? Нагг. Ты спала?

Нелл. Ах, нет!

Нагг. Поцелуемся.

Нелл. Не получится.

Нагг. Попробуем.

Головы тянутся одна к другой, не дотянувшись, отодвигаются.

Нелл. Зачем каждый день разыгрывать эту комедию? *(Пауза.)*

Нагг. У меня зуб выпал.

Нелл. Когда?

Нагг. Вчера еще был!

Нелл *(элегически).* Ах, вчера!

Они с трудом поворачиваются друг к другу.

Нагг. Ты меня видишь?

Нелл. Плохо. А ты?

Нагг. Что — я?

Нелл. Ты меня видишь?

Нагг. Плохо.

Нелл. Тем лучше, тем лучше.

Нагг. Ну зачем ты так говоришь. *(Пауза.)* Наше зрение ухудшилось.

Нелл. Да.

Пауза. Отворачиваются друг от друга.

Нагг. Ты меня слышишь?

Нелл. Да. А ты?

Нагг. Да. *(Пауза.)* Наш слух не ухудшился.

Нелл. Наш — что?

Нагг. Наш слух.

Нелл. Да. *(Пауза.)* Ты еще что-то хотел мне ска-

зать?

Нагг. Ты помнишь...

Нелл. Нет.

Нагг. Тот несчастный случай на двойном велосипеде, когда нам не удалось унести ноги.

Смеются.

Нелл. Это было в Арденнах.

Смеются уже не так весело.

Нагг. По дороге к Седану.

Смеются еще более вяло. Пауза.

Ты замерзла?

Нелл. Ужасно. А ты?

Нагг. Весь закоченел. *(Пауза.)* Хочешь влезть обратно?

Нелл. Да.

Нагг. Ну залезай.

Нелл не шевелится.

Чего же ты?

Нелл. Не знаю. *(Пауза.)*

Нагг. Тебе опилки переменили?

Нелл. Никакие не опилки. *(Пауза. Устало.)* Ты не мог бы выражаться точнее, Нагг?

Нагг. Ну хорошо. Песок. Какая разница?

Нелл. Большая разница. *(Пауза.)*

Нагг. Раньше были опилки.

Нелл. Раньше!

Нагг. А теперь песок. *(Пауза.)* С пляжа. *(Пауза. Громче.)* Теперь песок, он таскает его с пляжа.

Нелл. Теперь песок.

Нагг. Поменял он его у тебя?

Нелл. Нет.

Нагг. И у меня. *(Пауза.)* Хоть кричи. *(Пауза. Показывает ей печенье.)* Хочешь кусочек?

Нелл. Нет. *(Пауза.)* Кусочек чего?

Нагг. Печенья. Я тебе половину оставил. *(Разглядывает печенье. Гордо.)* Три четверти. Тебе. На. *(Протягивает ей печенье.)* Нет? *(Пауза.)* Ну чего ты?

Хамм *(устало). Да* хватит вам, хватит. Спать не даете. *(Пауза.)* Говорите потише. *(Пауза.)* Уснуть бы. Я бы занимался любовью. Бродил по лесам. Видел бы... небо, землю. Бежал бы. За мной бы гнались. Не догнали бы. *(Пауза.)* Природа! *(Пауза.)* Стучит в голове, стучит. *(Пауза.)* Сердце, сердце стучит в голове. *(Пауза.)*

Нагг *(тихо).* Слыхала? Сердце в голове! *(Тихонько прокашливается.)*

Нелл. Не надо смеяться над такими вещами, Нагг. Почему ты всегда над этим смеешься?

Нагг. Тшш!

Нелл *(не понижая голоса).* Нет ничего смешнее горя, тут я с тобою согласна. Но...

Нагг *(возмущенно).* Ох!

Нелл. Именно, именно смешней нет ничего на свете. И сначала мы над ним смеемся, смеемся от души. Но ведь оно не меняется. Это как хороший анекдот, который мы слишком часто слышим. Мы по-прежнему считаем его остроумным, но уже не смеемся. *(Пауза.)*

Нелл. Ты что-то еще хотел мне сказать?

Нагг. Нет.

Нелл. Подумай хорошенько. *(Пауза.)* Ну тогда я тебя покидаю.

Нагг. Печенья не хочешь? *(Пауза.)* Я его для тебя оставлю. *(Пауза.)* Я думал, ты хочешь меня покинуть.

Нелл. Я тебя покидаю.

Нагг. Может, сначала почешешь меня?

Нелл. Нет. *(Пауза.)* Где?

Нагг. Спину.

Нелл. Нет. *(Пауза.)* Сам об край почешись.

Нагг. Это ниже. В ложбинке.

Нелл. Какая еще ложбинка?

Нагг. Ложбинка. *(Пауза.)* Не можешь? *(Пауза.)* А вчера чесала.

Нелл *(элегически).* Вчера!

Нагг. Не можешь? *(Пауза.)* А хочешь — я тебя почешу? *(Пауза.)* Опять ты плачешь?

Нелл. Я пробовала. *(Пауза.)*

Хамм. Видимо, мелкий сосудик. *(Пауза.)*

Нагг. Что он сказал?

Нелл. Видимо, мелкий сосудик.

Нагг. Что это значит? *(Пауза.)* Ничего это не значит. *(Пауза.)* Давай я тебе расскажу анекдот про портного.

Нелл. Не надо. *(Пауза.)* Зачем?

Нагг. Чтоб тебя развеселить.

Нелл. Он не смешной.

Нагг. Ты всегда смеялась. *(Пауза.)* В первый раз я думал, ты умрешь от смеха.

Нелл. Это было на озере Комо. *(Пауза.)* Апрельским вечером. *(Пауза.)* Можешь ты такое себе представить?

Нагг. Что?

Нелл. Что когда-то мы катались на лодке по озеру Комо. *(Пауза.)* Апрельским вечером.

Нагг. Мы накануне обручились.

Нелл. Обручились!

Нагг. Ты так хохотала, что мы опрокинулись. Могли утонуть.

Нелл. Все потому, что я была счастлива.

Нагг *(возмущенно)*. Да нет же, нет. Это из-за моего анекдота! Доказательство — ты каждый раз смеешься над ним до сих пор.

Нелл. Там было глубоко-глубоко. И видно дно. Такое белое. Чистое.

Нагг. Ну вот. Слушай. *(Повествовательным тоном.)* Одному англичанину *(делает лицо англичанина, потом продолжает со своим обычным лицом)* срочно понадобились к Новому году полосатые брюки. Он идет к портному, и тот снимает с него мерку. *(Голосом портного.)* «Так-так. Приходите через четыре дня, будут готовы». Ладно. Проходит четыре дня. *(Голосом портного.)* «Ах, извините, приходите через неделю, я неудачно скроил зад». Что ж, действительно, зад скроить не так-то легко. Проходит неделя. *(Голосом портного.)* «Ах, виноват, виноват, приходите через десять дней, я их испортил в шагу». Что ж, в шагу, конечно, все должно быть тютелька-в-тютельку. Проходит десять дней. *(Голосом портного.)* «Ах, ради всего святого, простите, приходите через две недели, мне не удался гульфик». Ну и правда, гульфик — вещь очень ответственная. *(Пауза. Обычным голосом.)* Что-то я плохо рассказываю. *(Пауза. Мрачно.)* Я все хуже и хуже рассказываю этот анекдот. *(Пауза. Повествовательным тоном.)* Ну, короче говоря, Пасха на носу, а он заделывает петли. *(Голосом заказчика.)* «Черт побери, это в конце концов неприлично, всему

есть предел! За шесть дней — слышите? — за шесть дней Бог создал мир. Да-с, ни больше ни меньше — мир! А вы за три месяца не могли сшить несчастные брюки». *(Голосом портного, с негодованием.)* «Но, милостивый государь, милостивый государь, взгляните *(презрительный жест, с отвращением),* какой мир *(пауза),* и взгляните *(любовный жест, с гордостью),* какие брюки!» *(Пауза.)*

Нагг смотрит на Нелл. Та остается безучастной, смотрит невидящим взором. Он выжимает из себя резкий смех, тотчас его обрывает, тянет голову к Нелл, снова вымучивает смешок.

Хамм. Хватит вам!

Нагг вздрагивает, затихает.

Нелл. И видно было дно.

Хамм *(в отчаянии).* Еще не кончили? Когда же вы кончите? *(Взрываясь.)* Когда же это кончится?

Нагг прячется в бак, прикрывает за собой крышку. Нелл не шевелится.

И о чем еще они могут говорить? О чем тут еще говорить? *(Вне себя.)* Корону за вычищалку! *(Свистит.)*

Входит Клов.

Убери ты это дерьмо! Спусти в море!

Клов идет к бакам, останавливается.

Нелл. Такое белое.

Хамм. Что? Что она несет?

Клов наклоняется, берет руку Нелл, щупает пульс.

Нелл *(тихо, Клову).* Пустыня.

Клов выпускает ее руку, заталкивает ее *в* бак, закрывает крышку.

Клов *(вернувшись на свое место рядом с креслом).* Пульса больше нет.

Хамм. Что она молола?

Клов. Уходи, говорит. В пустыню.

Хамм. Да какое мне дело! Это все?

Клов. Нет.

Хамм. Что еще?

Клов. Я не понял.

Хамм. Ты ее заткнул?

Клов. Да.

Хамм. Оба заткнулись?

Клов. Да.

Хамм. Надо закатать крышки.

Клов идет к двери.

Не к спеху.

Клов останавливается.

Я уже не так сержусь. По-маленькому хочу.

Клов *(с готовностью).* Пойду принесу катетер. *(Идет к двери.)*

Хамм. Не к спеху.

Клов останавливается.

Дай успокоительное.

Клов. Рано еще. *(Пауза.)* Ты недавно тонизирующее принимал. Не подействует.

Хамм. Утром тебя взбадривают, вечером утихомиривают. Или наоборот. *(Пауза.)* Этот старый доктор — он ведь, конечно, умер?

Клов. Вовсе он не старый.

Хамм. Но ведь он умер?

Клов. Конечно. *(Пауза.)* И это ты у меня спрашиваешь? *(Пауза.)*

Хамм. Покатай меня немножко.

Клов становится за креслом и подталкивает его вперед.

Не очень быстро!

Клов толкает кресло.

Отправь меня в кругосветное путешествие!

Клов толкает кресло.

По стенкам. Потом снова поставь меня в центр.

Клов толкает кресло.

Я же в самом центре стоял, да?

Клов. Да.

Хамм. Нам бы настоящее кресло на колесах. На таких больших. Велосипедных! *(Пауза.)* По самой стенке ведешь?

Клов. Да.

Хамм *(нащупывая стену).* Неправда! Зачем ты меня обманываешь?

Клов *(толкает кресло ближе к стене).* Тут, тут.

Хамм. Стоп!

Клов ставит кресло у задней стены.

(Хамм щупает стену.) Старая стенка! *(Пауза.)* По ту сторону... другая преисподняя. *(Пауза. Настойчиво.)* Ближе! Ближе! Тут!

Клов. Убери-ка руку.

Хамм убирает руку.

(Клов толкает кресло к самой стенке.) Тут!

Хамм наклоняется к стене, приникает к ней ухом.

Хамм *(выстукивая стену).* Слышишь? Полые кирпичи! *(Снова выстукивает.)* Все пустое! *(Пауза. Он распрямляется. С яростью.)* Хватит. Обратно!

Клов. Мы еще круга не сделали.

Хамм. Обратно. На мое место.

Клов толкает кресло, ставит в центре.

Это мое место?

Клов. Да. Твое место тут.

Хамм. Я в самом центре?

Клов. Сейчас смерю.

Хамм. Примерно! Примерно!

Клов. Тут.

Хамм. Я примерно в центре?

Клов. Вроде.

Хамм. Вроде! Поставь меня в центр!

Клов. Пойду рулетку принесу.

Хамм. Не надо! Приблизительно!

Клов чуть подталкивает кресло.

В самом центре?

Клов. Тут. *(Пауза.)*

Хамм. По-моему, я чуть заехал влево.

Клов чуть подталкивает кресло. Пауза.

А теперь, по-моему, я чуть заехал вправо.

Клов чуть подталкивает кресло.

А теперь, по-моему, я чуть заехал вперед.

Та же игра.

А теперь, по-моему, я чуть заехал назад.

Та же игра.

Не стой у меня над душой. Мне страшно.

Клов встает рядом с креслом.

Клов. Убить бы его, и я бы умер спокойно. *(Пауза.)*

Хамм. Какая там погода?

Клов. Как всегда.

Хамм. Погляди на землю.

Клов. Глядел.

Хамм. В телескоп?

Клов. И телескопа не надо.

Хамм. Погляди в телескоп.

Клов. Пойду принесу. *(Выходит.)*

Хамм. Не надо, не надо телескопа!

Клов входит с телескопом.

Клов. Я телескоп принес. *(Идет к правому окну, смотрит на него.)* Тут стремянка нужна.

Хамм. Зачем? Ты что — короче стал?

Клов уходит с телескопом.

Не нравится мне это все, не нравится.

Клов входит со стремянкой, но без телескопа.

Клов. Я стремянку принес. *(Ставит стремянку под правое окно, взбирается на нее, спохватывается, что у него нет телескопа, слезает со стремянки.)* Телескоп нужен. *(Идет к двери.)*

Хамм *(резко).* Но у тебя есть телескоп.

Клов *(останавливаясь, резко).* Нет у меня телескопа! *(Выходит.)*

Хамм. Тоска!

Клов входит с телескопом. Идет к стремянке.

Клов. Ничего. Сейчас будет веселей. *(Влезает на стремянку, наставляет телескоп наружу.)* Поглядим. *(Водит телескопом.)* Поглядим. *(Поворачивает телескоп. Смотрит.)* Ноль... *(Смотрит.)* Ноль... *(смотрит)* и ноль. *(Опускает телескоп, поворачивается к Хамму.)* Ну, успокоился?

Хамм. Ничто не шелохнется. Все...

Клов. Ноль...

Хамм *(грубо).* Молчи, тебя не спрашивают! *(Обычным голосом.)* Все... все... Все — что? *(Грубо.)* Что — все?

Роджер Блин в роли Хамма в спектакле «Энд-шпиль» (постановка 1957 г.)

Клов. Что — все? Да? Тебе — одним словом?

Минуточку. *(Наставляет телескоп наружу, смотрит, опускает телескоп, поворачивается к Хамму.)* Все пропало. *(Пауза.)* Ну как? Доволен?

Хамм. Погляди на море.

Клов. Все одно.

Хамм. Погляди на океан!

Клов слезает со стремянки, делает несколько шагов к окну налево, возвращается за стремянкой, ставит ее под левым окном, взбирается на нее, наставляет телескоп наружу, долго смотрит. Вздрагивает, опускает телескоп, проверяет его, снова смотрит.

Клов. В жизни такого не видывал!

Хамм *(встревоженно)*. Что? Парус? Плавник? Дым?

Клов *(все смотрит).* Маяк на мысу.

Хамм *(с облегчением).* Ух! Он и всегда там был.

Клов *(смотрит).* От него только часть осталась.

Хамм. Фундамент.

Клов. Да.

Хамм. А что там еще?

Клов *(смотрит).* Ничего.

Хамм. А чайки?

Клов. Чайки!

Хамм. А горизонт? И на горизонте — ничего?

Клов *(опускает телескоп, поворачивается к Хамму, в отчаянии).* А что тебе надо на горизонте? *(Пауза.)*

Хамм. Волны! Волны там какие?

Клов. Волны-то? *(Наставляет телескоп.)* Свинцовые.

Хамм. А солнце?

Клов *(смотрит)*. Нету.

Хамм. Значит, оно садится. Посмотри хорошенько.

Клов *(присмотревшись).* Ни черта.

Хамм. Значит, уже ночь?

Клов *(смотрит)*. Нет.

Хамм. Так что же там?

Клов *(смотрит).* Все серое. *(Опускает телескоп, поворачивается к Хамму. Громче.)* Серое. *(Пауза. Еще громче.)* СЕРОЕ! *(Слезает со стремянки, сзади подходит к Хамму и шепчет ему в ухо.)*

Хамм *(подскакивает).* Серое! Ты сказал — серое?

Клов. Светло-черное. Везде.

Хамм. Ну это ты хватил. *(Пауза.)* Не стой над душой. Мне страшно.

Клов возвращается на свое место рядом с креслом.

Клов. Зачем каждый день разыгрывать эту

комедию?

Хамм. Так, по привычке. На всякий случай. *(Пауза.)* Сегодня ночью я заглянул себе в грудь. Там было одно большое бобо.

Клов. Ты видел свое сердце.

Хамм. Нет, оно было живое. *(Пауза. Тревожно.)* Клов!

Клов. Да.

Хамм. Что-то творится.

Клов. Что-то идет своим чередом. *(Пауза.)*

Хамм. Клов!

Клов *(раздраженно).* Ну чего тебе?

Хамм. А мы не идем к тому, чтобы что-то... что-то... значить?

Клов. Значить? Мы с тобой? *(Смешок.)* Ну ты загнул!

Хамм. Я вот думаю. *(Пауза.)* Вообрази, если б существо, одаренное разумом, вернулось на землю и наблюдало нас достаточно долгое время — могло бы оно составить о нас представление? *(Голосом существа, одаренного разумом.)* «А-а, прекрасно, теперь я вижу, что это такое, теперь я понимаю, что они делают!»

Клов вздрагивает, роняет телескоп и принимается скрести низ живота обеими руками.

(Хамм продолжает своим обычным голосом.)

Но и не заходя так далеко, мы сами... *(растроганно)* ... мы сами... в определенные моменты... *(с жаром)* ведь подумать, что все это было, возможно, и не напрасно!

Клов *(в тревоге, чешется).* На мне блоха!

Хамм. Блоха? Разве есть еще блохи?

Клов. На мне вот есть одна. *(Чешется.)* Если это, конечно, не вошь платяная.

Хамм *(в крайнем волнении).* Но так же может развиться заново человечество! Поймай ты ее ради всего святого!

Клов. Пойду порошок принесу. *(Уходит.)*

Хамм. Блоха! Ужасно! Ну и денек!

Клов *(входит с опрыскивателем).* Я вот средство от них принес.

Хамм. Прысни ей в физиономию!

Клов расслабляет пояс, расстегивает брюки, прыскает в отверстие антиблошиным средством. Наклоняется, смотрит, ждет, снова отчаянно прыскает, наклоняется, смотрит, ждет.

Клов. Вот сволочь!

Хамм. Убил?

Клов. Похоже. *(Бросает опрыскиватель, застегивает брюки.)* Если это не претворение.

Хамм. Претворение! Притворство — ты хочешь сказать! Если это с ее стороны не притворство.

Клов. А-а, надо говорить притворство? Не претворение?

Хамм. Ну сам подумай. Если б это было претворение — хороши бы мы были. *(Пауза.)*

Клов. Как насчет пипи?

Хамм. Сейчас будет.

Клов. Вот и умница, вот и умница. *(Пауза.)*

Хамм *(с чувством).* Давай подадимся вдвоем на юг! К морю! Ты сделаешь плот, и нас понесет течением, далеко-далеко, к другим... млекопитающим!

Клов. Не приведи бог.

Хамм. Один! Я один отправлюсь! Немедленно делай плот. Завтра я буду далеко-далеко.

Клов *(спешит к двери).* Сейчас же за дело примусь.

Хамм. Подожди.

Клов останавливается.

Как ты думаешь, акулы там будут?

Клов. Акулы? Не знаю. Есть — так и будут. *(Идет к двери.)*

Хамм. Подожди! *(Клов останавливается.)* Успокоительное не пора принимать?

Клов *(с яростью).* Нет! *(Идет к двери.)*

Хамм. Подожди.

Клов останавливается.

Как у тебя с глазами?
Клов. Плохо.
Хамм. Но ты видишь.
Клов. Достаточно.
Хамм. Как ноги?
Клов. Плохо.
Хамм. Но ты ходишь.
Клов. Да. Туда... сюда.
Хамм. По моему дому. *(Пауза. Пророчески, самозабвенно.)* В один прекрасный день ты ослепнешь. Как я. И будешь сидеть, крошечный, затерянный в пустоте, навеки во тьме. Как я. *(Пауза.)* В один прекрасный день ты скажешь: Я устал, я сяду, — и ты сядешь. Потом ты скажешь: Я проголодался, надо встать, раздобыть еду. Но ты не встанешь. Ты скажешь себе: Зря я сел, но раз уж я сел, я еще немножечко посижу, а потом встану, раздобуду еду. Но ты не встанешь, не раздобудешь еду. *(Пауза.)* Ты будешь разглядывать стену, потом ты скажешь: Закрою-ка я глаза: может, вздремну, а там и полегчает, и ты закроешь глаза. А когда ты их откроешь — уже не будет стены. *(Пауза.)* Бесконечность пустоты будет вокруг, всем мертвецам всех времен, воскреснув, ее не заполнить, ты будешь как песчинка посреди бескрайних степей. *(Пауза.)* Да, в один прекрасный день ты

поймешь, каково это, ты станешь, как я, только у тебя никого не будет, потому что ты никого не пожалеешь, и уже никого не будет, кого можно жалеть. *(Пауза.)*

Клов. Это еще неизвестно. *(Пауза.)* И потом, ты забыл одну вещь.

Хамм. Да?

Клов. Я не могу сесть.

Хамм *(раздраженно)*. Ну так ты ляжешь, подумаешь, дело большое! Или просто замрешь и навытяжку будешь стоять, вот как сейчас. В один прекрасный день ты скажешь: Я устал, хватит. А поза — какая разница! *(Пауза.)*

Клов. Значит, вы все хотите, чтоб я от вас ушел?

Хамм. Ну да.

Клов. Ладно, я от вас уйду.

Хамм. Не можешь ты от нас уйти.

Клов. Значит, не уйду.

Хамм. Почему бы тебе нас не прикончить. *(Пауза.)* Я тебе открою секрет буфетного замка, если ты поклянешься меня прикончить.

Клов. Не могу я тебя прикончить.

Хамм. Значит, ты меня не прикончишь. *(Пауза.)*

Клов. Ну, я пошел, у меня дела.

Хамм. А помнишь, как ты здесь появился?

Клов. Нет. Сам же ты говорил — я был еще совсем маленький.

Хамм. Отца своего помнишь?

Клов *(устало).* Ответ тот же. *(Пауза.)* Ты тысячу раз меня спрашивал. Те же вопросы.

Хамм. Люблю старые вопросы. *(С жаром.)* Ах, старые вопросы, старые ответы, что может быть лучше! *(Пауза.)* Это я послужил тебе отцом.

Клов. Да. *(Пристально на него смотрит.)* Что послужил, то послужил.

Хамм. Мой дом послужил тебе родным домом.

Клов. Да. *(Медленно обводит взглядом сцену.)* Что послужил, то послужил.

Хамм *(гордо).* Без меня *(показывает на себя)* — никакого отца. Без Хамма *(обводит жестом вокруг)* — никакого дома.

Клов. Уйду я от тебя.

Хамм. А ты никогда не думал об одной вещи?

Клов. Никогда.

Хамм. Что мы тут в дыре. *(Пауза.)* Но за холмами. А? Может, они еще зеленые. А? *(Пауза.)* Флора! Помона! *(Самозабвенно.)* Церера! *(Пауза.)* Может, очень далеко и не придется идти.

Клов. Очень далеко я и не могу идти. *(Пауза.)* Уйду я от тебя, уйду.

Хамм. Готова моя собака?

Клов. Одной лапы не хватает.

Хамм. Она шелковистая?

Клов. Вроде пуделя.

Хамм. Принеси.

Клов уходит.

Продолжаем. *(Вынимает платок, не разворачивая, утирает лицо, снова кладет платок в карман.)*

Входит Клов, держа за одну из трех лап черную игрушечную собаку.

Клов. Вот твои собаки. *(Протягивает собаку Хамму, тот сажает ее себе на колени, ощупывает, ласкает.)*

Хамм. Она белая, да?

Клов. Нет. *(Пауза.)*

Хамм. Кобель или сучка? Ты про это забыл.

Клов *(раздраженно)*. Она же не готова. А уж это дело десятое. *(Пауза.)*

Хамм. И про бантик забыл.

Клов *(сердито).* Сказано тебе — она не готова. Сперва собаку сделать надо, потом бантик цеплять! *(Пауза.)*

Хамм. А стоять она может?

Клов. Не знаю.

Хамм. Попробуй. *(Отдает собаку Клову, тот*

кладет ее на пол.) Ну?

Клов. Погоди ты. *(Опускается на корточки, пытается поставить собаку, но безуспешно. Потом отпускает. Собака валится на бок.)*

Хамм. Ну как?

Клов. Стоит.

Хамм *(пытается нащупать собаку).* Где? Где она?

Клов ставит собаку, придерживает.

Клов. Тут она. *(Берет руку Хамма, кладет собаке на голову.)*

Хамм *(держа руку у собаки на голове).* Смотрит она на меня?

Клов. Да.

Хамм *(гордо).* Будто просит, чтоб я вывел ее погулять.

Клов. Может, и так.

Хамм *(тем же тоном).* Или косточку выпрашивает. *(Убирает руку.)* Оставь ее, пусть стоит, меня умоляет.

Клов поднимается. Собака валится на бок.

Клов. Уйду я.

Хамм. Ну, были у тебя твои видения?

Клов. Меньше.

Хамм. Лампа у матушки Пегг горит?

Клов. Лампа! Почему это у кого-то будет гореть

лампа!

Хамм. Угасла.

Клов. Ясно, угасла. Загасили — вот и угасла.

Хамм. Нет, я матушку Пегг имею в виду.

Клов. А-а, эта-то, точно, угасла. Да что это с тобой сегодня?

Хамм. Иду естественным ходом. *(Пауза.)* Похоронили ее?

Клов. Похоронили! Кто это должен ее хоронить!

Хамм. Ты.

Клов. Я! Делать мне, что ли, нечего — людей хоронить?

Хамм. Меня-то ты похоронишь.

Клов. Нет, я тебя не похороню. *(Пауза.)*

Хамм. Хорошенькая когда-то была, прелесть. И не то чтобы чересчур строгих правил.

Клов. Мы тоже хорошенькие были — когда-то. Это поискать — кто хорошенький не был — когда-то.

Хамм. Пойди принеси багор.

Клов идет к двери, останавливается.

Клов. Сделай то, сделай се, а я что? Я никогда не отказываюсь. Почему это?

Хамм. Ты не можешь.

Клов. Скоро ничего больше делать не буду.

Хамм. Скоро не сможешь.

Клов уходит.

Ах люди-люди, все-то им приходится объяснять.

Входит Клов с багром.

Клов. Вот твой багор. На, съешь. *(Дает багор Хамму, тот пытается, отталкиваясь им, подвинуть кресло налево, направо, вперед.)*

Хамм. Двигаюсь я?

Клов. Нет.

Хамм бросает багор.

Хамм. Пойди масленку принеси.

Клов. Зачем это?

Хамм. Колесики смазать.

Клов. Вчера смазывал.

Хамм. Вчера! Что это значит? Вчера!

Клов *(сердито).* А то и значит — день поганый перед другим таким же. Я слова так употребляю, как ты меня учил. А если они уже ничего не значат — по-другому научи. Или дай помолчать. *(Пауза.)*

Хамм. Я знавал одного сумасшедшего, который считал, что уже настал конец света. Художник. Очень я его любил. Навещал его в сумасшедшем доме. Возьму его за руку, подведу к окну. Смотри! Ну! Хлеба колосятся! А там! Смотри! Рыбачьи

парусники! Красота какая! *(Пауза.)* А он руку выдернет и опять забьется в свой угол. От ужаса сам не свой. Всюду видел одно пепелище. *(Пауза.)* Его одного пощадили. *(Пауза.)* Просто забыли. *(Пауза.)* Кажется, наш случай... его случай не такой уж... не такой уж редкий.

Клов. Сумасшедший? Когда это?

Хамм. А-а, давным-давно. Тебя еще на свете не было. Клов. Вот славное было времечко!

Пауза. Хамм снимает тюбетейку.

Хамм. Очень я его любил. *(Пауза. Надевает тюбетейку.*

Пауза.) Художник.

Клов. Каких только ужасов не бывает.

Хамм. Ну нет, не так уж их много осталось. *(Пауза.)* Клов.

Клов. Ну?

Хамм. Ты не думаешь, что пора это кончать?

Клов. А как же. *(Пауза.)* Что именно?

Хамм. Ну... это... все.

Клов. Я всегда так думал. *(Пауза.)* А ты?

Хамм *(мрачно).* Значит, сегодня день как день.

Клов. Еще не вечер. *(Пауза.)* Всю жизнь — та же бредятина. *(Пауза.)*

Хамм. А я вот не могу от тебя уйти.

Клов. Известно. И за мной пойти не можешь.

(Пауза.) Хамм. Если ты от меня уйдешь — как я про это узнаю? Клов *(оживившись).* Ты посвистишь, а я не прибегу — ну и значит, я от тебя ушел. *(Пауза.)*

Хамм. Даже попрощаться не придешь?

Клов. Уж не знаю, не знаю. *(Пауза.)*

Хамм. А вдруг ты просто умер у себя на кухне?

Клов. То на то и выйдет.

Хамм. Нет, а как же я узнаю, что ты просто умер у себя на кухне?

Клов. Ну... провоняю же я в конце концов.

Хамм. Ты и так воняешь. Весь дом трупом пропах.

Клов. Весь мир.

Хамм *(сердито).* К черту мир! *(Пауза.)* Ну, придумай что-нибудь.

Клов. Что?

Хамм. Что-нибудь, что-нибудь. *(Пауза. Сердито.)* Какую-нибудь комбинацию!

Клов. А-а, ладно. *(Начинает расхаживать туда-сюда, устава взгляд в пол, заложив руки за спину. Останавливается.)* Ноги болят! Сил нет. Скоро думать не смогу.

Хамм. И уйти от меня не сможешь.

Клов снова начинает ходить.

Ты что делаешь?

Клов. Комбинацию придумываю. *(Ходит.)* Ага! *(Останавливается.)*

Хамм. Мыслитель! *(Пауза.)* Ну?

Клов. Погоди. *(Поразмыслив. Не очень убежденно.)* Ну...

(Пауза. Более убежденно.) Да. *(Поднимает голову.)* Придумал! Я будильник заведу. *(Пауза.)*

Хамм. Может, я сегодня не в ударе, но...

Клов. Ты свистишь. Я не прихожу. Звонит будильник.

Я далеко. Будильник не звонит. Я умер. *(Пауза.)*

Хамм. А он ходит? *(Пауза. Нервно.)* Ходит этот будильник?

Клов. А чего ему не ходить-то?

Хамм. Ну, оттого, что слишком много ходил.

Клов. Да он и не ходил почти что.

Хамм *(сердито)*. Ну, оттого, что слишком мало ходил!

Клов. Пойду погляжу. *(Уходит. Игра с платком. Звон будильника за кулисами. Входит* Клов *с будильником. Подносит его к уху Хамма, включает звонок. Оба слушают звонок до конца. Пауза.)* Мертвого разбудит. Слыхал?

Хамм. Еле-еле.

Клов. Конец — прямо неслыханный!

Хамм. Предпочитаю середину. *(Пауза.)* Успоко-

ительное не пора принимать?

Клов. Нет. *(Идет к двери. Возвращается.)* Уйду я от тебя.

Хамм. Пора рассказать мою историю. Хочешь послушать мою историю?

Клов. Нет.

Хамм. Спроси у отца — хочет он послушать мою историю?

Клов идет к бакам, поднимает крышку, заглядывает в бак Нагга. Пауза. Клов распрямляется.

Клов. Он спит.

Хамм. Разбуди.

Клов наклоняется, будит Нагга звоном будильника. Неразборчивое бормотание. Клов распрямляется.

Клов. Он не хочет слушать твою историю.

Хамм. Я ему конфетку дам.

Клов наклоняется. Неразборчивое бормотание. Клов распрямляется.

Клов. Он хочет драже.

Хамм. Он получит драже.

Клов наклоняется. Неразборчивое бормотание. Клов распрямляется.

Клов. Он согласен. *(Идет к двери.)*

Появляются руки Нагга, вцепившиеся в края бака. Потом появляется голова. *(Клов открывает*

дверь, возвращается.) Ты веришь в загробную жизнь?

Хамм. Моя жизнь такова от рожденья.

Клов выходит, прикрывает за собой дверь.

То-то. Проняло.

Нагг. Я слушаю.

Хамм. Гнус. Зачем ты меня сделал?

Нагг. Откуда же я мог знать...

Хамм. Что? Чего ты не мог знать?

Нагг. Что это будешь ты. *(Пауза.)* Ты дашь мне конфетку?

Хамм. После прослушивания.

Нагг. Клянешься?

Хамм. Да.

Нагг. Чем?

Хамм. Своей честью. *(Пауза. Оба смеются.)*

Нагг. Две штучки.

Хамм. Одну.

Нагг. Одну мне и одну...

Хамм. Одну! Замолчи! *(Пауза.)* Так на чем я остановился? *(Пауза. Мрачно.)* Кончено. С нами все кончено. *(Пауза.)* Почти кончено. *(Пауза.)* Скоро не будет голоса. *(Пауза.)* Стучит, стучит в голове.

Подавляемая веселость Нагга.

В одном и том же месте. *(Пауза.)* Может быть, маленький сосудик. *(Пауза.)* Маленькая арте-

рия. *(Пауза. Одушевляясь.)* Ну ладно, так на чем я остановился? *(Пауза. Повествовательным тоном.)* Незнакомец медленно приближался ко мне, он полз на четвереньках. Удивительно бледный и худой, он был, казалось, на грани... *(Пауза. Обычным тоном.)* Нет, это уже было. *(Пауза. Повествовательным тоном.)* Установилась долгая-долгая пауза. *(Обычным тоном.)* Красивое место. *(Повествовательным тоном.)* Я невозмутимо набил трубку — пенковую трубку... зажег ее... скажем, с помощью серной спички, сделал несколько затяжек. А-ах! *(Пауза.)* Говорите же, я вас слушаю. *(Пауза.)* В тот день был страшный холод, ноль на градуснике. Но так как был канун Рождества, в этом не было ничего... ничего удивительного. Погода соответствовала календарю, как нередко случается. *(Пауза.)* Нуте-с, каким же ненастным ветром вас сюда занесло? Он поднял ко мне лицо, все черное от грязи, смешанной со слезами. *(Пауза. Обычным тоном.)* Недурно, сойдет. *(Повествовательным тоном.)* Нет-нет, не смотрите на меня, не смотрите на меня! Он опустил глаза, бормоча что-то, по-видимому, в свое оправдание. *(Пауза.)* Я очень занят, сами понимаете — праздник. *(Пауза. С нажимом.)* Какова причина вашей навязчивости? *(Пауза.)*

В тот день, помнится, было яркое-яркое солнце, пятьдесят по гелиометру, но оно уже садилось... спускалось в... страну мертвых. *(Обычным тоном.)* Красиво. *(Повествовательным тоном.)* Но довольно же, не мешкайте, представьте без отлагательств ходатайство ваше, ибо меня ждет бездна дел. *(Обычным тоном.)* Каков язык! Ну вот. *(Повествовательным тоном.)* И тут-то наконец он решился. Речь идет о моем ребенке, сказал он. Ай-ай-ай, о моем ребенке. О моем мальчике, прибавил он, словно пол мог иметь тут значение. Откуда он сам? Он назвал какое-то захолустье. Чуть не полдня на лошади. Не хотите ли вы этим сказать, что там до сих пор еще есть население? Нет-нет, ни души, не считая его и ребенка — если тот существует. Так-так. Я осведомился о ситуации в Кове, по ту сторону пролива. Полное безлюдье. И вы думаете, я вам поверю, будто вы бросили там своего малыша, да еще живьем? Ну, знаете ли. *(Пауза.)* В тот день, помнится, был страшный ветер, сто по анемометру. Он вырывал с корнем мертвые пихты и уносил... прочь. *(Пауза. Обычным тоном.)* Тут не дотянуто. *(Повествовательным тоном.)* Нуте-с, говорите, чего вам от меня надо, мне пора украшать елку. *(Пауза.)* Короче говоря, в конце концов я заключил, что

он просит у меня хлеба для своего ребенка. Хлеба! Обыкновеннейший нищий. Хлеба? Но у меня нет хлеба, он вреден для моего желудка. Так. Тогда, может быть, немного зерна? *(Пауза. Обычным тоном.)* Сойдет. *(Повествовательным тоном.)* Зерно у меня действительно есть. В моих закромах. Но пораскиньте мозгами. Я дам вам зерна, килограмм, ну, полтора килограмма, вы отнесете его своему ребенку и сварите ему — если он еще жив — горшочек кашки.

Нагг оживляется.

Ну, полтора горшочка очень питательной каши. Хорошо.

Сцена из спектакля «Эндшпиль» (постановка 1958 г.)

У него зардеются щечки — быть может. А дальше-то что? *(Пауза.)* Я вышел из себя. Пораскиньте мозгами, пораскиньте мозгами — вы же на земле, и тут ничего не попишешь! *(Пауза.)* В тот день, помнится, была страшная сушь, ноль по гидрометру. Идеально для моего ревматизма. *(Пауза. С воодушевлением.)* Так на что же вы надеетесь? Что весною проснется земля? Что моря и реки будут изобиловать рыбой? Что найдется еще манна на небе для такого идиота, как вы? *(Пауза.)* Я постепенно остывал и наконец мог уже спросить у него, сколько времени заняла у него дорога. Три полных дня. В каком положении оставили вы ребенка? Он спал глубоким сном. *(Со значением.)* Но — каким, каким сном? *(Пауза.)* Короче говоря, я ему предложил поступить ко мне на службу. Он меня тронул. К тому же я догадался, что мне уже недолго осталось. *(Смеется. Пауза.)* Ну? *(Пауза.)* Ну? *(Пауза.)* А если повезет, вы можете спокойно умереть своей смертью в тепле и комфорте. *(Пауза.)* Ну? *(Пауза.)* Наконец он спросил, не соглашусь ли я принять и его ребенка, если тот еще жив. *(Пауза.)* Этого мгновенья я ждал.

(Пауза.) Не соглашусь ли я принять и ребенка! *(Пауза.)* Так и вижу его — на четвереньках, уперся ладонями в землю, вперил в меня безумный взор — несмотря на все то, что я успел ему втолковать. *(Пауза. Обычным тоном.)* На сегодня достаточно. *(Пауза.)* Там совсем немного осталось. *(Пауза.)* Если не ввести еще персонажей. *(Пауза.)* Но где я их возьму? *(Пауза.)* Где я их буду искать? *(Пауза. Свистит.)*

Входит Клов.

Помолимся Богу.

Нагг. Где моя конфетка?!

Клов. Там на кухне — крыса.

Хамм. Крыса? Разве есть еще крысы?

Клов. На кухне вот есть одна.

Хамм. И ты ее не истребил?

Клов. Наполовину. Ты нам помешал.

Хамм. Не может она спастись?

Клов. Нет.

Хамм. Ты потом ее прикончишь. Помолимся.

Клов. Опять?

Нагг. Где моя конфетка?

Хамм. Сначала — Бог. *(Пауза.)* Готовы?

Клов *(покорно.)* Ну давай.

Хамм *(Наггу.)* А ты?

Нагг *(сложив руки, закрыв глаза, скороговор-*

кой). Отче наш, иже еси на небесех...

Хамм. Про себя! Про себя! Что за манеры? Начали. Молитвенные позы. Молчание. Хамм смутился первым.

Ну?

Клов *(открыв глаза).* Ни шиша. А у тебя?

Хамм. Абсолютный нуль! *(Наггу.)* А у тебя?

Нагг. Погоди. *(Пауза. Открыв глаза.)* Пустой номер. Хамм. Вот подлец! Его же не существует!

Клов. Пока еще.

Нагг. Где моя конфетка?

Хамм. Конфеток больше нет. Все. Ты больше никогда не получишь конфетку.

Нагг. Что ж. Естественно. В конце концов я твой отец. Правда, не я — так был бы другой. Но это не оправдание. *(Пауза.)* Вот рахат-лукум, например, все мы знаем, что его больше не существует, а я люблю его больше всего на свете. И когда-нибудь я у тебя его попрошу взамен, и ты мне его пообещаешь. Надо идти в ногу с временем. *(Пауза.)* Кого ты звал, когда был маленький и боялся темноты? Мать? Нет. Меня. Тебе давали поплакать. А потом помещали в дальнюю комнату, чтоб самим хорошенько выспаться. *(Пауза.)* Я спал мирным сном, как король, а ты меня разбудил, чтоб я тебя слушал. В этом не было необходимости, тебе и

не нужно было, чтоб я тебя слушал. Да я и не слушал. *(Пауза.)* Надеюсь, настанет день, когда тебе действительно будет нужно, чтоб я тебя слушал, и нужно будет услышать мой голос — какой-нибудь голос. *(Пауза.)* Да, надеюсь, я доживу до того, чтоб услышать, как ты зовешь меня, как тогда, когда был еще маленький и боялся темноты и только на меня и надеялся. *(Пауза. Нагг стучит по крышке соседнего бака. Пауза.)* Нелл! *(Пауза. Он стучит громче. Пауза. Еще громче.)* Нелл! *(Пауза. Нагг ныряет в свой бак, закрывает за собой крышку. Пауза.)*

Хамм. Кончен бал. *(Нащупывает собаку.)* И собака ушла.

Клов. Собака ненастоящая, не могла она уйти.

Хамм *(шарит рукой).* Но ее же нет.

Клов. Она легла.

Хамм. Дай ее сюда.

Клов берет с полу собаку и дает Хамму. Хамм держит ее на руках. Пауза. Хамм швыряет собаку.

Грязное животное!

Клов начинает собирать валяющиеся на полу вещи.

Ты что это делаешь?

Клов. Порядок навожу. *(Распрямляется. В серд-*

цах.) Все к черту выброшу! *(Снова подбирает вещи с пола.)*

Хамм. Порядок!

Клов *(распрямляясь).* Я люблю порядок. Мечта у меня такая, чтоб все на свете лежало тихо, каждая вещь на последнем своем месте, под последней своей пылью. *(Снова принимается подбирать вещи.)*

Хамм *(в отчаянии).* Ох, да что же это ты творишь?

Клов *(распрямляясь, тихим голосом).* Хочу навести хоть какой-то порядок.

Хамм. Брось ты это все!

Клов бросает на пол вещи, которые подобрал.

Клов. Ладно, тут ли, еще ли где. *(Идет к двери.)*

Хамм *(раздраженно).* Что это у тебя с ногами?

Клов. С ногами?

Хамм. Топаешь как полк солдат.

Клов. Ботинки пришлось надеть.

Хамм. Шлепанцы жали, что ли? *(Пауза.)*

Клов. Уйду я от тебя.

Хамм. Нет!

Клов. А чего мне тут делать?

Хамм. Поддерживать разговор. *(Пауза.)* Я сочинил дальше мою историю. *(Пауза.)* Хорошо сочинил. *(Пауза. Раздраженно.)* Спроси, на чем я

остановился.

Клов. А-а между прочим, как твоя история?

Хамм *(в крайнем недоумении).* Какая история?

Клов. Та, которую ты вечно рассказываешь.

Хамм. Ах, это ты о моем романе?

Клов. Ну да. *(Пауза.)*

Хамм *(сердито).* Ну давай же, давай, вот человек!

Клов. Я надеюсь, ты сочинил дальше?

Хамм *(скромно).* Ах, немного, немного. *(Вздыхает.)* Бывают дни, когда как-то нет вдохновения. *(Пауза.)* Его приходится дожидаться. *(Пауза.)* Не насиловать же себя, нет, ни под каким видом, это губительно. *(Пауза.)* Но немного я, однако же, сочинил. *(Пауза.)* Уменье, техника ведь всегда остаются, не так ли? *(Пауза. С нажимом.)* Я говорю, я, однако же, еще немного сочинил.

Клов *(с восхищением).* Ах, ну надо же! Ты, однако же, еще немного сочинил!

Хамм *(скромно).* Ну, знаешь ли, совсем-совсем немного, но и то лучше, чем ничего.

Клов. Лучше, чем ничего! Ну надо же!

Хамм. Сейчас я тебе расскажу. Он ползет на четвереньках...

Клов. Кто?

Хамм. Что значит — кто?

Клов. Кто — он?

Хамм. Ох, господи. Ну — другой.

Клов. А-а, вон кто! А я было сомневался.

Хамм. Ползая на четвереньках, он просит хлеба для своего малыша. Ему предлагают место садовника. Прежде чем...

Клов смеется.

Что тут смешного?

Клов. Место садовника!

Хамм. Это тебя насмешило?

Клов. Наверно.

Хамм. А может, хлеб?

Клов. Или малыш. *(Пауза.)*

Хамм. Все это действительно очень забавно. Давай от души похохочем, а?

Клов *(поразмыслив)*. Не могу я сегодня больше от души хохотать.

Хамм *(поразмыслив)*. И я. *(Пауза.)* Итак, я продолжаю. Прежде чем с благодарностью согласиться, он спрашивает, нельзя ли взять с собой и ребенка.

Клов. Сколько ему лет?

Хамм. Ах, совсем крошечный.

Клов. Он по деревьям будет лазать.

Хамм. Мелкие поручения выполнять.

Клов. Потом вырастет.

Хамм. Очень может быть. *(Пауза.)*

Клов. Ну давай же, давай, вот человек!

Хамм. Вот и все. Я на этом остановился. *(Пауза.)*

Клов. Продолжение знаешь?

Хамм. Приблизительно.

Клов. Конец — скоро?

Хамм. Боюсь, что да.

Клов. Ну, ты другой роман сочинишь.

Хамм. Не знаю. *(Пауза.) Я* как-то опустошен. *(Пауза.)* Эти длительные творческие усилия... *(Пауза.)* Дотащиться бы до моря! Сделать подушку из песка и дожидаться прилива.

Клов. Прилива больше нет. *(Пауза.)*

Хамм. Посмотри, умерла она там?..

Клов идет к баку Нелл, наклоняется, заглядывает внутрь.

Пауза.

Клов. Похоже, что да. *(Закрывает крышку.)*

Хамм приподнимает тюбетейку. Пауза. Снова надевает тюбетейку.

Хамм *(не отнимая руки от тюбетейки).* А Нагг?

Клов поднимает крышку второго бака, наклоняется, заглядывает внутрь. Пауза.

Клов. Похоже, что нет. *(Закрывает крышку.)*

Хамм *(отнимая руку от тюбетейки).* Что он

делает? Клов приподнимает крышку, наклоняется. Пауза.

Клов. Плачет. *(Закрывает крышку, распрямляется.)*

Хамм. Значит, он жив. *(Пауза.)* Ты испытал в своей жизни хоть мгновенье счастья?

Клов. Что-то не замечал. *(Пауза.)*

Хамм. Подкати меня к окну.

Клов подходит к креслу.

Хочу ощутить свет на своем лице.

Клов подталкивает кресло.

Помнишь, еще вначале, когда возил меня гулять, как ты вечно дергал кресло. На каждом шагу чуть меня не вываливал. *(Дребезжащим старческим голосом.)* Хе-хе! Уж мы повеселились с тобой, уж мы повеселились! *(Мрачно.)* Потом попривыкли.

Клов ставит кресло против правого окна.

Уже? *(Пауза. Хамм запрокидывает голову. Пауза.)* Сейчас светло?

Клов. Не ночь.

Хамм *(сердито)*. Светло сейчас — я спрашиваю?

Клов. Да. *(Пауза.)*

Хамм. Шторы не задернуты?

Клов. Нет. *(Пауза.)*

Хамм. Что за этим окном?

Клов. Земля.

Хамм. Так я и знал! *(Сердито.)* Но тут нет света! К другому!

Клов везет кресло к левому окну.

(Хамм запрокидывает голову.) Вот это — свет! *(Пауза.)* Можно сказать, луч солнца! *(Пауза.)* Нет?

Клов. Нет.

Хамм. Значит, это не луч солнца я чувствую на своем лице?

Клов. Нет. *(Пауза.)*

Хамм. Я очень белый, да? *(Пауза. Злобно.)* Я очень белый — я тебя спрашиваю?

Клов. Какой всегда, такой же. *(Пауза.)*

Хамм. Открой окно.

Клов. Это зачем?

Хамм. Я хочу услышать море.

Клов. Не услышишь.

Хамм. Даже если ты откроешь окно?

Клов. Даже.

Хамм. Значит, и открывать не стоит?

Клов. Не стоит.

Хамм *(зло).* Тогда открой!

Клов взбирается на стремянку, открывает окно. Пауза.

Открыл?

Клов. Да. *(Пауза.)*

Хамм. Клянешься, что открыл?

Клов. Да. *(Пауза.)*

Хамм. Ну вот... *(Пауза.)* Значит, оно совсем спокойное. *(Пауза. Раздраженно.)* Спокойное оно — я тебя спрашиваю?

Клов. Да.

Хамм. Это потому, что мореплавателей больше нет. *(Пауза.)* Что-то ты не очень поддерживаешь разговор. *(Пауза.)* Что это с тобой?

Клов. Я замерз.

Хамм. Какой сейчас месяц? *(Пауза.)* Закрой окно. Отходим на прежнюю позицию.

Клов закрывает окно, слезает со стремянки, отвозит кресло на место, стоит за спинкой, свесив голову.

Не стой над душой, мне страшно.

Клов возвращается на свое место рядом с креслом.

Отец. *(Пауза. Громче.)* Отец! *(Пауза.)* Пойди погляди — слышал он или нет.

Клов идет к баку Нагга, приподнимает крышку, наклоняется. Неразборчивое бормотание. Клов распрямляется.

Клов. Да.

Хамм. Оба раза?

Клов наклоняется. Неразборчивое бормотание. Клов распрямляется.

Клов. Один.

Хамм. В первый или во второй?

Клов наклоняется. Та же игра.

Клов. Он не знает.

Хамм. Наверно, во второй.

Клов. Неизвестно. *(Закрывает крышку.)*

Хамм. Он еще плачет?

Клов. Нет.

Хамм. Покойникам не позавидуешь! *(Пауза.)* Что он делает?

Клов. Печенье сосет.

Хамм. Жизнь продолжается.

Клов возвращается на свое место рядом с креслом.

Дай мне плед, я дрогну.

Клов. Пледов больше нет. *(Пауза.)*

Хамм. Поцелуй меня. *(Пауза.)* Ты не хочешь меня поцеловать?

Клов. Нет.

Хамм. В лоб.

Клов. Я не хочу тебя целовать. Все равно куда. *(Пауза.)*

Хамм *(протягивая руку).* Хоть руку дай! *(Пауза.)* Ты не хочешь дать мне руку?

Клов. Я не хочу до тебя дотрагиваться. *(Пауза.)*

Хамм. Собаку дай.

Клов ищет собаку.

А-а да ладно.

Клов. Не хочешь свою собаку?

Хамм. Нет.

Клов. Ну, тогда я от тебя уйду.

Хамм *(свесив голову, рассеянно).* Да-да.

Клов подходит к двери, оборачивается.

Клов. Если я не убью эту крысу, она подохнет.

Хамм *(так же).* Да-да.

Клов уходит. Пауза.

Теперь мой ход. *(Вынимает платок, разворачивает, держит перед собой на вытянутых руках.)* Продолжаем. *(Пауза.)* Плачешь-плачешь попусту, только чтоб не смеяться, а там, глядишь, и впрямь охватывает грусть. *(Складывает платок, кладет в карман, поднимает голову.)* Им всем я мог бы помочь. *(Пауза.)* Помочь! *(Пауза.)* Спасти. *(Пауза.)* Спасти! *(Пауза.)* Сколько их тут было! *(Пауза. Раздраженно.)* Пораскиньте мозгами, пораскиньте мозгами, вы же на земле, и тут ничего не попишешь! *(Пауза.)* Подите прочь и любите друг друга! Лижите друг друга! *(Пауза. Спокойнее.)* Когда нет хлеба, сойдут и пряники. *(Пауза. Гневно.)* Идите с глаз моих долой, возвращайтесь

к своим кутежам! И все такое, все такое! *(Пауза.)* *Даже* собаки настоящей нет! *(Спокойнее.)* В самом начале — конец, и все равно продолжаешь. *(Пауза.)* Может, продолжить роман, кончить, начать другой? *(Пауза.)* Может, броситься на пол? *(С трудом приподнимается на сиденье, снова падает.)* Вонзить ногти в бороздки и оттолкнуться. *(Пауза.)* И это будет конец, и я буду себя спрашивать, что привело к нему, и буду себя спрашивать, отчего... *(колеблется)* ... отчего он пришел так поздно. *(Пауза.)* И буду я в старом прибежище, один на один с молчанием... *(колеблется)* ... и неподвижностью. Если я смогу молчать и не двигаться, все кончится, не будет ни звука, ни движенья. *(Пауза.)* Я позову отца, я позову... *(колеблется)* ... сына. Два раза, три раза, если они не услышат в первый и во второй. *(Пауза.)* Я скажу себе: Он вернется. *(Пауза.)* А потом? *(Пауза.)* Что потом? *(Пауза.)* Он не может, он слишком далеко ушел. *(Пауза.)* А потом? *(Пауза. В страшном волнении.)* Всякие фантазии! Что за мной следят! Крыса! Шаги! Глаза! Кто-то сдерживает дыхание и потом... *(Вздыхает.)* Говорить, говорить, говорить, как ребенок, который себя делит надвое, натрое, чтоб было с кем разговаривать, когда страшно одному в темноте. *(Пауза.)* Мгновение за мгновением

падают, как зернышки проса у того *(подыскивает слова)* старого грека, и всю жизнь только и ждешь, чтоб из них составилась жизнь. *(Пауза. Хочет продолжать, не может. Пауза.)* Поскорей бы уж! *(Свистит.)*

Входит Клов с будильником в руке. Останавливается возле кресла. Да ну! И не слишком далеко, и не умер?

Клов. Только в душе.

Хамм. Что именно?

Клов. И то и другое.

Хамм. Далеко — ты бы умер.

Клов. И наоборот.

Хамм *(гордо).* Далеко от меня — смерть. *(Пауза.)* А крыса?

Клов. Уцелела.

Хамм. Ну, ей далеко не уйти. *(Пауза.) А?*

Клов. Ей и не надо далеко уходить. *(Пауза.)*

Хамм. Не пора успокоительное принимать?

Клов. Как же.

Хамм. Ага! Наконец-то! Дай скорей!

Клов. Успокоительного больше нет. *(Пауза.)*

Хамм *(в отчаянии).* Нет!.. *(Пауза.)* Нет успокоительного!

Клов. Успокоительного больше нет. Все. Ты больше никогда не получишь успокоительного.

(Пауза.)

Хамм. А круглая коробочка?.. Она же полная была!

Клов. А теперь пустая. *(Пауза. Ходит по комнате. Он ищет, куда бы поместить будильник.)*

Хамм *(тихо).* Что же мне делать. *(Пауза. Вопит.)* Что же мне делать?

Клов замечает картину, снимает и, не перевернув, прислоняет на полу к стене, а на ее место вешает будильник.

Ты что там делаешь?

Клов. Шевелюсь потихоньку. *(Пауза.)*

Хамм. Посмотри на землю.

Клов. Опять?

Хамм. Раз уж она тебя влечет.

Клов. У тебя горло болит? *(Пауза.)* Хочешь таблеточку? *(Пауза.)* Нет? *(Пауза.)* Жаль. *(Клов, напевая, идет к правому окну, останавливается под ним, запрокидывает голову, смотрит.)*

Хамм. Да не пой ты!

Клов *(поворачиваясь к Хамму).* Уже и петь нельзя?

Хамм. Нельзя.

Клов. Как же тогда, по-твоему, это кончится?

Хамм. А тебе надо, чтоб кончилось?

Клов. Мне надо петь.

Хамм. Ну, тут я не могу тебе препятствовать.

Пауза. Клов поворачивается к окну.

Клов. Куда я стремянку запропастил? *(Ищет глазами стремянку.)* Ты не видел стремянку? *(Видит ее.)* А-а, ну ладно... *(Идет к левому окну.)* Иной раз даже сам удивляюсь, где моя голова? А потом — ничего, опять я все соображаю. *(Влезает на стремянку, смотрит в окно.)* Господи, да она под водой! *(Смотрит.)* Как же так? *(Тянет голову, прикладывает к вискам ладони щитками.)* И дождя вроде не было. *(Протирает стекло, смотрит. Пауза. Стучит себя по лбу.)* Ох, дурак! Я же не в ту сторону смотрю! *(Слезает со стремянки, делает несколько шагов к правому окну.)* Под водой!.. *(Возвращается за стремянкой.)* Ох, ну и дурак! *(Тащит стремянку к правому окну.)* Иной раз думаю, может, я совсем рехнулся. А потом — ничего, и опять я умный. *(Ставит стремянку под правым окном, влезает на нее, смотрит в окно. Поворачивается к Хамму.)* Может, тебя какие-то места особенно интересуют? *(Пауза.)* Или только все вместе?

Хамм *(слабым голосом).* Все вместе.

Клов. Общая картина? *(Пауза. Поворачивается к окну.)* Минуточку! *(Смотрит.)*

Хамм. Клов!

Клов *(поглощенный созерцанием).* М-м-м.

Хамм. Знаешь что?

Клов *(так же).* М-м-м.

Хамм. Меня никогда не было. *(Пауза.)* Клов!

Клов *(оборачиваясь к Хамму, выведенный из себя).* Ну чего тебе?

Хамм. Меня никогда здесь не было.

Клов. Повезло, значит. *(Отворачивается к окну.)*

Хамм. Я всегда отсутствовал. Все произошло без меня. Я не знаю, что произошло. *(Пауза.)* Вот ты — ты знаешь, что произошло? *(Пауза.)* Клов!

Клов *(оборачиваясь к Хамму, выведенный из себя).* Хочешь ты, чтоб я смотрел на это дерьмо? Да или нет?

Хамм. Сначала ответь!

Клов. Что?

Хамм. Знаешь ты, что произошло?

Клов. Где? Когда?

Хамм. Когда! Что произошло! Неужели непонятно! Что произошло?

Клов. Да пропади оно пропадом! *(Отворачивается к окну.)*

Хамм. А я вот не знаю.

Пауза. Клов поворачивается к Хамму.

Клов *(резко).* Когда матушка Пегг у тебя просила

керосина для лампы, а ты послал ее подальше — тогда ты знал, что произошло? Нет? *(Пауза.)* Ты знаешь, отчего умерла матушка Пегг? От темноты.

Хамм *(слабым голосом.)* У меня не было керосина.

Клов *(резко).* Нет, был! (Пауза.)

Хамм. Телескоп — у тебя?

Клов. Нет. И так видно.

Хамм. Возьми телескоп.

Пауза. Клов возводит глаза к небу, поднимает сжатые кулаки. Теряет равновесие, хватается за стремянку. Спускается на несколько ступенек, останавливается.

Клов. Однако я в толк не возьму. *(Спускается на пол. Стоит.)* Почему я вечно тебе подчиняюсь. Можешь ты это мне растолковать?

Хамм. Нет... Может быть, это жалость. *(Пауза.)* Такая великая жалость. *(Пауза.)* Ох, плохо тебе придется, плохо тебе придется.

Пауза. Клов начинает ходить по комнате. Он ищет телескоп.

Клов. Надоели мне наши истории. Во как надоели. *(Ищет.)* Он не под тобой? *(Сдвигает кресло, осматривает место, где оно стояло, ищет дальше.)*

Хамм *(в тревоге).* Не оставляй меня здесь!

Клов в сердцах везет кресло на прежнее место, снова ищет телескоп.

Я в самом центре?

Клов. Тут микроскоп нужен, чтоб найти этот... *(Видит телескоп.)* А-а! То-то же. *(Поднимает телескоп, идет к стремянке, влезает на нее, наставляет телескоп наружу).*

Хамм. Дай собаку.

Клов *(смотрит в окно).* Тихо ты.

Хамм *(настойчиво).* Дай собаку!

Клов роняет телескоп, берется обеими руками за голову.

Пауза. Быстро слезает со стремянки, ищет собаку, находит, поднимает, подходит к Хамму и ударяет его собакой по голове.

Клов. Вот тебе твоя собака!

Собака падает на пол. Пауза.

Хамм. Он меня ударил.

Клов. С тобой с ума сойдешь! Ты меня довел!

Хамм. Если уж тебе так надо меня ударить, ударь топором. *(Пауза.)* Или багром, ну, ударь меня багром. А не собакой. Багром. Или топором.

Клов подбирает собаку и дает ее Хамму. Тот берет ее на руки.

Клов *(умоляюще).* Давай прекратим игру!

Хамм. Никогда! *(Пауза.)* Положи меня в мой гроб.

Клов. Гробов больше нет.

Хамм. Тогда давай покончим!

Клов идет к стремянке.

(Хамм громко.) Разом!

Клов влезает на стремянку, останавливается, ищет телескоп, поднимает, влезает на стремянку, наставляет телескоп.

С темнотой! Ну, а я? Кто-нибудь, когда-нибудь — меня щадил?

Клов *(опускает телескоп, оборачивается к Хамму).* Чего? Это ты — мне?

Хамм *(сердито).* В сторону! Болван! В первый раз реплику «В сторону» слышишь? *(Пауза.)* Я примеряюсь к последнему монологу.

Клов. Учти. Я разглядываю эту пакость, потому что ты велел. Но это уж в последний раз. *(Наставляет телескоп.)* Так... Поглядим... *(Водит телескопом.)* Ничего... ничего... хорошо... очень хорошо... ничего... отлич... *(Вздрагивает, опускает телескоп, проверяет, снова наставляет. Пауза.)* Ай-ай-ай!

Хамм. Опять осложнения!

Клов слезает со стремянки.

Только бы не новые комбинации!

Клов *(в ужасе).* Вроде как малец.

Хамм *(саркастически).* Малец!

Клов. Пойду гляну. *(Слезает со стремянки, бросает телескоп, идет к двери, останавливается.)* Взять багор. *(Ищет багор, берет, идет к двери.)*

Хамм. Не стоит труда.

Клов останавливается.

Клов. Не стоит труда? Будущий производитель?

Хамм. Если он существует, он придет сюда, или он там погибнет. А если не существует... Не стоит труда. *(Пауза.)*

Клов. Ты мне не веришь? Думаешь, сочиняю? *(Пауза.)* Хамм. Все кончено, Клов, с нами все кончено. Ты мне больше не нужен. *(Пауза.)*

Клов. Ну и ладно. *(Идет к двери.)*

Хамм. Оставь мне багор.

Клов дает ему багор, смотрит на будильник.

Клов. Я ухожу. *(Пауза.)*

Хамм. Скажи мне что-нибудь на прощанье.

Клов. Чего уж тут говорить.

Хамм. Несколько слов... чтоб они запечатлелись... в моем сердце!

Клов. В твоем сердце!

Хамм. Да. *(Пауза. С силой.) Да. (Пауза.)* Чтоб в конце разделаться заодно с тенями, с бормота-

нием, со всем злом. *(Пауза.)* Клов... *(Пауза.)* Он никогда со мной не разговаривал. А потом, в конце, на прощанье, без всякой просьбы моей, он заговорил со мною. Он сказал мне...

Клов *(убито).* Ох!..

Хамм. Что-нибудь такое... от всего твоего сердца.

Клов. Моего сердца!

Хамм. Несколько слов... от сердца.

Клов *(с застывшим взглядом, без всякого выражения).* Мне говорили: Это и есть любовь, ну да, ну да, уж поверь мне, ты же видишь, как все просто. Мне говорили: Это дружба, ну да, ну да, я тебя уверяю, и к чему еще что-то искать. Мне говорили: Вот оно, стой, выше голову, полюбуйся на эту красоту. На этот порядок! Мне говорили: Ну вот, ты же не грязное животное, пораскинь-ка мозгами и сам убедишься, как сразу все станет ясно. И просто! Мне говорили: смертельно раненные! Как искусно за ними ухаживают. *(Пауза.)* Иной раз я говорю себе — Клов, надо еще лучше научиться терпеть, если хочешь, чтоб им надоело тобой помыкать — когда-нибудь. Иной раз я говорю себе — Клов, постарайся еще лучше приноровиться, если хочешь, чтоб тебя отпустили — когда-нибудь. Но чувствую — стар я стал, слиш-

ком я далеко, чтоб заводить новые привычки. Ну вот, и никогда это не кончится, я никогда не уйду. *(Пауза.)* А потом, в один прекрасный день вдруг все кончается, все меняется, не пойму, все умирает... или это я сам... не пойму. Я их спрашиваю, я выговариваю слова, какие еще остались — спать, вставать, вечер, утро. *(Пауза.)* Им нечего мне сказать. *(Пауза.)* Я отворяю дверь темницы, я ухожу. Я так скрючен, что вижу только свои ноги, как открою глаза, — и под ними черную пыль. Я говорю себе, что земля угасла, хоть не видывал никогда, чтоб она горела. *(Пауза.)* Идти легко. *(Пауза.)* Когда упаду, я заплачу от счастья. *(Пауза. Идет к двери.)*

Хамм. Клов!

Клов останавливается не оборачиваясь. Пауза.

Ничего.

Клов идет к двери.

Клов!

Клов останавливается не оборачиваясь.

Клов. Это мы называем — уйти со сцены.

Хамм. Я тебе премного обязан, Клов.

Клов *(оборачиваясь, живо).* Ах, извини. Это я тебе премного обязан.

Хамм. Мы оба друг другу премного обязаны. *(Пауза.)* Клов идет к двери.

Еще только одно.

Клов останавливается.

Последний долг.

Клов уходит.

Накрой меня простыней. *(Долгая пауза.)* Нет? Хорошо. *(Пауза.)* Мой ход. *(Пауза.)* Этот старый эндшпиль давно проигран, и хватит уже проигрывать. *(Пауза. Одушевляясь.)* Поглядим. *(Пауза.)* Ах да! *(Пытается сдвинуть кресло с помощью багра.)*

Входит Клов в дорожной одежде. Панама, твидовый пиджак, плащ через руку, зонт, чемодан. Стоит возле двери безучастно, неподвижно, не отрывая глаз от Хамма.

Ладно. *(Пауза.)* Бросить. *(Бросает багор, хочет бросить собаку, решает не бросать.)* Ничего-ничего, спешить некуда. *(Пауза.)* Ну а потом? *(Пауза.)* Снять шляпу. *(Поднимает тюбетейку.)* Мир нашим... задницам *(Пауза.)* Снова надеть. *(Надевает тюбетейку.)* Сравняли счет. *(Пауза. Снимает очки.)* Протереть. *(Вынимает платок, не разворачивая его, протирает очки.)* И снова надеть... *(Надевает очки, сует платок в карман.)* Продолжаем. Еще одна-другая глупость, и я закричу. *(Пауза.)* Немножко поэзии. *(Пауза.)* Ты звал... *(Пауза. Поправляется.)* Ты заклинал ночь,

она наступает... *(Пауза. Поправляется.)* Она нисходит... вот она здесь, с тобою. *(Пауза. Повторяет нараспев.)* Ты заклинал ночь, она нисходит, вот она здесь, с тобою. *(Пауза.)* Красиво. *(Пауза.)* А потом? *(Пауза.)* Мгновенья ничтожны, каждое — нуль, но они складываются, и подводится счет, и заканчивается история. *(Пауза. Повествовательным тоном.)* Нельзя ли ему взять с собой и ребенка... *(Пауза.)* Этого мгновенья я ждал. *(Пауза.)* Вы не хотите его бросать? Хотите, чтоб он расцветал, когда вы будете увядать? Чтоб он скрасил последние миллионы из ваших последних мгновений? *(Пауза.)* Он-то ничего не понимает, только и знает — голод, холод, в конце концов — смерть. Но вы! Вам следовало бы знать, что такое в наше время земля. *(Пауза.)* О, я указал ему на его ответственность! *(Пауза. Обычным голосом.)* Ну вот, и здесь я остановился, и хватит. *(Поднимает свисток к губам, колеблется, опускает руку. Пауза.)* Да, действительно. *(Свистит. Пауза. Свистит громче. Пауза.)* Ладно. *(Пауза.)* Отец! *(Пауза.)* Ладно. *(Пауза.)* Продолжаем. *(Пауза.)* Кончить? *(Пауза.)* Бросить? *(Бросает собаку. Срывает с шеи свисток.)* Держите! *(Швыряет свисток в зрительный зал. Пауза. Сопит. Тихим голосом.)* Клов! *(Долгая пауза.)* Нет? Ладно. *(Вынимает платок.)*

Раз это так играют... *(разворачивает платок)* так и сыграем *(разворачивает),* и больше не о чем говорить... *(развернул)* не о чем говорить. *(Держит перед собой развернутый платок.)* Старая тряпка! *(Пауза.)* Тебя... я оставлю. *(Пауза. Он закрывает лицо платком, опускает руки на ручки кресла и больше не шевелится.)*

Про всех падающих

Радиопьеса.

Действующие лица:

Миссис Руни (Мэдди) — дама за семьдесят.

Кристи — возчик.

Мистер Тейлер — отставной биржевой маклер.

Мистер Слокум — чиновник на ипподроме.

Томми — носильщик.

Мистер Баррел — начальник станции.

Мисс Фитт — девица лет тридцати с хвостиком.

Женский голос.

Долли — девочка.

Мистер Руни (Дэн) — муж миссис Руни, слепой.

Джерри — мальчик.

Сельские звуки. Овца, птица, корова, петух — порознь, потом все сразу. Молчание.

Миссис Руни идет проселочной дорогой на станцию. Слышны ее шаркающие шаги.

Из дома при дороге доносится едва слышная музыка. «Девушка и смерть». Шаги замедляются, останавливаются.

Миссис Руни. Бедняжка. Одна-одинешенька в

этой развалюхе.

Музыка становится громче. Все тихо — звучит только музыка. Возобновляется звук шагов. Музыка затихает.

Миссис Руни мурлычет напев. Ее голос замирает.

Приближается стук колес. Потом тележка останавливается. Шаги замедляются, тоже останавливаются.

Миссис Руни. Это вы, Кристи?

Кристи. Он самый, мэм.

Миссис Руни. То-то я гляжу — мул знакомый. Как ваша бедная жена?

Кристи. Не лучше, мэм.

Миссис Руни. А дочь?

Кристи. Не хуже, мэм. *(Пауза.)*

Миссис Руни. Почему вы остановились? *(Пауза.)* А я? Почему я остановилась? *(Пауза.)*

Кристи. Денек — в самый раз для скачек, мэм.

Миссис Руни. Именно, именно. Но продержится ли такая погода? *(Пауза. С чувством.)* Продержится ли такая погода? *(Пауза.)*

Кристи. Я вот думаю — вам не...

Миссис Руни. Тсс! *(Пауза.)* Неужели уже почтовый в город? Быть того не может! *(Пауза.)*

Крик мула. Молчание.

Кристи. Ну да уж, почтовый, как же!

Миссис Руни. О, слава тебе господи! А я готова была поклясться, что слышу, как он громыхает по рельсам вдали. *(Пауза.)* Значит, вот как мулы кричат. В общем-то ничего удивительного.

Кристи. Я вот думаю, вам чуток навоза не надобно?

Миссис Руни. Навоза? Какого типа навоз?

Кристи. Навоз из хлева.

Миссис Руни. Навоз из хлева. Мне мила ваша откровенность, Кристи. *(Пауза.)* Я спрошу у мужа. *(Пауза.)* Кристи.

Кристи. Да, мэм.

Миссис Руни. Вы не находите ничего... странного в моей речи? *(Пауза.)* Я не про голос. *(Пауза.)* Нет, я имею в виду слова. *(Пауза. Скорее сама с собой.)* Я употребляю, кажется, уж простейшие из слов, и однако я нахожу свою речь очень... странной. *(Пауза.)* Господи! Да что же это такое!

Кристи. Не обращайте внимания, мэм, больно он нынче прыток. *(Пауза.)*

Миссис Руни. Навоз? И зачем нам навоз в нашем возрасте? *(Пауза.)* Почему вы идете пешком? Почему не взберетесь на свой навоз, не покатите на тачке? Или вы высоты боитесь? *(Пауза.)*

Кристи *(мулу).* Нно! *(Пауза. Громче.)* Нно! У-у,

скотина чертова! *(Пауза.)*

Миссис Руни. Он и бровью не повел. *(Пауза.)* Мне тоже надо идти, а то я опоздаю. *(Пауза.)* Минуту назад он кричал и бил копытом. А теперь не желает двигаться. Вытяните-ка его хорошенько по заду.

Щелканье хлыста.

Сильнее!

Щелканье хлыста. Пауза.

Хорошо! Было б кому меня так подбодрить, уж за мной бы дело не стало *(Пауза.)* Ох! Как он смотрит на меня, какой взгляд! Глаза большие, замученные слепнями! Может, если я пойду прочь из его поля зрения...

Щелканье хлыста.

Нет-нет! Довольно! Возьмите его под уздцы и отверните от меня эти глаза. Ах, какой ужас! *(Она снова пускается в путь. Шаркающие шаги.)* За что, за что? Что я такого сделала? *(Шаркающие шаги.)* Давным-давно... Нет! *(Шаркающие шаги. Декламация.)* «Давным-давно... на берегах... тарам-тарам, тарам-та ночи...» *(Останавливается.)* Что дальше? Нет, не могу. Ох, плюхнуться бы на дорогу коровьей лепешкой и больше не шевелиться. Растечься жижей, покрытой сором, пылью и мухами, и пусть бы меня ложкой собирали. *(Пауза.)*

Господи, опять этот почтовый, что же со мной будет! *(Снова шаркающие шаги.)* Ох, я сама знаю, я старая карга и истеричка, загубленная горем, нытьем, тонкими манерами, таскaньем в церковь, подагрой и бездетностью. *(Пауза. С надрывом.)* Минни! Минничка! *(Пауза.)* Любовь — вот все, чего я просила, немного любви, ежедневно, дважды в день, пятьдесят лет любви дважды в день, регулярно, как у парижского мясника, и какой нормальной женщине нужна нежность? Утром чмок в щечку, пониже уха, вечером — чмок, чмок, пока у тебя бакенбарды не отрастут. Ах, вот он и тут, мой дивный ракитник! *(Шарканье.)*

Велосипедный гудок. Это старый мистер Тейлер догоняет ее на велосипеде, тоже направляясь к станции. Скрип тормозов. Он замедляет ход и катит с ней рядом.

Мистер Тейлер. Миссис Руни! Простите, я шляпу не сниму. Еще свалюсь. Отличная погодка для скачек.

Миссис Руни. Ох, мистер Тейлер! Вы меня напугали до смерти! Подкрались, как охотник к оленю! Ох!

Мистер Тейлер *(игриво).* Я гудел, миссис Руни, едва я вас завидел, я принялся жать на гудок, уж не отрицайте.

Миссис Руни. Ваш гудок и вы, мистер Тейлер, — это две совершенно разные вещи. Какие известия о вашей дочери?

Мистер Тейлер. Отличные, отличные. Ей все удалили, понимаете... все эти глупости. Теперь я безвнучен.

Шаркающие шаги.

Миссис Руни. Господи, как вы вихляете! Слезьте, умоляю вас, или проезжайте.

Мистер Тейлер. А может, я эдак легко обопрусь рукой на ваше плечо, миссис Руни, что вы на это скажете? *(Пауза.) А?*

Миссис Руни. Нет, мистер Руни, то есть мистер Тейлер, мне осточертели легкие старческие руки на моих плечах и прочих дурацких местах, до смерти надоели. Господи, это же фургон Конноли! *(Останавливается.)*

Шум автофургона. Он приближается, с грохотом проносится мимо, стихает.

Как вы там, мистер Тейлер? *(Пауза.)* Да где же он? *(Пауза.)* А-а, вот вы! *(Шарканье возобновляется.)* Несется, чуть не сшиб.

Мистер Тейлер. Я моментально приземлился.

Миссис Руни. Из дому выходить в наше время — просто самоубийство. А что толку сидеть дома, мистер Тейлер, что такое — сидение дома? По-

степенный распад. Ну вот, мы с ног до головы в пыли. Простите, что вы сказали?

Мистер Тейлер. Ничего, миссис Руни, ничего, это я просто так, клял про себя на чем свет все на свете и день, когда я появился на свет. У меня опять спустила задняя шина. Я перед выездом ее накачал до упора. И вот — спустила.

Миссис Руни. Какая жалость!

Мистер Тейлер. Если б передняя — я б слова не сказал. Так ведь задняя! Задняя! Сцепление! Смазка! Тормоза! Шасси! Нет! Это кошмар!

Шаркающие шаги.

Миссис Руни. Мы, наверно, страшно опаздываем, мистер Тейлер, я даже боюсь взглянуть на часы.

Мистер Тейлер *(горько).* Опаздываем! Когда я катил на своем велосипеде, и то я опаздывал. А сейчас мы дважды опаздываем, трижды, четырежды. Лучше б уж я проскочил мимо вас.

Шарканье.

Миссис Руни. Вы кого встречаете, мистер Тейлер?

Мистер Тейлер. Харди. *(Пауза.)* Мы когда-то начинали вместе. *(Пауза.)* Однажды я спас ему жизнь. *(Пауза.)* Я этого не забыл.

Шарканье. Шаги останавливаются.

Миссис Руни. Давайте минуточку постоим, пока эта мерзкая пыль осядет на еще более мерзких червей. *(Пауза.)*

Сельские звуки.

Мистер Тейлер. Какое небо! Какое освещение! Ах, что ни говори, а приятно в такую погодку быть живым и выйти из больницы.

Миссис Руни. Живым?

Мистер Тейлер. Ну, скажем, полуживым.

Миссис Руни. Говорите за себя, мистер Тейлер. Я-то далеко не полужива. *(Пауза.)* Зачем мы тут стоим? Эта пыль вовеки не осядет. Да и зачем ей оседать? Проедет кто-нибудь, и опять она взовьется до неба.

Мистер Тейлер. В таком случае не лучше ли нам двинуться?

Миссис Руни. Нет.

Мистер Тейлер. Ну, миссис Руни...

Миссис Руни. Ступайте, мистер Тейлер, ступайте себе, оставьте меня, я хочу послушать, как воркуют голубки.

Воркование голубей.

Увидите моего бедного слепого Дэна — скажите ему, что я шла его встречать и вдруг на меня накатило. Скажите ему — ваша бедная женушка просила вам сказать, что на нее опять накатило...

(голос пресекается) и она просто пошла домой... прямо домой...

Мистер Тейлер. Ну, миссис Руни, ну-ну, почтовый еще не показался, беритесь за мою свободную руку, и мы успеем загодя.

Миссис Руни *(всхлипывая).* Что? Да что же это такое? *(Успокаиваясь.)* Не видите вы разве, что мне тяжко? *(Сердито.)* Неужели нет в вас никакого уважения к несчастью? *(Всхлипывая.)* Минни! Минничка!

Мистер Тейлер. Ну, миссис Руни, ну-ну, почтовый еще не показался, беритесь за мою свободную руку, и мы успеем загодя.

Миссис Руни *(прерывающимся голосом).* В свои сорок, не знаю, в свои пятьдесят лет она бы сейчас вся трепетала, готовясь к перемене судьбы...

Мистер Тейлер. Ну, миссис Руни, ну-ну, почтовый...

Миссис Руни *(взрываясь).* Да уедете вы или нет, мистер Руни, то есть мистер Тейлер, уедете вы наконец? Перестанете вы меня терзать? Что же это за страна, где женщина не может изливать свое сердце направо и налево на каждом перекрестке, чтоб ее при этом не изводили отставные биржевые маклеры!

Мистер Тейлер порывается сесть на велосипед.

Господи, вы же упадете!

Мистер Тейлер влезает на велосипед.

Вы же в клочья протрете свою шину!

Мистер Тейлер трогает с места. Удаляющиеся толчки велосипеда. Пауза. Воркование голубей.

Влюбленные птички! Милуются все лето в лесах. *(Пауза.)* Ах, проклятый корсет! Как бы его расслабить, не оскорбляя приличий. Мистер Тейлер! Мистер Тейлер! Вернитесь, расшнуруйте меня, под прикрытьем плетня! *(Дико хохочет, умолкает.)* Что это со мной, что со мной, никак не угомонюсь, все киплю, выкипаю из своей старой грязной шкуры, ох, надоело! *(Вне себя.)* Надоело! *(Молчание. Воркование голубей. Слабым голосом.)* Господи! *(Пауза.)* Господи!

Сзади накатывает шум машины. Машина тормозит, останавливается рядом с миссис Руни. Тарахтит мотор. Это мистер Слокум, чиновник на ипподроме.

Мистер Слокум. Что с вами, миссис Руни? Вы надвое согнулись. Живот болит? *(Пауза.)*

Миссис Руни дико хохочет.

Миссис Руни. Ах, так это мой давний поклонник, служитель спорта, на своем лимузине.

Мистер Слокум. Разрешите вас подбросить, миссис Руни? Нам с вами по пути?

Миссис Руни. Да, мистер Слокум. Нам всем по пути. *(Пауза.)* Как ваша бедная мама?

Мистер Слокум. Спасибо, грех жаловаться. Мы стараемся, чтоб она не очень страдала. Великое дело, миссис Руни, верно?

Миссис Руни. Конечно, мистер Слокум, великое дело, *я* даже не знаю, как это вам удается. *(Пауза. Она изо всех сил бьет себя по щеке.)* У-ух, осы!

Мистер Слокум *(холодно).* Итак, разрешите вас подсадить, мэм?

Миссис Руни *(с преувеличенным энтузиазмом).* О, это дивно, мистер Слокум, просто дивно. *(С сомнением.)* Только влезу ли я, вы так вознеслись, то есть я имею в виду эти новые шины. *(Звук отворяемой дверцы. Миссис Руни пытается влезть в кабину.)* А нельзя откинуть этот верх? Нет? *(Пыхтение миссис Руни.)* Нет... не могу... Вам придется вылезти, мистер Слокум, и подтолкнуть меня сзади. *(Пауза.)* Что такое? *(Пауза. Огорченно.)* Это была ваша идея, мистер Слокум, не моя. Поезжайте, сэр, поезжайте своей дорогой.

Мистер Слокум *(выключает мотор).* Сейчас, миссис Руни, сейчас, погодите, я такой же подагрик, как вы. *(Мистер Слокум шумно отделяется от водительского места.)*

Миссис Руни. Подагрик! Ничего себе! А я-то вся

извертелась. *(Себе под нос.)* Старый распутник!

Мистер Слокум *(заняв позицию позади нее).* Ну, миссис Руни, как мы примемся за дело?

Миссис Руни. Как будто я — тюк, мистер Слокум, смелей. *(Пауза. Пыхтение.)* Вот так! *(Пыхтение.)* Пониже! *(Пыхтение.)* Погодите! *(Пауза.)* Нет, не отпускайте! *(Пауза.)* Предположим, я поднимусь, а как я спущусь?

Мистер Слокум *(тяжело дыша).* Спуститесь, миссис Руни, спуститесь. Может, вас и не удастся поднять, но уж спустить определенно удастся. *(Возобновляет свои усилия.)*

Миссис Руни. Ох!.. Пониже!.. Смелей! Мы уже не в том возрасте... Ну!.. Ну!.. Подставьте плечо! Ох!.. *(Хихикает.)* Прекрасно!.. Оп-ля! Ах! Влезла!

Тяжкое дыхание мистера Слокума. Он хлопает дверцей.

(Вопль миссис Руни.) Платье! Вы мне прищемили платье!

Мистер Слокум открывает дверцу. Миссис Руни высвобождает платье. С отчаянным неразборчивым бормотанием он обходит машину, направляясь к другой дверце.

(Слезный голос миссис Руни.) Мое любимое платье!

Мистер Слокум влезает на свое место, хлопает

дверцей, нажимает на стартер. Мотор не заводится. Он отпускает стартер.

Что скажет Дэн, когда меня увидит?

Мистер Слокум. Он что же — прозрел? С каких это пор?

Миссис Руни. Нет, я имею в виду — когда он поймет. Что он скажет, когда нащупает дырку?

Мистер Слокум жмет на стартер. Результат тот же. Пауза.

Что вы там делаете, мистер Слокум?

Мистер Слокум. Смотрю прямо перед собой, миссис Руни, сквозь ветровое стекло, в пустоту.

Миссис Руни. Заведите ее, умоляю, и поедем. Какой ужас!

Мистер Слокум *(задумчиво).* Все утро шла как по маслу, и вот — на тебе. Вот они — добрые дела. *(Пауза. С надеждой.)* Может, его заглушить. *(Так и делает. Потом жмет на стартер. Рев машины. Мистер Слокум ревет, стараясь его перекрыть.)* Он захлебнулся! *(Сбавляет газ, включает первую скорость.)*

Миссис Руни *(в тревоге).* Осторожно! Курица.

Визг тормозов. Вопль курицы.

Ах, мамочки, вы ее задавили, поедем, поедем!

Машина набирает скорость. Пауза.

Какая смерть! Беззаботно копаться в навозе на

дороге, на солнышке, наслаждаться пыльными ванночками, и — рраз! — кончены все заботы. *(Пауза.)* Уж не нестись, не сидеть на яйцах... Громкое кудахтанье — и... покой. *(Пауза.)* Ей все равно бы рано или поздно взрезали глотку. *(Пауза.)* Приехали. Выпустите меня.

Машина тормозит, останавливается. Мотор тарахтит. Мистер Слокум жмет на гудок. Пауза. Громче. Пауза.

Зачем это, мистер Слокум? Мы стоим, опасность миновала, а вы гудите. Чем сейчас гудеть, погудели бы этой несчастной...

Пронзительный гудок. Томми, носильщик, показывается на верхней ступеньке станционной платформы.

Мистер Слокум *(кричит).* Спустись-ка, Томми, помоги этой даме, она застряла.

Томми спускается.

Открой дверь, Томми, выпусти ее.

Томми открывает дверцу.

Томми. Сейчас, сэр. Отличная погодка для скачек, сэр. Не подскажете ли, сэр, насчет...

Миссис Руни. Не обращайте на меня внимания. Не обращайте на меня ни малейшего внимания. Меня просто нет. Установленный факт.

Мистер Слокум. Делай, что тебя просят, Томми,

ради всего святого.

Томми. Да, сэр. Ну-ка, миссис Руни... *(Тащит ее из машины.)*

Миссис Руни. Погоди, Томми, да погоди же ты, не тяни меня так, дай я повернусь и поставлю ноги на землю. *(Пытается это осуществить.)* Ну вот.

Томми *(тянет ее).* Перышко-то поберегите, мэм. *(Пыхтение.)* Ну вот, уж полегче, полегче...

Миссис Руни. Да погоди ты, ради бога, ты что — хочешь меня обезглавить?

Томми. Согните ножки, миссис Руни, согните ножки, а головку наружу высуньте.

Миссис Руни. Согните ножки! В моем-то возрасте! Бред!

Томми. Толканите-ка ее, сэр.

Совместное пыхтение.

Миссис Руни. Фу!

Томми. Ну! Поехали! Можете разогнуться, мэм! Ну!

Мистер Слокум хлопает дверцей.

Миссис Руни. Я вылезла?

Рассерженный крик мистера Баррела, начальника станции.

Мистер Баррел. Томми! Томми! И куда он запропастился, черт его дери!

Мистер Слокум возится со своей коробкой передач.

Томми *(торопясь).* Не подскажете ли насчет Дамского Кубка, сэр, мне тут Гарри-Молнию подсказали.

Мистер Слокум *(презрительно).* Гарри-Молния! Водовозная кляча!

Мистер Баррел *(топает ногой, вопит).* Томми! Я тебе оторву... *(Видит миссис Руни.)* Ох, миссис Руни...

Мистер Слокум с грохотом отъезжает.

Кто это там так терзает свою машину, Томми?

Томми. Старый Сисси Слокум.

Миссис Руни. Сисси Слокум! Так говорить о тех, кто выше тебя! Сисси Слокум! И не стыдно тебе, Томми? А еще сирота!

Мистер Баррел *(сердито, к Томми).* Ты чего на дороге торчишь? Делать нечего? А ну живо на платформу! Глазом моргнуть не успеем — двенадцать тридцать навалится.

Томми *(горестно).* Вот она — благодарность за христианский поступок.

Мистер Баррел *(орет).* Пошевеливайся, пока тебя не уволили.

Медленные шаги Томми, поднимающегося по ступенькам. Тебя — что? На аркане тащить?

Шаги ускоряются, отступают, стихают.

Ох, прости господи, ну и жизнь! *(Пауза.)* Ну, миссис Руни, рад видеть вас снова в добром здравии. Долгонько вы в постели лежали.

Миссис Руни. Нет, недостаточно, мистер Баррел. *(Пауза.)* Лучше б я так и лежала в постели, мистер Баррел. *(Пауза.)* Лежала бы пластом в своей удобной постели и потихоньку, без болей таяла, поддерживая силы кашкой и белым мясом, и чтобы под конец меня бы уж и не разглядеть было под одеялом. *(Пауза.)* Без кашля, без харканья, без кровотечений, без рвоты — просто потихоньку переходить в лучший мир и вспоминать, вспоминать *(голос пресекается)* ... все свои глупые горести... будто... их и не было никогда... Во что я превратила этот платок? *(Громкий звук применяемого носового платка.)* Давно вы тут начальником станции, мистер Баррел?

Мистер Баррел. И не спрашивайте, миссис Руни, и не спрашивайте.

Миссис Руни. Вы ступили, наверно, на пост своего отца, когда он его оставил?

Мистер Баррел. Бедный папаша! *(Секунда молчания.)* Недолго он наслаждался покоем.

Миссис Руни. Я как сейчас его вижу. Маленький такой, с фанаберией, личико такое багровое, глух

как пень. *(Пауза.)* Вам ведь и самому, наверно, уж пора на покой, мистер Баррел? Будете свои розы выращивать. *(Пауза.)* Верно я поняла, вы сказали, что двенадцать тридцать вот-вот ожидается?

Мистер Баррел. Поняли верно.

Миссис Руни. Но по моим часам, а они у меня более или менее точные — во всяком случае были — в двенадцать часов, когда последние известия передавали, — сейчас уже двенадцать... э... *(пауза, миссис Руни смотрит на часы)* ... тридцать шесть. *(Пауза.)* А почтового, с другой стороны, еще не было. *(Пауза.)* Или он проскочил, а я не заметила? *(Пауза.)* Потому что я теперь вспоминаю, был момент, когда я так погрузилась в свое горе, что не заметила бы, если бы по мне паровым катком прошлись. *(Пауза.)*

Мистер Баррел хочет идти.

Не уходите, мистер Баррел!

Мистер Баррел уходит.

(Миссис Руни громко.) Мистер Баррел! *(Пауза. Еще громче.)* Мистер Баррел!

Мистер Баррел возвращается.

Мистер Баррел *(раздраженно).* Что такое, миссис Руни?

Я при исполнении. *(Пауза.)*

Шум ветра.

Миссис Руни. Ветер поднялся. *(Пауза. Ветер.)* Кончилась ясная погодка. *(Пауза. Ветер. Задумчиво.)* Скоро дождь начнется и зарядит до самого вечера.

Мистер Баррел уходит.

А вечером тучи развеются, а солнце блеснет на мгновение и скроется за холмами. *(Замечает отсутствие мистера Баррели.)* Мистер Баррел! Мистер Баррел! *(Пауза.)* Всех я отталкиваю. Сами подходят, когда их не просят, участливые, рвутся помочь *(у нее прерывается голос)* ... искренне радуются, что наконец меня видят... в добром здравии. *(В ход идет носовой платок.)* И вот — несколько моих слов... от всего сердца... и я одна... снова одна. *(Звук применяемого платка. Горячо.)* Лучше вообще не выходить! Не переступать порога! *(Пауза.)* А-а, вон эта Фитт. Интересно, поздоровается или нет.

Приближающиеся шаги мисс Фитт, которая, напевая гимн, поднимается по ступенькам.

Мисс Фитт!

Мисс Фитт останавливается, перестает напевать.

Быть может, я невидимка, мисс Фитт? Или этот черный кретон так мне к лицу, что меня не отличить от стенки?

Мисс Фитт спускается на одну ступеньку.

Да-да, мисс Фитт, приглядитесь ко мне вблизи, и, возможно, вы различите женский некогда силуэт.

Мисс Фитт. Миссис Руни! Я вас видела да не узнала.

Миссис Руни. В воскресенье мы вместе молились. Преклоняли колени у одного алтаря. Пили из одной чаши. Неужто с тех пор я так изменилась?

Мисс Фитт *(шокированная).* О, в церкви, миссис Руни, в церкви я наедине со своим Творцом. А вы? *(Пауза.)* Пономарь и тот, знаете, когда собирает подаяние, знает, что бесполезно останавливаться возле меня. Я просто не вижу подноса или кружки, ну, чем там они в таких случаях пользуются, откуда мне знать? *(Пауза.)* И даже когда все кончается и я выхожу на воздух, прелестный свежий воздух, так и то в первое время я вся как в тумане, иду и не вижу единоверцев. А они так добры, должна вам сказать — в подавляющем большинстве, так добры и чутки. Уж они-то меня понимают и не обижаются на меня. Они говорят: это же наша темненькая мисс Фитт, наедине со своим Создателем, оставим ее в покое. И отходят в сторонку, чтобы я на них не налетела. *(Пауза.)*

Ах, я до того рассеянная, до того рассеянная, даже по будням. Спросите маму, если не верите. Хетти, она говорит, когда я начну жевать салфетку вместо тартинки, Хетти, ну как же можно быть такой рассеянной? *(Вздыхает.)* Все, наверно, потому, миссис Руни, что я не от мира сего. Я вижу, слышу, различаю запахи и так далее, я произвожу обычные действия, а сердце не здесь, сердце мое далеко. Оставили бы меня одну, не удерживали бы меня, и я бы сразу улетела... домой. *(Пауза.)* И если вы думаете, миссис Руни, будто я нарочно с вами не поздоровалась, — это очень несправедливо. Я различала только большое бледное пятно, не более. *(Пауза.)* Что-нибудь не так, миссис Руни? Что это с вами? Вы так согнулись, так скрючились.

Миссис Руни *(с горечью).* Мэдди Руни, урожденная Данн, и — большое бледное пятно. *(Пауза.)* У вас глаз — алмаз, мисс Фитт, вы даже сами не знаете, какой у вас верный глаз. *(Пауза.)*

Мисс Фитт. Ну... Так чем же я могу быть полезна, раз уж я рядом?

Миссис Руни. Если б вы помогли мне одолеть этот утес, мисс Фитт, я не сомневаюсь, что кто-кто, а уж ваш Создатель вас бы вознаградил.

Мисс Фитт. Ну-ну, миссис Руни, не старайтесь

меня уесть! Вознаградил! Я приношу свои жертвы бескорыстно — или вовсе не приношу. *(Пауза. Звук ее спускающихся шагов.)* Вы, разумеется, хотите на меня опереться, миссис Руни.

Миссис Руни. Я просила мистера Баррела протянуть мне руку, всего-навсего протянуть мне руку. *(Пауза.)* Он отвернулся и меня бросил.

Мисс Фитт. И теперь вам нужна моя рука? *(Пауза. Раздраженно.)* Вам нужна моя рука, миссис Руни, или что-то еще?

Миссис Руни *(вспылив).* Ваша рука! Какая разница — чья! Рука помощи! На пять секунд! Господи! Ну и планетка!

Мисс Фитт. Да уж... Знаете, что я вам скажу, миссис Руни, мне кажется, вам бы вообще не следовало выходить за порог.

Миссис Руни *(в сердцах).* Спускайтесь, мисс Фитт, и дайте мне руку, или я завизжу на всю округу! *(Пауза.)*

Ветер. Спускающиеся шаги мисс Фитт.

Мисс Фитт *(смиренно).* Так, видимо, должны поступать мы, протестанты.

Миссис Руни. Так поступают муравьи. *(Пауза.)* Я видела, клопы оказывали друг другу такую услугу.

Мисс Фитт протягивает ей руку.

Нет, миленькая, не с этой стороны, если вам безразлично. Я в довершение счастья еще и левша. *(Берется за правую руку мисс Фитт.)* Господи, деточка, да вы же тощая, как скелет, вам надо поправиться. *(Слышно, как, повиснув на руке мисс Фитт, она взбирается по ступенькам.)* Тут хуже, чем Меттерхорн, вы взбирались на Меттерхорн, мисс Фитт? Там всегда полным-полно новобрачных. *(Пыхтение.)* Почему они перила не сделают? *(Пыхтение.)* Погодите, я отдышусь. *(Пауза.)* Не отпускайте меня. *(Мисс Фитт мурлычет свой гимн. Скоро миссис Руни подхватывает слова)* ...сквозь внешнюю тьму-у... тамтамтам...

Мисс Фитт перестает напевать.

...за тобой я иду-у-у... тамтамтам... *(громче, уверенней)* пусть ночь темна, пусть дорога длинна...

Мисс Фитт *(в истерике).* Прекратите, миссис Руни, немедленно прекратите, или я отпущу вашу руку!

Миссис Руни. Ведь это пели на «Лузитании»? Или я путаю с «Господь моя крепость»? Как, наверно, было трогательно! Или я путаю с «Титаником»?

Привлеченная шумом группа в составе мистера Тейлера, мистера Баррела и Томми останавливается у края платформы.

Мистер Баррел. Что за... *(Пауза.)*

Мистер Тейлер. Отличная погодка для скачек.

Громкое хихиканье Томми, которое мистер Баррел ловко пресекает ударом под дых. Соответственные звуки, производимые Томми.

Женский голос *(вопль).* Ой, глянь-ка, глянь-ка, Долли!

Долли. Что, мама?

Женский голос. Они застряли. *(Хохот.)* Застряли!

Миссис Руни. Ну вот, мы сделались посмешищем всех двадцати шести графств. Если их не тридцать шесть.

Мистер Тейлер. Ничего себе обращение с беззащитными подчиненными, мистер Баррел, — без предупреждения пускать в ход кулак.

Мисс Фитт. Вы не видели мою маму?

Мистер Баррел. Кто такая?

Томми. Да темненькая мисс Фитт.

Мистер Баррел. А где ж у нее голова?

Миссис Руни. Ну, миленькая, если вы готовы, я могу идти.

Взгромождаются на оставшиеся ступеньки.

Да посторонитесь вы, хамы. *(Шарканье.)*

Женский голос. Осторожно, Долли!

Миссис Руни. Спасибо вам, мисс Фитт, спасибо,

все хорошо, теперь только прислоните меня к стене, как рулон брезента, и пока достаточно. *(Пауза.)* Простите мне весь этот шурум-бурум, мисс Фитт, если б я знала, что вы ищете маму, я б не стала вас затруднять, ведь я же понимаю.

Мистер Тейлер *(восхищенно, в сторону).* Шурум-бурум!

Женский голос. Долли, детка, давай займем наше место перед первым классом для курящих. Дай руку и держи меня крепко, а то еще засосет под колеса.

Мистер Тейлер. Мамашу потеряли, мисс Фитт?

Мисс Фитт. Доброе утро, мистер Тейлер.

Мистер Тейлер. Доброе утро, мисс Фитт.

Мистер Баррел. Доброе утро, мисс Фитт.

Мисс Фитт. Доброе утро, мистер Баррел.

Мистер Тейлер. Мамашу потеряли, мисс Фитт?

Мисс Фитт. Она сказала, что приедет последним поездом.

Миссис Руни. Не думайте, что если я молчу, значит, я отсутствую и не воспринимаю происходящего.

Мистер Тейлер *(обращаясь к мисс Фитт).* Когда вы говорите — последним поездом...

Миссис Руни. Пожалуйста, не льстите себя надеждой, что если я держусь в сторонке, зна-

чит, я не страдаю. Нет. На все — на холмы, поля, ипподром с длинной-длинной белой оградой и тремя красными трибунами, на эту прелестную захолустную станцию, даже на вас на всех под синим облачным небом — я смотрю теми глазами *(у нее прерывается голос) ...* ох, вам бы мои глаза... вы бы поняли, чего они понасмотрелись... не отворачиваясь... нет, ничего-ничего... во что я превратила этот платок? *(Пауза.)*

Мистер Тейлер *(обращаясь к мисс Фитт).* Когда вы говорите — последним поездом...

Миссис Руни сморкается истово и продолжительно.

Когда вы говорите — последним поездом, мисс Фитт, я так понимаю, что это вы про двенадцать тридцать.

Мисс Фитт. Про какой же еще, мистер Тейлер, про какой же, ради бога, еще?

Мистер Тейлер. Тогда у вас нет оснований для беспокойства, мисс Фитт, потому что двенадцать тридцать еще не прибыл. Посмотрите.

Мисс Фитт смотрит.

Нет, вдоль полотна.

Мисс Фитт смотрит.

(Терпеливо.) Нет, мисс Фитт, следите за направлением моего пальца.

Мисс Фитт смотрит.

Вот. Теперь вы видите. Стрелка. Похабщина: на девяти часах. *(Поразмыслив, печально.)* Или, увы, на трех!

Млстер Баррел подавляет гогот.

Спасибо, мистер Баррел.

Мисс Фитт. Но теперь время приближается к...

Мистер Тейлер *(терпеливо).* Мы все знаем, мисс Фитт, мы все прекрасно знаем, к чему теперь приближается время, но суровый факт остается фактом — двенадцать тридцать еще не прибыл.

Мисс Фитт. Но это же не из-за аварии! *(Пауза.)* Ведь не сошел же он с рельсов! *(Пауза.)* Ох, милая мамочка! И со свежим угрем к обеду!

Громкий смех Томми, который мистер Баррел пресекает прежними средствами.

Мистер Баррел. Хватит ржать. Ты! А ну рвани в будку да спроси у мистера Кэйда, нет ли у него новостей.

Томми уходит.

Миссис Руни. Бедный Дэн!

Мисс Фитт *(в тревоге).* Что за ужас! Что случилось?

Мистер Тейлер. Ну-ну, мисс Фитт, не надо...

Миссис Руни *(со страстной тоской).* Бедный Дэн!

Мистер Тейлер. Ну-ну, мисс Фитт, не надо поддаваться... отчаянию, все будет хорошо... в конце концов. *(Тихонько мистеру Баррелу.)* В чем там дело, мистер Баррел? Ведь не столкновение же поездов?

Миссис Руни *(пылко).* Столкновение! Вот это да!

Мисс Фитт *(в ужасе).* Столкновение! Так я и знала!

Мистер Тейлер. Давайте пройдемся, мисс Фитт.

Миссис Руни. Да-да, все давайте пройдемся. *(Пауза.)* Нет? *(Пауза.)* Вы передумали? *(Пауза.)* Я совершенно согласна, нам здесь гораздо лучше — в тени, под навесом.

Мистер Баррел. Извините меня, я на секундочку.

Миссис Руни. Прежде чем улизнуть, мистер Баррел, пожалуйста, я настаиваю на одном разъяснении. Даже самый медленный поезд на этом кратком перегоне не может опоздать на десять минут против расписания без существенных причин. Не так ли? *(Пауза.)* Всем нам известно, что ваша станция — лучшая во всей сети, но бывает и этого недостаточно, и этого недостаточно. *(Пауза.)* Ну, мистер Баррел, хватит вам жевать ус — мы ждем от вас ответа — мы, самые близкие, если не

самые дорогие родственники ваших несчастных пассажиров. *(Пауза.)*

Мистер Тейлер *(рассудительно)*. Я полагаю, мы имеем право на какое-то объяснение, мистер Баррел, хотя бы для нашего спокойствия.

Мистер Баррел. Я ничего не знаю. Знаю только, что произошла заминка по техническим причинам. Все расписание сдвинулось.

Миссис Руни *(язвительно).* Заминка! По техническим причинам! Ох уж эти холостяки! Мы тут с ума сходим от тревоги за близких, а ему все — по техническим причинам! Я, с моим больным сердцем и почками, могу рухнуть, погибнуть на месте — а ему все задержка! У нас в духовке буквально обугливается субботнее жаркое, а ему...

Мистер Тейлер. Вон бежит Томми! Благодарение Господу, я дожил до того, чтоб это увидеть!

Томми *(запыхавшись, кричит издали).* Идет. *(Пауза. Ближе.)* Уже у разъезда!

Внезапно разрастаются вокзальные шумы. Сигналы. Гудки. Свистки. Надвигается взвой паровоза. Шум проносящегося мимо поезда.

Миссис Руни *(перекрывая шум поезда).* Почтовый в город! Почтовый!

Почтовый в город удаляется, близится встречный, въезжает на станцию, шумно шипя паром,

гремя сцеплениями. Пассажиры выходят, хлопают двери, мистер Баррел кричит: «Богхилл! Богхилл!»

(Миссис Руни вопит.) Дэн! Ты цел!.. Где же он? Дэн! Вы не видели моего мужа?.. Дэн!

Станция пустеет. Свисток кондуктора. Поезд трогает, удаляется. Тишина.

Его нет! Я столько мук претерпела, чтоб добраться сюда, и вот! Его нет в поезде! Мистер Баррел... Его не было в поезде? *(Пауза.)* Что такое? Вы так смотрите, будто призрак увидели! *(Пауза.)* Томми! Ты не видел мистера Руни?

Томми. Сейчас он будет, мэм. За ним Джерри присматривает.

Вдруг на платформе появляется мистер Руни, опираясь на руку маленького Джерри. Он слепой, тычет в землю палкой и сопит.

Миссис Руни. Ох, Дэн! Наконец-то! *(Шарканье — это она поспешает ему навстречу. Подходит. Оба останавливаются.)* Господи, да где же ты был?

Мистер Руни *(холодно).* Мэдди.

Миссис Руни. Где ты пропадал?

Мистер Руни. В сортире.

Миссис Руни. Поцелуй меня!

Мистер Руни. Поцеловать? На людях? На платформе?

При мальчике? Ты сошла с ума!

Миссис Руни. Джерри не будет возражать. Правда, Джерри?

Джерри. Да, мэм.

Миссис Руни. Как твой бедный отец?

Джерри. Его увезли, мэм.

Миссис Руни. И ты теперь один-одинешенек?

Джерри. Да, мэм.

Мистер Руни. Зачем ты здесь? Ты меня не известила.

Миссис Руни. Я хотела тебе сделать сюрприз. Ко дню рождения.

Мистер Руни. Ко дню рождения?

Миссис Руни. Ты забыл? Я тебя в ванной поздравляла.

Мистер Руни. Я не слышал.

Миссис Руни. Но я тебе галстук подарила! Он на тебе! *(Пауза.)*

Мистер Руни. И сколько мне теперь лет?

Миссис Руни. Какая тебе разница? Идем.

Мистер Руни. Почему ты не отменила мальчика? Теперь нам придется дать ему пенни.

Миссис Руни *(жалобно).* Я забыла! Я тут так настрадалась! Ужасные люди! *(Пауза. Умоляюще.)* Будь подобрее со мною, Дэн, будь сегодня со мной подобрее.

Мистер Руни. Дай мальчику пенни.

Миссис Руни. Вот тебе два полпенса, Джерри. Беги купи себе конфет.

Джерри. Да, мэм.

Мистер Руни. Зайди за мной в понедельник, если я буду жив.

Джерри. Да, сэр. *(Убегает.)*

Мистер Руни. Мы могли бы сэкономить шесть пенсов. Мы сэкономили пять. *(Пауза.)* Но какой ценой?

Идут по платформе под ручку. Шарканье, сопенье, постукивание палки.

Миссис Руни. Тебе нехорошо?

Останавливаются по инициативе мистера Руни.

Мистер Руни. Раз и навсегда, не заставляй меня говорить и двигаться одновременно. Больше не буду повторять.

Идут. Шарканье и т. д. Останавливаются возле ступенек.

Миссис Руни. Тебе нехо...

Мистер Руни. Одолеем же эту пропасть.

Миссис Руни. Держись за меня.

Мистер Руни. Опять ты пила? Трясешься как желе. *(Пауза.)* Ты в состоянии меня вести? *(Пауза.)* Мы свалимся в канаву.

Миссис Руни. О, Дэн! Как в былые времена!

Мистер Руни. Возьми себя в руки, или мне придется послать Томми за извозчиком. И тогда мы не то что сэкономим шесть пенсов, то есть пять пенсов, мы потеряем... *(бормочет, подсчитывая)* ... два шиллинга три пенса, минус шесть пенсов, плюс шиллинг и три, минус девять и два, плюс три, минус два, плюс шиллинг... *(обычным голосом)* два и один, мы обеднеем на сумму два шиллинга один пенс. *(Пауза.)* Проклятое солнце, уже зашло. Как погода?

Ветер.

Миссис Руни. Собираются тучи. Погода портится. *(Пауза.)* Скоро большие первые капли расплещутся в дорожную пыль.

Мистер Руни. А барометр показывал «ясно». *Пауза.)* Скорей пойдем домой, сядем у огня. Задернем шторы. Ты мне почитаешь. По-моему, Эффи спутается с этим майором[1]. *(Шарканье.)* Погоди! *(Шарканье прекращается. Стук палки по ступеням.)* Пять тысяч раз я спускался и поднимался по этим ступеням, и все равно я не знаю, сколько их тут. Когда я думаю, что их шесть, их оказывается четыре, или пять, или семь, или восемь, а когда я

---

[1] Примечания: 1

Эффи — очевидно, героиня романа «Эффи Брист» немецкого писателя Теодора Фонтане (1819 — 1898).

вспоминаю, что их пять, их оказывается три, или четыре, или шесть, или семь, а когда я в конце концов соображаю, что их семь, их оказывается пять, или шесть, или восемь, или девять. Иногда я думаю, уж не подменили ли их за ночь. *(Пауза. С раздражением.)* Ну? Сколько ты их насчитала сегодня?

Миссис Руни. Не заставляй меня считать, Дэн, только не сейчас.

Мистер Руни. Не считать. Это же одна из немногих радостей жизни!

Миссис Руни. Но не ступеньки, Дэн. Ну, пожалуйста, Дэн, я вечно их неверно считаю. И ты тогда упадешь на свою рану. Только этого мне не хватало. Нет уж. Держись за меня, и все будет хорошо.

Спускаются. Сопение, спотыкания, восклицания, ругательства. Молчание.

Мистер Руни. Хорошо! Она это называет — хорошо!

Миссис Руни. Ну вот. Мы внизу. И почти без ущерба. *(Пауза.)*

Крик осла. Молчание.

Это настоящий осел. У него и отец и мать были ослы. *(Пауза.)*

Мистер Руни. Знаешь, я решил уйти со служ-

бы.

Миссис Руни *(в ужасе).* Уйти! И жить, дома? На пенсию!

Мистер Руни. Не ходить больше по этим чертовым ступенькам. В последний раз одолеть эту проклятую дорогу. Сидеть дома, на остатках своей задницы и считать часы — до следующей еды. *(Пауза.)* От одной этой мысли мне делается весело! Вперед, пока она не увяла.

Идут. Шарканье, сопенье, стук палки.

Миссис Руни. Осторожно, тротуар... Оп-ля! Молодец! Вот мы и вышли на финишную прямую!

Мистер Руни *(не останавливаясь, с трудом переводя дух).* Финишную... прямую... она это называет... финишную прямую!

Миссис Руни. Ш-ш. Не разговаривай на ходу, ты же знаешь, это вредно для твоего кровообращения.

Шарканье и т. д.

Сосредоточься на том, как идешь нога за ногу или как это там говорится.

Шарканье и т. д.

Ну вот, теперь хорошо.

Шарканье и т. д. Вдруг они останавливаются по инициативе миссис Руни.

Господи! Я же помнила! Столько волнений! И

я забыла!

Мистер Руни *(спокойно).* Господи боже.

Миссис Руни. Но ты же должен знать. Конечно! Ты же там был. Что там случилось? Скажи!

Мистер Руни. Ничего я не знаю, ничего не случилось.

Миссис Руни. Но ты же...

Мистер Руни *(резко).* Хватит меня дергать! Только я разойдусь — ты останавливаешься! Сто кило бесполезного жира! И зачем ты вообще вылезла за порог? Пусти меня!

Миссис Руни *(в страшном волнении).* Нет, я должна знать. Мы не двинемся с места, пока ты мне не расскажешь. Пятнадцать минут опоздания! Когда вся дорога занимает тридцать минут! Слыханное ли дело!

Мистер Руни. Ничего я не знаю. Пусти меня, пока я тебя не толкнул.

Миссис Руни. Но я должна знать! Ты же там был! Это было в конце? Ты успел выйти? Или по дороге? *(Пауза.)* Что-то случилось по дороге? *(Пауза.)* Дэн? *(С надрывом.)* Почему ты не хочешь сказать? *(Пауза.)*

Снова идут. Шарканье и т. д. Остановка. Молчание.

Мистер Руни. Бедная Мэдди. (Пауза.) Детские

крики.

Что это там? *(Пауза.)*

Миссис Руни прислушивается.

Миссис Руни. У Линчей. Близнецы. Это они над нами смеются.

Крики.

Мистер Руни. Как ты думаешь — будут они сейчас швырять в нас грязью?

Крики.

Миссис Руни. Повернемся к ним лицом.

Крики. Они оборачиваются. Молчание.

Погрози им палкой.

Молчание.

Убежали. *(Пауза.)*

Мистер Руни. Тебе никогда не хотелось убить ребенка? *(Пауза.)* Задушить зло в зародыше. *(Пауза.)* Сколько раз ночью, зимой, на черной дороге к дому, я чуть не бросался на мальчика. *(Пауза.)* Бедный Джерри! *(Пауза.)* Что тогда меня удержало? *(Пауза.)* Не страх перед людьми. *(Пауза.)* Может, теперь пройдем немного назад?

Миссис Руни. Назад?

Мистер Руни. Да. Или ты вперед, я назад. Идеальная парочка. Как у Данте грешники с вывернутыми лицами. Наши слезы упадут на наши зады.

Миссис Руни. Что с тобой, Дэн? Тебе нехорошо?

Мистер Руни. Хорошо! Когда мне было хорошо? В тот день, когда мы познакомились, мне велели лежать. В тот день, когда ты предложила мне руку, от меня отказались врачи. Ты это знала, ведь правда? В ту ночь, когда мы поженились, меня унесли на носилках. Надеюсь, это-то ты не забыла? *(Пауза.)* Нет, нельзя сказать, что мне хорошо. Но сейчас мне не хуже. В общем, мне даже лучше. Потеря зрения меня сильно приободрила. Лишись я еще слуха и речи, я, возможно, проскрипел бы до ста. А может, я уже и проскрипел. *(Пауза.)* Мне сегодня стукнуло сто? *(Пауза.)* Мне сто лет, Мэдди?

Молчание.

Миссис Руни. Все тихо. Ни живой души. Некого спросить. Все едят. Ветер *(вой ветра)* едва шевелит листы, и птички *(чириканье)* устали петь. Коровы *(краткое мычанье)* и овцы *(краткое блеянье)* молча жуют. Собаки *(краткое тявканье)* уснули, а куры *(краткое кудахтанье)* распростерлись в пыли. Мы одни. Некого спросить.

Мистер Руни *(откашлявшись, повествовательным тоном).* Мы выехали точно по расписанию, я могу поручиться. Я был...

Миссис Руни. Как это ты можешь поручиться?

Мистер Руни *(обычным тоном, сердито).* Я могу поручиться, я тебе говорю! Хочешь ты, чтоб я рассказывал, или нет? *(Пауза. Повествовательным тоном)* ...точно по расписанию. Я как всегда был один в купе. По крайней мере, надеюсь, ибо я чувствовал себя совершенно непринужденно... мой ум... *(Обычным тоном.)* Но почему бы нам где-нибудь не присесть? Мы что — боимся, что потом нам не удастся подняться?

Миссис Руни. Сесть! На что?

Мистер Руни. Например, на скамейку.

Миссис Руни. Тут нет скамеек.

Мистер Руни. Ну тогда на кочку, давай сядем на кочку.

Миссис Руни. И кочки нет.

Мистер Руни. Значит, не выйдет. *(Пауза.)* Мне снятся другие дороги, другие страны. Другой дом, другая крыша... другая... *(колеблется)* другая крыша. *(Пауза.)* Да, так на чем я остановился?

Миссис Руни. На своем уме.

Мистер Руни. Моем уме? Ты уверена? *(Пауза. Недоверчиво.)* Моем уме? *(Пауза.)* А, ну да... *(Повествовательным тоном.)* Я сидел один в купе, и мой ум начал работать, как это часто бывает после службы, по дороге домой, в поезде, под шум колес. Твой сезонный билет, сказал я себе, стоит

двенадцать фунтов в год, а зарабатываешь ты в среднем фунтов шесть-семь в день, которых едва хватает на бутерброды, стаканчик, табак и журнал, чтоб только-только продержаться до дома и рухнуть в постель. Прибавь к этому — или вычти — квартирную плату, страховку, разные подписки, отопление, освещение, стрижку, бритье, чаевые поводырям-доброхотам и тысячи разных мелочей, и станет яснее ясного, что, день и ночь лежа в постели зимою и летом, меняя раз в две недели пижаму, ты значительно увеличишь свой доход. Служба, сказал я себе...

Крик. Пауза. Снова крик.

(Обычным голосом.) Кто-то кричал?

Миссис Руни. Миссис Тули. У мужа, у бедняжки, непрекращающиеся боли, и он ее лупит нещадно.

Молчание.

Мистер Руни. Что-то он сразу выдохся. *(Пауза.)* Так о чем это я?

Миссис Руни. О службе.

Мистер Руни. Ах да. Служба. *(Повествовательным тоном.)* От службы, старик, тебе пора отказаться, она от тебя уже давно отказалась. *(Обычным голосом.)* Знаешь, бывают такие минуты озарения.

Миссис Руни. Мне холодно, я устала.

Мистер Руни *(повествовательным тоном).* А с другой стороны, сказал я себе, эти ужасы домашнего быта: стирка, уборка, натирка, разборка, мойка, дойка, сушка, утюжка, прополка, прослойка, промолка, раскопки, улыбки, покупки. И детки — здоровые орущие соседские детки. Обо всем этом и много еще о чем дают некоторое представление субботние вечера и воскресный отдых. А что же по рабочим дням? По вторникам? По пятницам? Что это будет по пятницам? И снова я вернулся к мыслям о своей тихой службе в тихом подвале, табличке с моим стершимся именем, удобном кресле, вельветовых шторах, обо всем, что позволяет заживо себя погрести хотя бы от десяти до пяти, когда под рукой у тебя с одной стороны бутылочка светлого эля, а с другой — холодная тушка хека. Ничто, ничто, сказал я, даже полная констатация смерти, этого не заменит. И тут-то я заметил, что мы остановились. *(Пауза. Обычным голосом. Раздраженно.)* Что это ты так на мне повисла? Сознание, что ли, теряешь?

Миссис Руни. Мне холодно, я устала. Ветер... *(свист ветра)* ветер продувает мое летнее платье, будто я в одних трусиках. Я с завтрака толком не ела.

Мистер Руни. Ты отвлекаешься. Я говорю, а ты слушаешь ветер.

Миссис Руни. Нет-нет, я вся внимание, все-все расскажи, и мы поднатужимся и без устали, без устали двинемся к безопасной гавани.

Мистер Руни. Без устали... к безопасной гавани... Знаешь, Мэдди, иной раз кажется, что ты бьешься над мертвым языком.

Миссис Руни. Да, Дэн, именно, я тебя понимаю, у меня у самой часто такое чувство, и это ужасно тягостно.

Мистер Руни. Признаться, то же случается и со мной, когда я вдруг услышу, что я сам говорю.

Миссис Руни. Ну да ведь язык этот и станет когда-нибудь мертвым, как наш бедный добрый кельтский.

Упорное блеяние.

Мистер Руни *(испуганно).* Господи боже!

Миссис Руни. Ах, пушистенький чудный ягненочек хочет пососать свою маму! Их-то язык не переменился со времен Аркадии. *(Пауза.)*

Мистер Руни. Да, так на чем я остановился?

Миссис Руни. На остановке.

Мистер Руни. Ах да. *(Откашливается. Повествовательным тоном.)* Я, естественно, заключил, что мы прибыли на какую-то станцию и скоро

мы снова двинемся, и я преспокойно ждал. Но — ни звука. Что-то тихо сегодня, подумал я, никто не входит, никто не выходит. Время шло, ничего не менялось, и я понял свое заблуждение. Мы не прибыли на станцию.

Миссис Руни. И ты не вскочил, не высунулся в окно?

Мистер Руни. Что бы мне это дало?

Миссис Руни. Ну, крикнул бы, чтоб тебе сказали, в чем дело.

Мистер Руни. Мне было плевать, в чем дело. Нет, я сидел себе и думал: пусть поезд вовеки не тронется, мне, в общем-то, все равно. А потом постепенно потребность... как бы это сказать... ну, сама понимаешь... охватила меня. Может быть, на нервной почве. Собственно, теперь я даже уверен. Знаешь, просто невмоготу.

Миссис Руни. Да-да, я через это прошла.

Мистер Руни. Если мы еще долго тут проторчим, сказал я себе, я просто не знаю, что делать. Я встал и начал ходить туда-сюда между скамейками, как зверь в клетке.

Миссис Руни. Это иногда помогает.

Мистер Руни. Прошла, как показалось мне, вечность, и вдруг мы поехали. А потом уж слышу, Баррел орет это богомерзкое название. Я вышел, и

Джерри отвел меня в мужскую уборную. *(Пауза.)* Ну и вот. *(Пауза.)* Ты молчишь? *(Пауза.)* Скажи что-нибудь, Мэдди. Скажи, что ты мне веришь.

Миссис Руни. Я как-то, помню, была на лекции одного доктора, из этих, которые психикой занимаются, ну как их? Он говорил...

Мистер Руни. Психиатр?

Миссис Руни. Да нет, просто по расстройствам, я надеялась, он прольет некоторый свет на мое вечное внимание к конским ягодицам.

Мистер Руни. Невролог?

Миссис Руни. Да нет. Это просто какое-то нарушение, ночью названье всплывает. И вот он рассказал историю про одну девочку, очень странную, несчастную, как он безрезультатно лечил ее несколько лет и в конце концов пришлось от нее отказаться. Он не находил в ней ничего ненормального. Единственное, что он заметил, — это, что она умирает. И действительно — она умерла вскоре после того, как он от нее отказался.

Мистер Руни. Ну? И что тут особенного?

Миссис Руни. Ничего. Просто я все думаю, думаю про то, что он тогда сказал и каким тоном.

Мистер Руни. Ты лежишь по ночам, не смыкая глаз, ворочаешься с боку на бок и думаешь, думаешь об этом.

Миссис Руни. Об этом и прочих... ужасах. *(Пауза.)* Покончив со своей историей, он стоял неподвижно минуты две, не меньше, уставясь в стол. Потом вдруг поднял голову и воскликнул, будто ему откровение явилось: Беда в том, что она по-настоящему и не рождалась! *(Пауза.)* Он всю лекцию читал без бумажки. *(Пауза.)* Я ушла до конца.

Мистер Руни. А как же твои ягодицы?

Миссис Руни плачет.

(Он — с нежным укором.) Мэдди!

Миссис Руни. Этим людям ничем нельзя помочь!

Мистер Руни. Каким? *(Пауза.)* Ничего не поймешь. *(Пауза.)* Куда это я повернул?

Миссис Руни. Что?

Мистер Руни. Я уже забыл, куда я повернул.

Миссис Руни. Ты повернул в сторону и наклонился над канавой.

Мистер Руни. Там дохлая собака.

Миссис Руни. Нет-нет, только прелые листья.

Мистер Руни. Прелые листья? В июне?

Миссис Руни. Да, миленький, прошлогодние, позапрошлогодние, позапозапрошлогодние. *(Пауза.)*

Ветер, дождь. Шарканье и т. д.

Вот он и тут — мой дивный ракитник. Бедненький, все кисточки растерял.

Шарканье и т. д.

Вот и первые капли. Золотая сеть.

Шарканье и т. д.

Интересно, могут ли лошаки размножаться?

Останавливаются. Первым — мистер Руни.

Мистер Руни. Прости?..

Миссис Руни. Идем, миленький, не обращай на меня внимания, мы вымокнем.

Мистер Руни *(упорно).* Что — могут ли — что?

Миссис Руни. Размножаться. Лошаки. Знаешь, эти лошаки, мулы или как их, они ведь бесплодные, бесполые или что? *(Пауза.)* Это, оказывается, был вовсе не молодой осел, я у профессора теологии спрашивала[2].

Мистер Руни. Уж он-то знает.

Миссис Руни. Да, это был мул. Он въехал в Иерусалим — или куда это? — на муле. *(Пауза.)* Это что-нибудь да значит. *(Пауза.)* И воробьи, которых мы многих дороже[3], — оказывается, никакие не воробьи.

---

[2] Примечания: 2

Евангелие от Иоанна. 12:14: Иисус же, нашед молодого осла, сел на него.

[3] Примечания: 3

Евангелие от Луки. 12:7: «Вы дороже многих малых птиц».

Мистер Руни. Которых мы многих... Ты преувеличиваешь, Мэдди.

Миссис Руни *(с волнением).* Никакие не воробьи!

Мистер Руни. Разве от этого нам больше цена? *(Пауза.)* Идут. Дождь и ветер. Шарканье и т. д. Останавливаются.

Миссис Руни. Ты чего остановился? Хочешь что-то сказать?

Мистер Руни. Нет.

Миссис Руни. А чего остановился?

Мистер Руни. Так легче.

Миссис Руни. Ты совсем промок?

Мистер Руни. До сердцевины.

Миссис Руни. Сердцевины?

Мистер Руни. Происходит от сердца.

Миссис Руни. Придем, все повесим сушить, влезем в халаты. *(Пауза.)* Обними меня. *(Пауза.)* Будь со мной подобрей! *(Пауза. Благодарно.)* Ох, Дэн!

Идут. Ветер и дождь. Шарканье и т. д. Раздается та же музыка, что и вначале. Останавливаются. Музыка громче. Молчание, слышна только музыка. Потом музыка стихает.

С утра до вечера та же заезженная пластинка. Одна-одинешенька в разваленном доме. Небось теперь уж совсем старуха.

Мистер Руни *(глухо).* Девушка и смерть. *(Пауза.)*

Миссис Руни. Ты плачешь? *(Пауза.)* Ты плачешь?

Мистер Руни *(в сердцах).* Да!

Идут. Ветер и дождь. Шарканье и т. д. Останавливаются.

Кто завтра проповедь читает? Старик?

Миссис Руни. Нет.

Мистер Руни. Слава тебе господи. А кто?

Миссис Руни. Харди.

Мистер Руни. «Как быть счастливым, даже и в браке?»

Миссис Руни. Да нет, тот умер, ты же знаешь. Ничего общего.

Мистер Руни. Текст объявлен?

Миссис Руни. «Господь поддерживает всех падающих и восставляет всех низверженных»[4]. *(Пауза.)*

Оба дико хохочут. Идут. Ветер и дождь. Шарканье и т. д.

Обними меня крепче, Дэн! *(Пауза.)* Ах да!..

Останавливаются.

Мистер Руни. Я слышу — за нами кто-то идет.

---

[4] Примечания: 4
Библия, Псалом 144: 14.

(Пауза.) Миссис Руни. Кажется, Джерри. *(Пауза.)* Это Джерри.

Джерри все ближе. Он, запыхавшись, останавливается с ними рядом.

Джерри *(запыхавшись).* Вы уронили...

Миссис Руни. Отдышись, детка, у тебя будет инфаркт.

Джерри *(запыхавшись).* Вы что-то уронили, сэр. Мистер Баррел велел вас догнать.

Миссис Руни. Дай сюда. *(Берет предмет в руки.)* Что это?

(Осматривает.) Что это такое, Дэн?

Мистер Руни. Может, это и не мое.

Джерри. Мистер Баррел сказал — ваше, сэр.

Миссис Руни. Похоже на мячик. Но это не мячик!

Мистер Руни. Дай сюда.

Миссис Руни *(отдает.)* Что это, Дэн?

Мистер Руни. Это вещь, которую я ношу с собой.

Миссис Руни. Да, но...

Мистер Руни *(резко.)* Это вещь, которую я ношу с собой. *(Пауза.)*

Миссис Руни ищет пенс.

Миссис Руни. У меня нет мелких денег. А у тебя?

Мистер Руни. У меня вообще их нет.

Миссис Руни. У нас нет мелочи, Джерри. Напомни в понедельник мистеру Руни, чтоб он дал тебе пенни за труды.

Джерри. Да, мэм.

Мистер Руни. Если я буду жив.

Джерри. Да, сэр. *(Припускается обратно на станцию.)*

Миссис Руни. Джерри!

Джерри останавливается.

Ты не слыхал, из-за чего произошла задержка? Из-за чего поезд так опоздал?

Мистер Руни. Откуда он мог слыхать? Пошли.

Миссис Руни. Из-за чего, Джерри?

Джерри. Это из-за...

Мистер Руни. Отстань от мальчика! Он ничего не знает! Пошли.

Миссис Руни. Из-за чего, Джерри?

Джерри. Из-за ребенка, мэм.

Мистер Руни стонет.

Миссис Руни. Как это — из-за ребенка?

Джерри. Из-за ребенка, который упал из вагона. На рельсы, мэм. *(Пауза.)* Под колеса, мэм. *(Пауза.)*

Джерри убегает. Его шаги замирают вдали. Бушует ветер, дождь. Затихает. Они идут. Шарканье и т. д. Останавливаются. Бушует ветер, дождь.

Счастливые дни

Действующие лица:
Винни, женщина лет пятидесяти.
Вилли, мужчина лет шестидесяти.

Действие первое

Посреди сцены невысокий взгорок, покрытый выжженной травой. Плавные склоны к залу, вправо и влево. Позади крутой обрыв к помосту. Предельная простота и симметрия. Слепящий свет.

Донельзя помпезный реалистический задник из бражает невозделанную равнину и небо, сходящиеся на горизонте. В самой середине взгорка по грудь в земле — Винни. Около пятидесяти, хорошо сохранившаяся, предпочтительней блондинка, в теле, руки и плечи оголены, низкий вырез, пышная грудь, нитка жемчуга. Она спит, положив руки на землю перед собой, голову на руки. Слева от нее на земле поместительная черная сумка хозяйственного типа, справа — складной зонтик, из его складок торчит загнутая клювом ручка.

Справа от нее спит, растянувшись на земле,

Вилли, его не видно из-за взгорка.

Долгая пауза. Пронзительно звонит звонок, секунд, скажем, десять и умолкает. Она не двигается. Пауза. Звонок звонит еще пронзительней, секунд, скажем, пять. Она просыпается. Звонок умолкает. Она поднимает голову, смотрит в зал. Долгая пауза. Потягивается, упирается руками в землю, запрокидывает голову, смотрит в небо. Долгая пауза.

Винни *(смотрит в небо).* И опять день выдастся на славу. *(Пауза. Опускает голову, смотрит в зал, пауза. Складывает руки, подносит к груди, закрывает глаза. Губы ее шевелятся в неслышной молитве, секунд, скажем, десять. Перестают шевелиться. Руки по-прежнему у груди. Шепотом.)* Во имя Господа нашего Иисуса Христа. Аминь! *(Открывает глаза, опускает руки, кладет их на взгорок. Пауза. Снова подносит руки к груди, закрывает глаза, и снова губы ее шевелятся в неслышной молитве секунд, скажем, пять. Шепотом.)* Во веки веков! Аминь! *(Открывает глаза, снова кладет руки на взгорок. Пауза.)* Начинай, Винни. *(Пауза.)* Начинай свой день, Винни. *(Пауза. Поворачивается к сумке, не сдвигая ее с места, роется в ней, достает зубную щетку, снова роется, достает плоский тюбик зубной пасты,*

снова поворачивает голову к залу, отвинчивает колпачок, кладет колпачок на землю, с трудом выдавливает каплю пасты на щетку, в одной руке держит тюбик, другой чистит зубы. Стыдливо отворачивается, сплевывает назад, за взгорок. Взгляд ее задерживается на Вилли. Она сплевывает. Перегибается еще больше назад. Громко.) Ээ-й! *(Пауза. Еще громче.)* Ээ-й! *(С нежной улыбкой снова поворачивается к залу, откладывает щетку).* Бедный Вилли — *(разглядывает тюбик, улыбки как не бывало)* — кончается — *(ищет глазами колпачок)* — ну да ладно — *(находит колпачок)* — ничего не попишешь — *(завинчивает колпачок)* — вещи стареют, им приходит конец — *(откладывает тюбик)* — вот и ей пришел — *(поворачивается к сумке)* — ничего не поделаешь — *(роется в сумке)* — ничем не поможешь — *(достает зеркальце, поворачивается к залу)* — ну да — *(рассматривает зубы в зеркале)* — бедненький Вилли — *(щупает верхние зубы пальцем, неразборчиво)* — Господи! — *(задирает верхнюю губу, разглядывает десны, также неразборчиво)* — Боже ты мой! — *(отворачивает губу с одной стороны, с открытым ртом, точно так же)* — ну да ладно — *(с другой стороны, точно так же)* — не хуже — *(отпускает губу, обычным*

голосом) — не хуже и не лучше — *(откладывает зеркало)* — без перемен — *(вытирает пальцы о траву)* — без боли — *(ищет щетку)* — можно сказать почти без — *(берет щетку)* — чудо что такое — *(вглядывается в ручку щетки)* — что может быть лучше — *(вглядывается в ручку, читает)* — настоящая... что? — *(пауза)* — что? — *(откладывает щетку)* — ну да — *(поворачивается к сумке)* — бедненький Вилли — *(роется в сумке)* — у него нет вкуса — *(роется)* — ни к чему — *(достает очки в футляре)* — нет интереса — *(снова поворачивается к залу)* — к жизни — *(вынимает очки из футляра)* — бедненький мой Вилли — *(откладывает футляр)* — вечно спит — *(отгибает дужки очков)* — удивительная способность — *(надевает очки)* — ничего лучше и быть не может — *(ищет щетку)* — на мой взгляд — *(берет щетку)* — всегда так считала — *(вглядывается в ручку щетки)* — мне бы так — *(вглядывается в ручку, читает)* — настоящая... без подделки... что? — *(откладывает щетку)* — а там и вовсе ослепнешь — *(снимает очки)* — ну да ладно — *(откладывает очки)* — и так немало — *(лезет в вырез за платком)* — повидала — *(вынимает сложенный платок)* — в свое время — *(встряхивает платок)* — дивные строчки, как же это там?

— *(вытирает один глаз)* — когда время мое миновало — *(вытирает другой)* — и та-там закатилась моя — *(ищет очки)* — вот именно — *(берет очки)* — что было, то было, ни от чего не отказалась бы — *(протирает очки, дышит на стекла)* — а может, отказалась? — *(протирает)* — чистый свет — *(протирает)* — явись из тьмы — *(протирает)* — подземный пекла свет. *(Перестает протирать очки, поднимает лицо к небу; пауза; опускает голову, снова принимается протирать очки, перестает протирать, перегибается назад и направо.)* Ээ-й! *(Пауза. С нежной улыбкой поворачивается к залу и снова принимается протирать очки. Улыбки как не бывало.)* Удивительная способность — *(перестает протирать, откладывает очки)* — мне бы так — *(складывает платок)* — ну да ладно — *(засовывает платок за вырез)* — грех жаловаться — *(ищет очки)* — вот уж нет — *(берет очки)* — жаловаться не приходится — *(подносит очки к глазам, глядит в одно стекло)* — надо быть благодарной: столько всего хорошего — *(глядит в другое стекло)* — без боли — *(надевает очки)* — можно сказать, почти без — *(ищет зубную щетку)* — чудо что такое — *(берет щетку)* — что может быть лучше — *(вглядывается в ручку щетки)* — разве что голова иногда

побаливает — *(вглядывается в ручку, читает)* — настоящая... без подделки натуральная... что? — *(подносит щетку поближе к глазам)* — настоящая без подделки — *(вынимает из-за выреза платок)* — ну да — *(встряхивает платок)* — бывает, легкая мигрень донимает — *(протирает ручку щетки)* — прихватит — *(протирает)* — отпустит — *(машинально протирает)* — ну да — *(протирает)* — велики ко мне милости — *(протирает)* — поистине велики — *(перестает протирать, остановившийся, отрешенный взгляд, убитым голосом)* — и молитвы, возможно, не напрасны — *(пауза, точно так же)* — поутру — *(пауза, так же)* — на сон грядущий — *(опускает голову, снова принимается протирать очки, перестает протирать, вскидывает голову, успокаивается, вытирает глаза, складывает платок, засовывает его обратно за вырез, вглядывается в ручку щетки, читает)* — настоящая без подделки... натуральная — *(подносит поближе к глазам)* — натуральная... *(Снимает очки, откладывает очки и щетку, глядит прямо перед собой.)* Вещи стареют. *(Пауза.)* Стареют глаза. *(Долгая пауза.)* Давай, Винни. *(Она озирается вокруг, взгляд ее падает на зонтик, она долго рассматривает его, поднимает, вытягивает из складок неимоверной*

длины ручку. Держа зонт за кончик правой рукой, перегибается назад и направо, склоняется над Вилли.) Ээ-й! *(Пауза.)* Вилли! *(Пауза.)* Замечательная способность. *(Ударяет его ручкой зонтика.)* Мне бы так. *(Снова ударяет. Зонтик выскальзывает из ее руки, падает за взгорок. Невидимая рука Вилли незамедлительно возвращает его.)* Спасибо, миленький. *(Перекладывает зонтик в левую руку, оборачивается к залу, разглядывает правую ладонь.)* Мокрая. *(Снова берет зонтик в правую руку, разглядывает левую ладонь.)* Ну да ладно, хорошо хоть не хуже. *(Вскидывает голову, радостно.)* Не хуже и не лучше, без перемен. *(Пауза. Точно так же.)* Без боли. *(Перегибается назад посмотреть на Вилли, как и прежде держа зонт за кончик.)* Ну, пожалуйста, миленький, не засыпай, ты мне можешь понадобиться. *(Пауза.)* Ничего спешного, только не свертывайся, как у тебя в заводе, калачиком. *(Поворачивается к залу, откладывает зонтик, разглядывает обе ладони разом, вытирает их о траву.)* И все-таки вид не тот. *(Поворачивается к сумке, роется в ней, достает револьвер, подносит к губам, бегло целует, кладет обратно в сумку, роется, достает почти опорожненную бутылку с красным снадобьем, поворачивается к залу, ищет очки, вздевает,*

читает ярлык.) Упадок духа... утрата интереса к жизни... потеря аппетита... новорожденные... дети... взрослые... шесть столовых... ложек ежедневно — *(вскидывает голову, улыбка)* — если подходить со старыми мерками — *(улыбки как не бывало, опускает голову, читает)* — ежедневно... до и после... еды... дает мгновенное... *(подносит поближе к глазам)* ... улучшение. *(Снимает, откладывает очки, отводит руку с бутылкой, чтобы посмотреть, сколько в ней осталось, отвинчивает пробку, запрокинув голову, опорожняет, отшвыривает пробку и бутылку прочь за взгорок прямо к Вилли. Звон разбитого стекла.)* Так-то оно лучше! *(Поворачивается к сумке роется в ней, достает помаду, поворачивается к залу, разглядывает помаду.)* Кончается. *(Ищет очки.)* Ну да ладно. *(Надевает очки, ищет зеркало.)* Жаловаться не приходится. *(Берет зеркало, красит губы.)* Дивная строчка, как же это там? *(Красит.)* Уж если медь, та-та та-та и море не устоят, когда придет им срок *(красит)*, что может уцелеть, со смертью споря. *(Красит. Возня Вилли отрывает ее. Он садится. Она опускает помаду, зеркало, перегибается назад посмотреть на него. Пауза. Лысый затылок Вилли, по которому струится кровь, воздвигается над склоном и так*

застывает. Винни поднимает очки на лоб. Пауза. Высовывается рука Вилли с платком, накрывает платком лысину, исчезает. Пауза. Высовывается рука — в ней канотье с клубной лентой — залихватски надвигает канотье набекрень, исчезает. Пауза. Винни перегибается назад чуть сильнее.) Надень кальсоны, миленький, ты же обгоришь. *(Пауза.)* Не наденешь? *(Пауза.)* Смотри-ка, а у тебя осталось еще немного этой мазилки. *(Пауза.)* Разотрись хорошенько, миленький. *(Пауза.)* А теперь другую. *(Пауза. Она поворачивается к залу, смотрит прямо перед собой. Счастливое выражение лица.)* Какой сегодня будет счастливый день! *(Пауза. Счастливого выражения как не бывало. Опускает очки на нос, снова красит губы. Вилли открывает газету, его рук не видно. Голову Вилли обрамляют пожелтевшие газетные страницы. Винни перестает красить губы, чуть отодвинув зеркало, разглядывает их.)* Победный красный стяг. *(Вилли переворачивает страницу. Винни откладывает помаду и зеркало, поворачивается к сумке.)* Не то что прежде — унылый белый флаг. *(Вилли переворачивает страницу. Винни роется в сумке, достает нарядную шляпку-менингитку с помятым пером, поворачивается к залу, охорашивает шляпку, разглаживает перо, подносит*

шляпку к голове и, пока Вилли читает, так и застывает с шляпкой в руке.)

Вилли. Его преподобие отец в Бозе Каролус Кольт опочил в тазе. *(Пауза.)*

Винни *(поворачивается к залу — шляпка в руке, — с жаром вспоминает).* Чарли Кольт! *(Пауза.)* Едва закрою глаза — *(снимает очки, закрывает глаза, шляпка — в одной руке, очки — в другой, Вилли переворачивает страницу)* — и опять я сижу у него на коленях в саду за домом в Полден-Хилс, под конским буком. *(Пауза. Она открывает глаза, вздевает очки, вертит в руках шляпку.)* Какая счастливая пора!

Пауза. Она подносит шляпку к голове, но, заслышав голос Вилли, застывает с шляпкой в руке.

Вилли *(читает).* Предлагаем разнообразные панамы.

Пауза. Она подносит шляпку к голове, но так и застывает с шляпкой в руке, снимает очки, глядит в зал, шляпка в одной руке, очки — в другой.

Винни. Мой первый бал! *(Долгая пауза.)* Мой второй бал! *(Долгая пауза. Закрывает глаза.)* Мой первый поцелуй! *(Пауза. Вилли переворачивает страницу. Винни открывает глаза.)* Какой-то мистер не то Обод, не то Хобот. С густющими усищами, совсем рыжими. *(Трепетно.)* Только что не

огненными. *(Пауза.)* В сарае, но чьем, хоть убей, не помню. У нас сарая не было, и у него не было — это уж точно. *(Закрывает глаза.)* Как сейчас вижу груды горшков. *(Пауза.)* Ящики яблок. *(Пауза.)* Меж балками густеют тени.

Пауза. Она открывает глаза, вздевает очки, подносит шляпку к голове, заслышав голос Вилли, застывает с шляпкой в руке.

Вилли *(читает).* Покупаем липу.

Пауза. Винни поспешно надевает шляпку, ищет очки. Вилли переворачивает страницу. Винни берет зеркало, разглядывает шляпку, откладывает зеркало, поворачивается к сумке. Газета исчезает. Винни роется в сумке, достает лупу, поворачивается к залу, ищет зубную щетку. Вновь высовывается газета, на этот раз сложенная, обмахивает лицо Вилли, руки не видно, Винни берет щетку, сквозь лупу вглядывается в ручку.

Винни. Настоящая без подделки... *(Вилли перестает обмахиваться) ...* натуральная... *(Пауза. Вилли снова принимается обмахиваться. Винни подносит щетку поближе к глазам, читает.)* Настоящая без подделки... *(Вилли перестает обмахиваться) ...* натуральная... *(Пауза. Вилли снова принимается обмахиваться. Винни откладывает лупу и щетку, вытаскивает из-за выреза платок,*

снимает очки, протирает стекла, вздевает очки, ищет лупу, берет лупу, протирает ее, откладывает лупу, ищет щетку, берет щетку, обтирает ее ручку, откладывает щетку, засовывает платок обратно в вырез, ищет лупу, берет лупу, ищет щетку, берет щетку, сквозь лупу вглядывается в ручку.) Настоящая без подделки... *(Вилли перестает обмахиваться)* ... натуральная... *(пауза, Вилли снова принимается обмахиваться)* ... свиная... *(Вилли перестает обмахиваться, пауза)* ... щетина. *(Пауза. Винни откладывает лупу и щетку, газета исчезает, Винни снимает очки, откладывает их, смотрит в зал.)* Свиная щетина. *(Пауза.)* Ведь это просто чудо что такое — дня — *(улыбка)* — по старым меркам — *(улыбки как не бывало)* — буквально дня не проходит, чтобы какой-нибудь факт не обогатил твой умственный багаж, пусть и незначительный, в смысле, факт незначительный, если приложить усилия. *(Снова высовывается рука Вилли с открыткой, он подносит ее поближе к глазам, разглядывает.)* Ну а если ты почему-либо не можешь прилагать усилий, что ж, тогда просто-напросто закрой глаза — *(так и делает)* — и жди, настанет день — *(открывает глаза)* — такой жаркий, что тело плавится, а лунной ночи нет конца — столько

часов она длится — еще один счастливый день! *(Пауза.)* Когда приходишь в уныние и завидуешь всякой твари — это чудо как утешает. *(Поворачивается к Вилли.)* Надеюсь, ты не пропускаешь мои слова мимо ушей. *(Видит открытку, перегибается еще ниже.)* Что это у тебя там, Вилли, дай и мне посмотреть. *(Протягивает руку, Вилли передает ей открытку. Волосатая рука высовывается из-за склона, отдает открытку и застывает, пока не получает открытку обратно. Винни поворачивается к залу, разглядывает открытку.)* Нет, до чего дошли! *(Ищет очки, вздевает их, вглядывается в открытку.)* Да это же настоящее самое что ни на есть натуральное непотребство! *(Вглядывается в открытку.)* Экая мерзость — просто с души воротит! *(Вилли перебирает пальцами от нетерпения. Винни ищет лупу, берет ее, разглядывает открытку через лупу. Долгая пауза.)* А вон тот, третий, он что такое вытворяет? *(Подносит открытку поближе к глазам.)* Ой, нет, не может быть! *(Вилли перебирает пальцами от нетерпения. Долгий взгляд напоследок. Винни откладывает лупу, берет открытку за край указательным и большим пальцами правой руки, отворачивается, зажимает нос указательным и большим пальцами левой.)* Тьфу! *(Роняет*

открытку.) Убери ее подальше! *(Рука Вилли исчезает. И тут же высовывается снова — в ней открытка. Винни снимает очки, откладывает их, смотрит перед собой. В дальнейшем Вилли наслаждается открыткой, поворачивая ее и так и сяк, то поднося поближе, то отдаляя.)* Свиная щетина, ну да, щетина свиньи. *(Недоуменное выражение лица.)* Свинья, свинья, что же это такое? *(Пауза. Такое же выражение.)* Что такое хряк, помню, боров, помню, а вот что такое свинья... *(Недоумения как не бывало.)* Ну да ладно, не беда, что тут еще скажешь, все в конце концов вспоминается — ну не чудо ли это: все-все вспоминается. *(Пауза.)* Все? *(Пауза.)* Нет, не все. *(Улыбка.)* Вот уж нет. *(Улыбки как не бывало.)* Далеко не все. *(Пауза.)* Так, кое-что. *(Пауза.)* В один прекрасный день возьмет да и всплывет в памяти. *(Пауза.)* Ну не чудо ли это? *(Пауза. Она поворачивается к сумке. И рука, и открытка исчезают. Она тянется к сумке, но застывает с протянутой рукой.)* Нет. *(Поворачивается к залу. Улыбка.)* Вот уж нет. *(Улыбки как не бывало.)* Не спеши, Винни. *(Смотрит в зал. Снова высовывается рука Вилли, снимает шляпу, исчезает вместе со шляпой.)* Ну а дальше что? *(Снова высовывается рука, снимает платок с лысины, исчезает вместе с платком.*

Резко, словно обращаясь к невнимательному собеседнику.) ВИННИ! *(Голова Вилли опускается, исчезает из виду.)* Разве есть другой выход? *(Пауза.)* Разве есть дру — *(Вилли долго, трубно сморкается, ни его головы, ни рук не видно. Винни поворачивается, глядит на него. Пауза. Снова высовывается его голова. Пауза. Снова высовывается рука с платком, накрывает им лысину, исчезает. Пауза. Снова высовывается рука с каноть е, залихватски надвигает его набекрень, исчезает. Пауза.)* Да по мне, спи сколько угодно. *(Она поворачивается лицом к залу. Рассеянно дергает травинки, голова — чтобы придать словам большую выразительность — ходит вверх-вниз.)* Вот только я терпеть не могу одиночества, в смысле терпеть не могу болтать в одиночестве, когда меня никто не слушает. *(Пауза.)* Нет, нет, Вилли, я не льщу себя надеждой, что ты все слышишь, боже упаси! *(Пауза.)* Не исключено, что бывают такие дни, когда ты ничего не слышишь. *(Пауза.)* Зато бывают и такие, когда ты мне отвечаешь. *(Пауза.)* Словом, можно сказать, что всегда, даже когда ты ничего не отвечаешь, и не исключено, что ничего и не слышишь, ты не все не слышишь, и я не просто разговариваю сама с собой, все равно как в пустыне — этого я всегда терпеть не могла — не

могла терпеть долго. *(Пауза.)* Вот что дает мне силы, силы болтать то есть. *(Пауза.)* Ну, а если бы ты умер — *(улыбка)* — если подходить со старыми мерками — *(улыбки как не бывало)* — или ушел от меня к другой, что бы я тогда делала, чем бы занимала себя весь день, от звонка до звонка, в смысле от подъема до отхода ко сну? *(Пауза.)* Смотрела бы в одну точку, сомкнув рот, — что же еще? *(Так и делает. Долгая пауза. Перестает дергать траву.)* И не сказала бы ни слова больше до последнего вздоха, ничем бы не нарушила здешнюю тишину. *(Пауза.)* Разве что иногда, изредка, вздохнула бы перед зеркалом. *(Пауза.)* Или... фыркнула бы, если бы меня что-нибудь рассмешило, как бывало. *(Пауза. Расплывается в улыбке, кажется, что улыбка вот-вот перейдет в смех, но внезапно ее сменяет выражение тревоги.)* Волосы! *(Пауза.)* Я не забыла причесаться? *(Пауза.)* Скорее всего не забыла. *(Пауза.)* Обычно я не забываю. *(Пауза.)* Да и как забыть — не так уж много чего можно делать. *(Пауза.)* Поэтому делаешь все, что можешь. *(Пауза.)* Все, что можно. *(Пауза.)* Потому что не можешь иначе. *(Пауза.)* Таково человеческое естество. *(Оглядывает взгорок, поднимает глаза.)* Такова уж человеческая слабость. *(Снова оглядывает взгорок, поднимает глаза.)* Естественная

слабость. *(Снова оглядывает взгорок.)* Гребень куда-то запропастился. *(Снова оглядывает взгорок.)* И щетка. *(Поднимает глаза. На лице недоумение. Поворачивается к сумке, роется в ней.)* Гребень здесь. *(Лицом к залу. Недоумение. Лицом к сумке. Роется.)* И щетка здесь. *(Лицом к залу. Недоумение.)* Видимо, я причесалась и положила их на место. *(Пауза. То же выражение.)* Но ведь обычно я потом ничего не кладу в сумку — вот уж нет, наоборот, разбрасываю вещи как попало и кладу их в сумку только в конце дня. *(Улыбка.)* По старым меркам. *(Пауза.)* По добрым старым меркам. *(Улыбки как не бывало.)* И все-таки... вроде бы... помнится... *(С неожиданной бесшабашностью.)* Ну да ладно, не беда, что тут еще скажешь, возьму и почешусь попозже, спешить нек... *(Пауза. Озадаченно.)* Почешусь? *(Пауза.)* Или причешусь? Возьму и причешусь? *(Пауза.)* Что-то тут не так. *(Пауза. Полуоборачивается к Вилли.)* Как бы ты сказал, Вилли? *(Пауза. Еще больше поворачивается к Вилли.)* Как бы ты сказал, Вилли, если бы речь шла о волосах, почешусь или причешусь? *(Пауза.)* В смысле, о волосах на голове. *(Пауза. Еще сильнее поворачивается к Вилли.)* Так вот, как бы ты сказал, Вилли, в таком случае — почешусь или причешусь? *(Долгая пауза.)*

Вилли. Причешусь.

Винни *(поворачивается к залу, радостно).* Ты сегодня со мной поговоришь — какой это будет счастливый день! *(Пауза. Радости как не бывало.)* Еще один счастливый день! *(Пауза.)* Ах да, на чем я остановилась, на волосах, ну да ладно, потом, благодарную молитву я буду творить потом. *(Пауза.)* Я надела — *(подносит руки к шляпке)* — конечно, надела шляпку — *(опускает руки)* — *а* снять ее не в силах. *(Пауза.)* Подумать только: ведь бывает так, что ты не в силах снять шляпку, хоть убей. Бывает так, что ты не в силах ее надеть, а бывает и так, что не в силах снять. *(Пауза.)* Сколько раз я себе говорила: надень шляпку, Винни, тебе ничего больше не остается, а теперь сними шляпку, Винни, не упрямься, тебе же самой будет лучше — и не могла. *(Пауза.)* Не было сил. *(Пауза. Поднимает руку, высвобождает прядь волос из-под шляпки, подносит ее к глазам, скашивает глаза, бросает прядь, опускает руку.)* Золотыми назвал ты их в тот день, когда наконец ушел последний гость — *(рука взлетает вверх, словно в ней бокал)* — выпьем за твои золотые... пусть они никогда... *(пресекающимся голосом)* ... пусть они никогда... *(Опускает руки. Опускает голову. Пауза. Шепотом.)* В тот день. *(Пауза. Точно*

так же.) В какой день? *(Пауза. Поднимает голову. Обычным голосом.)* А дальше что? *(Пауза.)* Не нахожу слов, бывает ведь и так, что слов и тех не найдешь. *(Полуоборачивается к Вилли.)* Верно, Вилли? *(Пауза. Еще больше поворачивается к нему.)* Верно, Вилли, бывает ведь и так, что слов и тех не найдешь? *(Пауза. Поворачивается к залу.)* Что делать, пока не найдешь слов? Причесываться, если еще не причесалась, ну а если точно не помнишь, подпиливать ногти, если их нужно подпилить, — все это помогает продержаться на плаву. *(Пауза.)* Вот что я хотела сказать. *(Пауза.)* Вот и все, что я хотела сказать. *(Пауза.)* Ну разве это не чудо — не проходит и дня — *(улыбка)* — по старым меркам — *(улыбки как не бывало)* — чтобы не повторить: не было бы счастья — *(Вилли падает, голова его исчезает за склоном, Винни поворачивается посмотреть, что с ним случилось)* — да несчастье помогло. *(Перегибается вниз.)* Залезай обратно в свою яму, Вилли, нехорошо так долго лежать нагишом. *(Пауза.)* Послушай, Вилли, хватит лежать на солнцепеке, залезай обратно в свою яму. *(Пауза.)* Ну же, Вилли. *(Незримый Вилли ползет налево к яме.)* Молодец! *(Не спуская глаз следит за его продвижением к яме.)* Нет, нет, дуралей, сначала ноги, голову потом, ты же там

не повернешься. *(Пауза.)* Так, так... повернулись... теперь... пятимся. *(Пауза.)* Знаю, знаю, миленький, пятиться ползком трудно, но дело того стоит. *(Пауза.)* Ты забыл вазелин. *(Следит, как он выползает из ямы за вазелином.)* Крышку! *(Следит, как он ползет назад к яме. Раздраженно.)* Сколько раз тебе говорить: сначала ноги, потом голову. *(Пауза.)* Возьми правее. *(Пауза.)* Сказано же тебе — правее. *(Пауза. Раздраженно.)* И зад, слышишь, зад не поднимай! *(Пауза.)* И раз! *(Пауза.)* Оп-ля! *(Все указания давались громким голосом. Теперь — по-прежнему поворотясь к нему — обычным голосом.)* Ты меня слышишь? *(Пауза.)* Вилли, умоляю тебя, скажи только да или нет, слышишь, только да или уж ничего не говори. *(Пауза.)*

Вилли. Да.

Винни *(поворачивается к залу, тем же голосом).* А теперь?

Вилли *(раздраженно).* Да.

Винни *(тише).* А теперь?

Вилли *(еще более раздраженно).* Да.

Винни *(еще тише).* А теперь? *(Чуть громче.)* А теперь? Вилли *(в ярости).* Да!

Винни *(так же).* Душа моя мрачна! *(Пауза.)* Ты слышал, что я сказала?

Вилли *(раздраженно).* Да!

Винни *(так же).* Что? *(Пауза.)* Что?

Вилли *(еще более раздраженно).* Душа моя. *(Пауза.)*

Винни *(так же).* Что? *(Пауза.)* Душа твоя что?

Вилли *(свирепо).* Душа моя!

Винни *(обычным голосом, выпаливает одним духом).* Благослови тебя Господь за твою доброту, Вилли, я знаю, чего тебе это стоит, а сейчас отдыхай, я не стану тебя больше беспокоить, разве что в самом крайнем случае, в смысле разве что дойду до края и совсем уж не найду чем заняться, а до этого дело, надеюсь, не дойдет, знать, что ты меня слышишь хотя бы теоретически, пусть фактически и не слышишь, знать, что ты поблизости и предположительно начеку, — больше мне ничего не нужно, я ничего такого не скажу, что тебе не по душе, не стану выбалтывать за милую душу все, что мне надрывает душу, а так я не знаю — слышишь ты, не слышишь, а душу облегчить хочется. *(Пауза. Она переводит дух.)* Душа-то не на месте. *(Указательным и средним пальцем ищет сердце, двигает пальцы туда-сюда, наконец находит.)* То ли здесь. *(Двигает пальцы.)* То ли нет. *(Отводит руку.)* Чую, что придет такое время, когда прежде, чем сказать слово, мне придется удостовериться, что ты слышал предыдущее, и

чую, что придет и другое время, да-да, совсем другое, когда мне придется научиться разговаривать с самой собой, а этого я и вовсе терпеть не могу — это же все равно как в пустыне. *(Пауза.)* Или смотреть перед собой сомкнув рот. *(Так и делает.)* Весь день напролет. *(Та же мимика.)* Нет. *(Улыбка.)* Вот уж нет. *(Улыбки как не бывало.)* На худой конец у меня есть сумка. *(Поворачивается к ней.)* Есть и будет. *(Лицом к залу.)* Надеюсь, что будет. *(Пауза.)* Даже когда тебя не будет, Вилли. *(Полуоборачивается к нему.)* Тебя ведь скоро не будет, Вилли, верно? *(Пауза. Громче.)* Тебя ведь и правда очень скоро не будет, Вилли, правда ведь? *(Пауза. Громче.)* Вилли! *(Пауза. Она перегибается назад — посмотреть на него.)* Ты, я вижу, снял канотье, и правильно сделал. *(Пауза.)* Ничего не скажешь, похоже, тебе так очень уютно — подбородком оперся на руки и таращишься на меня из темноты своими голубыми глазками. *(Пауза.)* Видишь ли ты меня оттуда — вот о чем я думаю, думаю всегда. *(Пауза.)* Не видишь? *(Лицом к залу.)* Я знаю — как не знать: когда два человека связаны — *(пресекающимся голосом)* — так тесно — *(обычным голосом)* — и один видит другого, из этого вовсе не следует, что и другой тоже видит его, жизнь научила меня этому... и этому. *(Пауза.)*

Вот именно что жизнь, точнее не скажешь. *(Полуоборачивается к нему.)* Вилли, ты мог бы меня увидеть, как по-твоему, если бы обратил взгляд в мою сторону? *(Еще больше поворачивается к нему.)* Обрати глаза в мою сторону, Вилли, и скажи — видишь ли ты меня, ну сделай это для меня, а я постараюсь перегнуться подальше. *(Так и делает. Пауза.)* Не скажешь? *(Пауза.)* Не беда. *(С трудом поворачивается к залу.)* Что-то меня сегодня земля как тисками зажала — потолстела я, что ли, да нет, вроде нет. *(Пауза. Рассеянно, глаза опущены.)* Не иначе как жара сказывается. *(Похлопывает, поглаживает землю.)* Все, что ни возьми, расширяется, одно больше. *(Пауза. Похлопывает, гладит.)* Другое меньше. *(Пауза. Те же жесты.)* Я понимаю, нельзя не понять, о чем ты думаешь: слушать ее и то надоело донельзя, а тут еще — изволь смотреть на нее, а отказаться нельзя. *(Пауза.)* Понимаю тебя. *(Пауза.)* Как нельзя лучше понимаю. *(Пауза. Те же жесты.)* Вроде бы просишь о такой малости, кажется — *(голос пресекается, переходит в шепот)* — меньше и просить нельзя — от ближнего — по меньшей мере — но на самом-то деле — нельзя не понять — если заглянуть в душу себе — в душу ближнему — что он хочет — покоя — чтобы его оставили в

покое — и тут уж как нельзя лучше понимаешь — что все это время — лучу — луну с неба, вот чего ты просила. *(Пауза. Рука, поглаживавшая землю, вдруг застывает. Оживленно.)* Ой, что это? *(Наклоняет голову к земле, ошеломленно.)* Живая тварь, ей-ей! *(Ищет очки, вздевает их, нагибается еще ниже. Пауза.)* Муравей! *(Отпрянула. Верещит.)* Вилли, муравей, живой муравей! *(Хватает лупу, снова нагибается к земле, глядит сквозь лупу.)* Куда же он делся? *(Глядит.)* Вот он! *(Следит за продвижением муравья сквозь лупу.)* Тащит какой-то беленький катышек! *(Следит за продвижением муравья. Руки не двигаются. Пауза.)* Ползет по траве. *(Неотрывно разглядывает землю в лупу, неспешно выпрямляется, откладывает лупу, снимает очки, смотрит прямо перед собой, очки в руке. Подводя итоги.)* Уполз. *(Долгая пауза. Тянется положить очки.)*

Вилли. По мураве.

Винни *(рука с очками застывает).* Чт-о? *(Пауза.)* Вилли. По мураве. *(Пауза. Она тянется положить очки.)* По траве-мураве ползет муравей.

Винни *(рука с очками повисает в воздухе).* Чт-о?

Вилли. По траве-мураве ползет муравей.

Пауза. Она откладывает очки, смотрит перед

собой. Убежденно.

Винни *(шепотом).* Господи. *(Пауза. Вилли тихонько смеется. Чуть погодя она присоединяется к нему. Они тихо смеются вместе. Вилли обрывает смех. Она с минуту смеется в одиночку. Вилли присоединяется к ней. Они смеются вместе. Она обрывает смех. Вилли еще с минуту смеется в одиночку. Он обрывает смех. Пауза. Обычным голосом.)* И все равно, Вилли, не могу передать, до чего мне приятно снова услышать твой смех, я-то думала, мне не доведется больше смеяться, да и тебе тоже. *(Пауза.)* Наверно, кое-кто сочтет наш смех кощунственным, но мне такие обвинения не по душе. *(Пауза.)* Нет лучше способа возвеличить Господа, чем от души посмеяться над его мелкими шутками, в особенности над плоскими. *(Пауза.) Я* думаю, Вилли, тут ты со мной согласишься. *(Пауза.)* А вдруг мы смеялись не над одним и тем же? *(Пауза.)* И все равно не беда, что тут еще скажешь, пока... да ты же помнишь... дивные строчки, как это там?., сколько б бед ни нашло та-та-там-там растеряюсь, смеюсь через миг. *(Пауза.)* А дальше что? *(Долгая пауза.)* Вилли, я могла когда-то нравиться? *(Пауза.)* Могла я когда-либо нравиться? *(Пауза.)* Пойми меня правильно, я не спрашиваю, нравилась ли

я тебе, тут нам все ясно, я спрашиваю тебя, могла ли я вообще нравиться — когда-то? *(Пауза.)* Нет. *(Пауза.)* Не можешь ответить? *(Пауза.)* Признаю, вопрос не из легких. Ты и так сегодня сделал все, что в твоих силах, полежи отдохни, я тебя не буду беспокоить, разве что станет очень уж невтерпеж, просто знать, что ты рядом и в идее почти всегда готов... это... эээ... уже райское блаженство. *(Пауза.)* День клонится к вечеру. *(Пауза.)* По старым меркам. *(Улыбки как не бывало.)* И все-таки петь песенку еще рановато. *(Пауза.)* Никогда не надо петь песенку слишком рано, я так считаю. *(Поворачивается к сумке.)* На худой конец у меня есть сумка. *(Смотрит на сумку.)* Вот она. *(Лицом к залу.)* Интересно, могла бы я перечислить все, что в ней есть? *(Пауза.)* Нет. *(Пауза.)* Скажем, могла бы я, случись тут добрая душа и спроси она меня: Винни, что это у тебя в большой черной сумке? — дать исчерпывающий ответ? *(Пауза.)* Нет. *(Пауза.)* А уж насчет того, что на дне, и подавно, кто знает, какие там сокровища. *(Пауза.)* И какое это подспорье! *(Поворачивается, смотрит на сумку.)* Да, да, у меня ведь есть сумка. *(Лицом к залу.)* Но что-то подсказывает мне: не полагайся слишком на сумку, Винни, само собой, пользуйся ею, пусть она помогает тебе... продержаться, когда ты захо-

дишь в тупик, бога ради, но смотри дальше своего носа, Винни, и помни, что наступит время, когда слов и тех не найдешь — *(закрывает глаза, пауза, открывает глаза),* — и не полагайся слишком на сумку. *(Пауза. Поворачивается, смотрит на сумку.)* Разве что сунуться разок на скорую руку. *(Она поворачивается лицом к залу, закрывает глаза, тянется левой рукой к сумке, достает оттуда револьвер. Брезгливо.)* Тебя только не хватало. *(Открывает глаза, держит револьвер перед собой, разглядывает его. Взвешивает на ладони.)* Такой тяжелый — ему, казалось бы, самое место на дне... вместе с последними патронами. Так нет же. Как бы не так. Вечно на виду, точь-в-точь как браунинг. *(Пауза.)* Наш Браунчик... *(Полуобора ивается к Вилли.)* Помнишь его, Вилли? *(Пауза.)* Помнишь, как ты не давал мне житья, требовал, чтобы я убрала его подальше? Убери его, Винни, убери подальше, нет больше сил терпеть мои муки! *(Лицом к залу. Презрительно.)* Твои муки! *(Револьверу.)* Пожалуй, даже утешительно сознавать, что ты здесь, но ты мне намозолил глаза — баста! *(Пауза.)* Выселю-ка я тебя наружу — вот как я с тобой поступлю! *(Кладет револьвер на землю направо от себя.)* Будешь жить здесь с сегодняшнего дня! *(Улыбка.)* По старым меркам!

(Улыбки как не бывало.) А дальше что? *(Долгая пауза.)* Как ты думаешь, Вилли, земное притяжение еще действует? По-моему, нет. *(Пауза.)* У меня такое ощущение, и с каждым днем оно все сильней, что, не будь я прикована — *(жест)* — вот так вот, я бы просто-напросто унеслась в поднебесье. *(Пауза.)* И что в один прекрасный день земля расступится и отпустит меня — до того меня тянет ввысь, да, да, разойдется и отпустит меня. *(Пауза.)* А у тебя, Вилли, никогда не бывает такого ощущения, что тебя уносит? *(Пауза.)* Вилли, тебя никогда не тянет за что-то уцепиться? *(Пауза. Полуоборачивается к нему.)* Вилли. *(Пауза.)*

Вилли. Уносит?

Винни. Ну да, маленький, уносит в поднебесье, как паутину по осени. *(Пауза.)* Нет? *(Пауза.)* Не бывает? *(Пауза.)* Ну да ладно, это законы природы, законы природы, ничего тут не попишешь, и тут тоже все зависит от того, кто ты есть. Со своей стороны, могу только сказать, что для меня они были совсем другие, когда я была молоденькая... глупенькая... *(опускает голову, пресекающимся голосом)* красивая... и наверное... милая... во всяком случае... с виду. *(Пауза. Вскидывает голову.)* Прости, Вилли, но нет-нет да и поддашься горю. *(Обычным голосом.)* Ну да ладно, и все равно

приятно знать, что ты как всегда здесь и вдруг еще и не спишь и ничего не пропускаешь мимо ушей, все слышишь, ну пусть не все — какой счастливый день... мог бы быть для меня! *(Пауза.)* До поры до времени. *(Пауза.)* Хорошо еще, что ничего не растет, а то представь себе — вдруг вся эта гадость возьми да и тронься в рост. *(Пауза.)* Только представь! Ничего не скажешь, велики ко мне милости. *(Долгая пауза.)* Вот и все, что я могу сказать. *(Пауза.)* Пока что, во всяком случае. *(Пауза. Поворачивается, смотрит на сумку. Лицом к залу. Улыбка.)* Нет-нет. *(Улыбки как не бывало. Смотрит на зонтик.)* Пожалуй, я могла бы — *(берет зонтик)* — да, пожалуй, могла бы... сейчас раскрыть и поднять его. *(Принимается раскрывать зонтик. Речь ее прерывается, пока она преодолевает технические трудности.)* Все оттягиваешь-оттягиваешь потягиваться... чтоб не подняться слишком рано, — а день проходит, так и проходит — а ты так и не поднялась — не поднялась вообще. *(Зонтик уже открыт. Повернувшись направо, она бесцельно крутит его так и сяк.)* Ну да, и сказать почти нечего, и делать почти нечего, и бывают дни, когда так боишься, что... и вовсе не находишь, чем заполнить время, — звонок все не звонит, а тебе вовсе нечего сказать, и делать тоже

вовсе нечего, а дни идут — бывают такие дни, они идут себе идут, и вот звонит звонок — пора отходить ко сну, а ты почти, а то и вовсе ничего не сказала, и почти, а то и вовсе ничего не сделала. *(Поднимает зонтик.)* Тут кроется серьезная опасность. *(Поворачивается к залу.)* И ее надо остерегаться. *(Смотрит в зал, держит над собой зонтик правой рукой. Предельно долгая пауза.)* Бывало, я легко потела. *(Пауза.)* Теперь почти никогда не потею... *(Пауза.)* Печет все сильнее. *(Пауза.)* А потею я все слабее. *(Пауза.)* Ведь это просто чудо. *(Пауза.)* Как человек приспосабливается. *(Пауза.)* Ко всяким переменам. *(Перекладывает зонтик в левую руку. Долгая пауза.)* Утомительно держать руку вверх. *(Пауза.)* Не тогда, когда движешься. *(Пауза.)* А в неподвижности. *(Пауза.)* Интересное наблюдение. *(Пауза.)* Мне будет очень огорчительно, Вилли, если ты пропустил его мимо ушей. *(Берет зонтик обеими руками. Долгая пауза.)* Утомилась его держать, а опустить не могу. *(Пауза.)* Под зонтиком мне ничуть не лучше, даже хуже, и все равно опустить его я не могу. *(Пауза.)* Рассудок подсказывает: опусти зонтик, Винни, зачем ты его держишь, опусти его сейчас же, займись чем-нибудь другим. *(Пауза.)* И нет сил. *(Пауза.)* Невмочь. *(Пауза.)* Что-то должно

сдвинуться, перемениться в этом мире, а мне уже невмочь, у меня нет сил. *(Пауза.)* Вилли. *(Кротко.)* Помоги. *(Пауза.)* Нет? *(Пауза.)* Вели мне положить зонтик на место, Вилли, и я послушаюсь, я ведь всегда почитала и слушала тебя. *(Пауза.)* Ну пожалуйста, Вилли. *(Кротко.)* Сжалься. *(Пауза.)* Нет? *(Пауза.)* Не можешь? *(Пауза.)* Ну что ж, я тебя не виню, нет, я и сама пошевелиться не могу, так мне ли винить моего Вилли, если он не может выговорить ни слова. *(Пауза.)* А ко мне — какое везенье — вернулся дар речи. *(Пауза.)* Ведь это просто чудо что такое, эти мои два светильника: когда один гаснет, другой горит еще ярче. *(Пауза.)* Да, велики милости ко мне. *(Предельно долгая пауза. Зонтик вспыхивает. Она принюхивается, поднимает глаза, швыряет зонтик за взгорок направо, перегибается назад, смотрит, как он горит. Пауза.)* Да, земля, она спокон века тушит огонь. *(Лицом к залу.)* Наверняка нечто подобное случалось и раньше, только я что-то не припомню. *(Пауза.)* А ты, Вилли? *(Полуоборачивается к нему.)* Ты не припоминаешь — раньше такое случалось? *(Пауза. Перегибается назад, глядит на него.)* Вилли, ты знаешь, что случилось? *(Пауза.)* Да ты не слушаешь меня — опять отключился? *(Пауза.)* Я не спрашиваю, реагируешь ли ты на все

вокруг, спрашиваю только — не отключился ли ты вообще? *(Пауза.)* Глаза у тебя вроде бы закрыты, но мы же знаем, это ничего не значит. *(Пауза.)* Подними палец, миленький, ну пожалуйста, дай мне знак, если ты не совсем бессердечный. *(Пауза.)* Сделай это ради меня, Вилли, ну пожалуйста, хотя бы мизинчик, если ты не потерял сознание. *(Пауза. Радостно.)* Ой, поднял все пять, ты у меня сегодня просто прелесть какой милый, сразу от души отлегло, теперь я могу продолжать! *(Лицом к залу.)* Ведь ничего не случилось такого, чего не случалось бы прежде, и все же у меня неспокойно на душе, да, да, признаюсь, у меня неспокойно на душе. *(Пауза.)* Ну и что же, что солнце печет все сильнее, что ни час, все сильнее — все равно непорядок, чтобы вещи загорались, сроду такого не было, то есть чтобы вот так вот, ни с того ни с сего. *(Пауза.)* А что, если солнце и меня растопит или, того хуже, спалит, нет, я вовсе не хочу сказать, что обязательно займусь огнем, просто мало-помалу обуглюсь как головешка, повсюду — *(широко разводит руки)* — куда достает солнце. *(Пауза.)* С другой стороны, разве была в моей жизни пора, когда солнце меня щадило, не палило так? *(Пауза.)* Щадило, палило — все это слова, ничего не говорящие слова. *(Пауза.)* А на

самом деле я говорю о той поре, когда я еще не была прикована вот так вот, и у меня были ноги, и они еще не отказали, и я могла спрятаться в тенек не хуже тебя, когда солнце мне опостылеет, а если мне опостылеет в тени, перебраться не хуже тебя на солнце, но все это пустые, ничего не говорящие слова. *(Пауза.)* Сегодня не жарче, чем вчера, а завтра будет не жарче, чем сегодня, гадай не гадай, приглядывайся не приглядывайся, хоть оглядывайся сколько хочешь на прошлое, хоть заглядывай сколько хочешь в будущее. *(Пауза.)* И поднимись завтра земля выше моей груди, значит, я не только не увижу, но и не видела своей груди, и никто ее не видел. *(Пауза.)* Надеюсь, Вилли, до тебя хоть что-то дошло, мне будет жаль, если до тебя ничего не дойдет, мне, знаешь ли, не каждый день случается дойти своим умом до таких откровений. *(Пауза.)* Да, кажется, что-то случилось, казалось, что-то случится, — ан нет, ничего не случилось, решительно ничего, ты прав, Вилли. *(Пауза.)* Зонтик завтра же окажется здесь на взгорке и поможет мне продержаться день. *(Пауза. Берет зеркало.) Я* беру зеркало, разбиваю его вдребезги о камень — *(так и делает)* — выбрасываю — *(зашвыривает зеркало за спину)* — а назавтра оно снова в сумке, целехонькое, и

снова помогает мне продержаться день. *(Пауза.)* Нет, тут ничего не поделаешь. *(Пауза.)* Ведь это просто чудо что такое, просто... *(пресекающимся голосом, голова опущена)* ... чудо... а не вещи. *(Долгая пауза, голова опущена. Наконец, так и не подняв головы, поворачивается к сумке, вынимает какую-то дребедень, запихивает ее обратно, засовывает руку поглубже, чуть погодя извлекает музыкальную шкатулку, заводит, запускает, держа ее обеими руками, нависает над ней, чуть спустя поворачивается к залу, выпрямляется и слушает музыку, уже прижимая шкатулку обеими руками к груди. Шкатулка наигрывает дуэт из «Веселой вдовы» «И люби и люби меня крепче». Лицо ее постепенно расплывается от счастья. Она раскачивается в такт. Музыка обрывается. Вилли хрипло, без слов, выводит несколько тактов того же мотива, что наигрывала музыкальная шкатулка. Она вне себя от счастья. Откладывает шкатулку.)* Какой сегодня мог бы быть счастливый день! *(Хлопает в ладоши.)* Еще, Вилли, еще! *(Хлопает.)* Еще разок, Вилли, ну пожалуйста! *(Пауза. Счастливой улыбки как не бывало.)* Нет? Ты не споешь еще, ради меня? *(Пауза.)* Понимаю тебя, как нельзя лучше понимаю. Ведь не станешь же петь в угоду кому-то,

пусть даже ты и любишь его от всей души, нет, песня должна рваться из души, да, да, иначе и не скажешь, из самых сокровенных глубин — все равно как у дрозда. *(Пауза.)* Сколько раз говорила себе, когда мне становилось невмоготу: спой, Винни, спой свою песенку, ничего другого тебе не остается, а вот не пела же. *(Пауза.)* Не могла. *(Пауза.)* Дрозд или там певец зари заливается от души и не рассчитывает порадовать ни себя, ни родственную душу, а у меня душа к этому не лежит. *(Пауза.)* А дальше что? *(Долгая пауза. Шепотом.)* Странное чувство. *(Пауза. Точно так же.)*

Странное чувство — словно на меня кто-то смотрит. И сначала он видит меня четко, потом не совсем, потом совсем не видит, и снова видит не совсем четко, и опять совсем четко, и так далее и тому подобное, то видит, то не видит. *(Пауза. Точно так же.)* Странное? *(Пауза. Точно так же.)* Но здесь все странно. *(Пауза. Обычным голосом.)* Что-то мне подсказывает: перестань болтать, Винни, прервись хоть на минуту, не то растранжиришь все слова, отпущенные тебе на день, перестань болтать и для разнообразия займись чем-нибудь! *(Она подносит руки к лицу, рассматривает ладони. Риторически.)* Займитесь же чем-нибудь! *(Загибает пальцы.)* Ну и ногти! *(Поворачивается*

к сумке, роется в ней, чуть погодя извлекает пилочку для ногтей, поворачивается лицом к залу, принимается подпиливать ногти. Какое-то время подпиливает молча, дальнейшую речь сопровождает увлеченное подпиливание ногтей.) Из глубин памяти — всплывает — некий мистер Душ — мистер, а может быть, и миссис Душ — впрочем, нет — они идут рука об руку — значит, это его невеста — а то и просто подружка. *(Разглядывает ногти.)* Какие-то они сегодня ломкие. *(Снова принимается подпиливать.)* Душ — Душ — это имя о чем-то напоминает тебе — тебе, Вилли, — вызывает в памяти что-то конкретное — у тебя, Вилли, — не отвечай, если тебе не по силам, — ты и так сегодня сделал все, что в твоих силах, — Душ — Душ. *(Разглядывает ногти.)* Так-то оно лучше. *(Поднимает голову, глядит в зал.)* Держись в форме, Винни, будь что будет, а ты держись в форме. *(Пауза. Снова принимается подпиливать ногти.)* Да, Душ — Душ — *(перестает подпиливать, поднимает голову, смотрит в зал, пауза)* — а может быть, и Куш, похоже, что Куш. *(Полуоборачивается к Вилли.)* Куш, пошевели извилиной, Вилли, зашевелилось у тебя что-нибудь в памяти при имени Куш? *(Пауза. Еще больше поворачивается. Громче.)* Куш, Вилли, напряги память, Вилли,

тебе что-нибудь приводит на память имя Куш? *(Пауза. Она перегибается назад поглядеть на него. Пауза.)* Это уже ни на что не похоже! *(Пауза.)* Где твой носовой платок, миленький? *(Пауза.)* И где твои манеры? *(Пауза.)* Вилли, не смей есть эту пакость! Плюнь, сейчас же плюнь! *(Пауза. Лицом к залу.)* Ну что ж, наверное, это только естественно. *(Пресекающимся голосом.)* По-человечески понятно. *(Пауза. Так же.)* Что же остается делать? *(Опускает голову. Так же.)* Весь день напролет. *(Пауза. Так же.)* День за днем. *(Пауза. Вскидывает голову. Улыбка. Спокойно.)* По старым меркам. *(Улыбки как не бывало. Снова принимается за ногти.)* Нет, с этим я уже покончила. *(Принимается за следующий.)* И что бы мне надеть очки. *(Пауза.)* Ну да ладно, теперь уж поздно. *(Покончив с левой рукой, разглядывает ее.)* Так-то оно поприличнее. *(Принимается за правую руку. Речь ее, как и прежде, сопровождается подпиливанием ногтей.)* Так вот я говорю, этот, как бишь его, Душ или Куш — неважно — и эта женщина — рука об руку — в свободной руке у каждого по сумке — такому поместительному коричневому саквояжу — остановились и уставились на меня — и тут этот не то Душ — не то Куш — во всяком случае, уж точно кончается на «уш» — и говорит:

Что она там делает? Зачем это нужно — говорит — по самые титьки запихнуть ее в землю? — мужлан неотесанный — Какой в этом смысл? — говорит — В смысле какой тут смысл? — и так далее — и тому подобное — обычная белиберда — Ты меня слышишь? — говорит он — Слава богу, слышу — говорит она — Это в каком смысле «Слава богу»? — говорит он. *(Перестает подпиливать ногти, поднимает голову, глядит в зал.)* А ты — говорит она — зачем ты нужен в смысле — говорит — какой в тебе смысл? Думаешь, если ты еще передвигаешь своими кривулями и при «дипломате», набитом паршивыми консервами и сменными подштанниками, и волочешь меня за собой взад-вперед по этой вонючей пустыне, мужлан ты сиволапый, нечего сказать, хорош у меня друг сердечный — *(с неожиданной яростью)* — да отпусти ты мою руку, Христа ради, и пропади с моих глаз! *(Пауза. Снова принимается подпиливать ногти.)* Что бы ему ее не выкопать? — это он о тебе, миленький — На кой она ему такая? — На кой он ей такой? — ну и прочая тому подобная — ерунда. Хватит — это она ему — у тебя нет сердца. Надо бы ее выкопать — говорит он — а то на кой она? «Чем выкопать?» —говорит она. Я бы ее выкопал голыми руками, это он ей —

как-никак они муж и жена. *(Молча подпиливает ногти.)* С тем и отправились себе дальше — рука об руку — при них сумки — и вот уже их почти не видно — а там и вовсе не видно — и больше сюда — никого не заносило. *(Заканчивает правую руку, разглядывает ее, откладывает пилочку, смотрит перед собой.)* Ну не странно ли, в такое время и что приходит на ум? *(Пауза.)* Странно? *(Пауза.)* Но здесь все странно. *(Пауза.)* Как бы там ни было, благодарю и за это. *(Пресекающимся голосом.)* От души благодарю. *(Опускает голову. Пауза. Вскидывает голову. Спокойно.)* Склони и подними, склони и подними голову — и так во веки веков. *(Пауза.)* А дальше что? *(Долгая пауза. Начинает складывать вещи обратно в сумку, последней кладет зубную щетку. Эта операция, прерываемая обозначенными в тексте паузами, сопровождается ее речью.)* Пожалуй, сейчас еще рановато укладываться — далеко еще до ночи — *(перестает прибираться, вскидывает голову, улыбка)* — по старым меркам! — *(улыбки как не бывало, снова принимается прибираться)* — но я все равно начну — укладываться на ночь — потому что ночь вот-вот наступит — зазвонит — звонок — и я скажу себе, Винни — уже недолго осталось ждать, Винни — вот-вот — зазвонит

звонок. *(Перестает прибираться, поднимает голову.)* Бывает так, что я и ошибаюсь. *(У лыбка.)* Но не часто. *(Улыбки как не бывало.)* Бывает, уже виден конец — все дела — на этот день — переделаны, все слова пересказаны — пора бы ночи наступить, а дню не видно конца, конца-краю не видно, и ночная пора не наступает, нет. *(Улыбка.)* Так бывает, но не часто. *(Улыбки как не бывало.)* Да, порой кажется, что звонок — вот-вот зазвонит, наступит ночь, и пора начинать укладываться — *(жест)* — и тут бывает так, что я ошибаюсь — *(улыбка)* — но не часто. *(Улыбки как не бывало. Снова начинает прибираться.)* Бывало, я думала — так вот, говорю, я, бывало, думала — что все эти вещи — если их сложить в сумку — слишком рано — сложить слишком рано — можно вынуть обратно — если возникнет необходимость — если они понадобятся — и так далее — и так без конца — сложить в сумку — вынуть из сумки — покуда звонок — не зазвонит. *(Перестает прибираться, вскидывает голову, улыбка.)* Но нет. *(Расплывается в улыбке.)* Не тут-то было. *(Улыбки как не бывало. Снова принимается прибираться.)* Это, пожалуй, может показаться странным — ну то, как бы это сказать — то, что я сказала, — вот-вот — *(берет револьвер)* — странным — *(поворачи-*

вается положить револьвер в сумку) — не будь — *(тянется положить револьвер в сумку, рука с револьвером застывает, она поворачивается лицом к залу)* — не будь — *(кладет револьвер направо, перестает прибираться, вскидывает голову)* — здесь все так странно. *(Пауза.)* Куда как странно. *(Пауза.)* Никогда никаких перемен. *(Пауза.)* И что ни день, все странней. *(Пауза. Нагибается к взгорку, берет последнюю вещь, а именно щетку, поворачивается положить ее в сумку, но ее отвлекает возня Вилли. Она поворачивается назад и направо, смотрит на него. Пауза.)* Наскучил своей ямой, миленький? *(Пауза.)* Что ж, понимаю тебя, как нельзя лучше понимаю. *(Пауза.)* Не забудь канотье. *(Пауза.)* Да, бывало, ты ползал — любо-дорого посмотреть, бедненький. *(Пауза.)* Да, так ли ты ползал, когда я в тебя влюбилась по уши. *(Пауза.)* На колени, миленький, встань на колени и перебирай руками — вот так вот. *(Пауза.)* На колени! На колени! *(Пауза.)* Экое неудобство — подвижность. *(Следит глазами, как он выползает из-за взгорка к ней, вернее, к месту, где он находился в начале действия.)* Еще полметра, Вилли, и ты уже дома! *(Пауза: она следит, как он проползает последние полметра.)* Хорош! *(С трудом поворачивается*

лицом к залу, трет шею.) Так залюбовалась тобой, что шею свернула. *(Трет шею.)* Но ничуть об этом не жалею, ничуть! *(Полуоборачивается к нему.)* Знаешь, о чем я порой мечтаю? *(Пауза.)* О чем я мечтаю порой, знаешь, Вилли? *(Пауза.)* О том, чтобы ты перебрался на эту сторону и я могла бы тебя видеть. *(Пауза. Лицом к залу.)* Я бы тогда совершенно переменилась. *(Пауза.)* Ты бы меня просто не узнал. *(Полуоборачивается к нему.)* Или перебирался на эту сторону от случая к случаю и хотя бы от случая к случаю радовал мои глаза. *(Лицом к залу.)* Но ты не можешь — я понимаю. *(Опускает голову.)* Понимаю. *(Пауза. Поднимает голову.)* Ну да ладно, во всяком случае — *(смотрит на щетку, которую держит в руке)* — уже вот-вот — *(смотрит на щетку)* — зазвонит звонок. *(Над склоном воздвигается затылок Вилли. Винни разглядывает щетку.)* Натуральная... *(поднимает голову)* ... как там дальше? *(Высовывается рука Вилли с платком, накрывает им голову, исчезает.)* Настоящая без подделки... натуральная... *(Высовывается рука Вилли с канотье, залихватски надвигает его набекрень, исчезает.)* ... настоящая без подделки... свиная щетина, ах да, щетина свиньи. *(Пауза.)* Свинья, что же это такое, Вилли, ты помнишь? Я нет. *(Пауза. Поворачива-*

ется чуть сильнее, умоляюще.) Вилли, ну ответь, пожалуйста, что такое свинья? *(Пауза.)*

Вилли. Самка парнокопытного млекопитающего. *(На лице Винни счастливое выражение.)* Разводится для получения сала, мяса, щетины.

Винни расплывается от счастья. Вилли раскрывает газету, его рук не видно. Его голову обрамляют верхушки пожелтевших газетных страниц. Винни со счастливой улыбкой смотрит перед собой.

Винни. Какой счастливый день! Какой опять мог бы быть счастливый день! *(Пауза.)* В конечном счете. *(Пауза.)* До поры до времени.

Пауза. Счастливой улыбки как не бывало. Вилли перелистывает газету. Пауза. Снова перелистывает газету.

Пауза.

Вилли. Покупаем липу.

Пауза. Винни снимает шляпку, поворачивается положить ее в сумку, застывает с шляпкой в руке, поворачивается к залу. *(Улыбка.)*

Винни. Нет. *(Расплывается в улыбке.)* Вот уж нет. *(Улыбки как не бывало. Снова надевает шляпку, смотрит перед собой, пауза.)* А что дальше? *(Пауза.)* Пой. *(Пауза.)* Пой свою песенку, Винни. *(Пауза.)* Нет? *(Пауза.)* Тогда молись. *(Пауза.)* Твори

свою молитву, Винни.

Пауза. Вилли переворачивает страницу. Пауза.

Вилли. Предлагаем разнообразные панамы.

Пауза. Винни смотрит перед собой. Вилли переворачивает страницу.

Пауза. Газета исчезает. Долгая пауза.

Винни. Твори свою старую молитву, Винни.

Долгая пауза.

Действие второе

Те же декорации.

Винни по шею в земле, на голове шляпка, глаза закрыты. Ее голова — она не может больше ни повернуть, ни опустить, ни поднять ее — неподвижна, обращена лицом к залу на протяжении всего действия. Двигаются — согласно указаниям — только ее глаза.

Сумка и зонтик на тех же местах, что и в начале первого действия. Револьвер на самом виду, справа от нее на взгорке.

Долгая пауза.

Громко звонит звонок. Она тут же открывает глаза. Звонок умолкает. Она смотрит перед собой. Долгая пауза.

Винни. Благословен твой чистый свет! *(Долгая пауза. Она закрывает глаза. Громко звонит*

звонок. Она тут же открывает глаза. Звонок умолкает. Она смотрит перед собой. Долгая улыбка. Улыбки как не бывало. Долгая пауза.) Кто-то по-прежнему смотрит на меня. *(Пауза.)* По-прежнему помнит обо мне. *(Пауза.)* Ведь это чудо что такое. *(Пауза.)* Когда ж взор твой кто-то там ловит. *(Пауза.)* Незабываемая строчка, как же это там? *(Пауза. Взгляд направо.)* Вилли. *(Пауза. Громче.)* Вилли. *(Пауза. Взгляд вперед.)* Можно ли еще говорить о времени. *(Пауза.)* Скажем, сказать: Вилли, я тебя уйму времени не видела. *(Пауза.)* И не слышала. *(Пауза.)* Можно ли? *(Пауза.)* Да вот говорю же! *(Улыбка.)* По старым меркам. *(Улыбки как не бывало.)* Так мало о чем можно поговорить. *(Пауза.)* Что говоришь обо всем. *(Пауза.)* Обо всем, о чем можно. *(Пауза.)* Я, бывало, думала... *(пауза)* я говорю, я, бывало, думала, что смогу говорить одна. *(Пауза.)* В смысле сама с собой, как в пустыне. *(Улыбка.)* Но нет. *(Расплывается в улыбке.)* Не тут-то было. *(Улыбки как не бывало.)* А значит, ты здесь. *(Пауза.)* То есть, конечно же, ты мертв, как и все, конечно же, ты умер или ушел и бросил меня, как и все, но это не беда, раз ты здесь. *(Пауза. Взгляд налево.)* И сумка здесь — все та же — я ее вижу... *(Пауза. Взгляд направо. Громче.)* Сумка здесь, Вилли, новехонькая, ты еще подарил мне

ее в тот день... чтобы ходить на рынок. *(Пауза. Взгляд вперед.)* В тот день. *(Пауза.)* В какой день? *(Пауза.)* Бывало, я молилась.

Рут Уайт в роли Винни в спектакле «Счастливые дни» (постановка 1961 г.).

(Пауза.) Я говорю, бывало, я молилась. *(Пауза.)* Да, признаюсь, бывало, *я* молилась. *(Улыбка.)* Теперь нет. *(Расплывается в улыбке.)* Вот уж нет. *(Улыбки как не бывало. Пауза.)* Тогда... теперь... голова кругом идет. *(Пауза.)* Быть всегда такой, какая есть, и стать совсем другой, чем была. *(Пауза.)* То я одна, так вот говорю, то я одна, то другая. *(Пауза.)* Так мало что можно сказать, что говоришь все, что можешь. *(Пауза.)* Все, что можно. *(Пауза.)* И притом ни слова правды. *(Пауза.)* Мои руки.

(Пауза.) Моя грудь. *(Пауза.)* Какие руки? *(Пауза.)* Какая грудь? *(Пауза.)* Вилли. *(Пауза.)* Какой Вилли? *(Яростно, запальчиво.)* Мой Вилли! *(Взгляд направо, окликает.)* Вилли! *(Пауза. Громче.)* Вилли! *(Пауза. Взгляд вперед.)* Ну да ладно, не знать, не знать до конца — великая милость, другой я и не прошу. *(Пауза.)* Ну да... тогда... теперь... в полдень под буком... этот... Чарли... целовались... этот... от всего этого у кого хочешь — хочешь не хочешь — закружится голова. *(Пауза.)* Но не у меня. *(Улыбка.)* И не теперь. *(Расплывается в улыбке.)* Не тут-то было. *(Улыбки как не бывало. Долгая пауза. Закрывает глаза. Громко звонит звонок. Открывает глаза. Пауза.)* Перед моими глазами встают глаза... они умиротворенно... закрываются... чтобы, отгородись от мира, умиротворенно глядеть на мир. *(Пауза.)* Но не мои глаза. *(Улыбка.)* И не теперь. *(Расплывается в улыбке.)* Вот уж нет. *(Улыбки как не бывало. Долгая пауза.)* Вилли. *(Пауза.)* Как по-твоему, Вилли, на земле исчезла атмосфера? *(Пауза.)* По-твоему как, Вилли? *(Пауза.)* У тебя нет своего мнения? *(Пауза.)* Верен себе — у тебя никогда не было своего мнения. *(Пауза.)* Это понятно. *(Пауза.)* Как нельзя более понятно. *(Пауза.)* Земной шар. *(Пауза.)* Я часто ломаю себе над этим голову. *(Пауза.)*

Хочется думать, что не вся, не до конца. *(Пауза.)* В конце концов, не бывает так, чтобы все исчезло вконец. *(Пауза.)* И с концами. *(Пауза.)* Хоть что-то, а останется — на самый худой конец. *(Пауза.)* Если б рассудок меня оставил. *(Пауза.)* Но нет, не оставит. *(Пауза.)* Не до конца. *(Пауза.)* И не меня. *(Улыбка.)* И не теперь. *(Расплывается в улыбке.)* Вот уж нет. *(Улыбки как не бывало. Долгая пауза.)* Не исключено, что мог бы наступить вечный холод. *(Пауза.)* Непрестанный гибельный холод. *(Пауза.)* Просто везенье, я думаю, редкое везенье. *(Пауза.)* Ну да, велики, поистине велики милости ко мне. *(Пауза.)* А что же дальше? *(Долгая пауза.)* Лицо. *(Пауза.)* Нос. *(Скашивает глаза вниз.)* Вижу... *(со скошенными глазами)* ... вот кончик... ноздри... вдунул в лице его дыхание жизни[5]... вот и горбинка... ты ей так любовался... *(оттопыривает губы)* ... кажется, губы... *(опять оттопыривает губы)* ... если надуть губы... *(высовывает язык)* ... ну и язык, конечно... как ты его обожал... если высунуть... *(опять высовывает язык)* ... кончик... *(заводит глаза вверх)* ... вроде бы лоб... бровь... скорее игра воображения... *(взгляд налево)* ... щека... нет... *(взгляд направо)* ... нет... *(надувает щеки)* ...

---

[5] Примечания: 5
Библия, Книга Бытия, 2: 7.

даже если набрать воздуха... *(взгляд налево, снова надувает щеки)* ... да уж, с дамасской розой алой или белой их не сравнить. *(Взгляд вперед.)* Вот и все. *(Пауза.)* Ну и еще сумка... *(взгляд направо)* ... очертания расплываются... но это она. *(Взгляд вперед. Скороговоркой.)* Ну и земля, конечно, и небеса. *(Взгляд направо.)* Зонтик, твой подарок... в тот день... *(пауза)* ... тот день... озеро... камыши. *(Взгляд вперед. Пауза.)* В какой день? *(Пауза.)* Какие камыши? *(Долгая пауза. Закрывает глаза. Громко звонит звонок. Открывает глаза. Пауза. Взгляд направо.)* Ну и, конечно, Браунчик. *(Пауза.)* Помнишь Браунчик, так вот, Вилли, я его вижу. *(Пауза.)* Вот он Браунчик, Вилли, совсем рядом. *(Пауза.)* Браунчик здесь, Вилли. *(Пауза. Взгляд вперед.)* Вот и все. *(Пауза.)* Что бы я делала без них? *(Пауза.)* Что бы я делала без них, когда не нахожу слов? *(Пауза.)* Смотрела перед собой, сомкнув губы? *(Так и делает — долгая пауза.)* Не могу. *(Пауза.)* Ну да, велики ко мне милости, поистине велики. *(Долгая пауза. Шепотом.)* Бывает, я слышу звонок. *(Прислушивается. Обычным голосом.)* Но не часто. *(Пауза.)* Какое благо эти звуки, как они мне помогают... продержаться день. *(С улыбкой.)* По старым меркам. *(Улыбки как не бывало.)* Да, какие это счастливые дни, когда доносятся

звуки. *(Пауза.)* Когда я слышу звуки. *(Пауза.)* Я, бывало, думала... *(пауза)* ... так вот, я думала, бывало, что все это игра воображения. *(Улыбка.)* Но нет. *(Расплывается в улыбке.)* Вот уж нет. *(Улыбки как не бывало.)* Просто логика. *(Пауза.)* Рассудок. *(Пауза.)* Рассудок меня не оставил. *(Пауза.)* Еще нет. *(Пауза.)* Еще не до конца. *(Пауза.)* В конце концов всегда что-то остается. *(Пауза.)* Звуки. *(Пауза.)* Похоже, что-то мало-помалу... разрушается, рассыпается, распадается. *(Пауза. Шепотом.)* Это вещи, Вилли. *(Пауза. Обычным голосом.)* Те, что в сумке, и те, что не в сумке. *(Пауза.)* Ну да, вещи живут своей жизнью, что тут еще скажешь, вещи, они живут. *(Пауза.)* Возьмем, к примеру, мое зеркальце — зачем я ему нужна. *(Пауза.)* Звонок. *(Пауза.)* Он вонзается как клинок. *(Пауза.)* Как долото. *(Пауза.)* Его и не хочешь, а услышишь. *(Пауза.)* Сколько раз я говорила... *(пауза)* ... так вот, говорю, сколько раз я говорила: пропускай мимо ушей, Винни, пропускай звонок мимо ушей, пусть себе надрывается, а ты ложись спать и просыпайся, ложись спать и просыпайся, когда тебе заблагорассудится, открывай и закрывай глаза, когда тебе заблагорассудится или как удобнее. *(Пауза.)* Открывай и закрывай глаза, Винни, открывай и закрывай — и так будет всегда. *(Пауза.)*

Но нет. *(Улыбка.)* Больше нет. *(Расплывается в улыбке.)* Вот уж нет. *(Улыбки как не бывало. Пауза.)* Что же будет дальше? *(Пауза.)* Что же дальше, Вилли? *(Долгая пауза.)* На худой конец, если не останется ничего другого, всегда остается мой рассказ. *(Пауза.)* Жизнь. *(Улыбка.)* Долгая жизнь. *(Улыбки как не бывало.)* Воспоминания Милдред берут начало в утробе, где брала начало жизнь, и перед смертью ее посетят воспоминания об утробе, материнской утробе. *(Пауза.)* Ей уже пятый годок, а то и все пять, и ей только что подарили большую восковую куклу. *(Пауза.)* И не какого-нибудь голыша, а нарядную-пренарядную. *(Пауза.)* Туфельки, носочки, рубашечка, штанишки — полный гарнитурчик, платьице в рюшечках, перчаточки. *(Пауза.)* Белые кружевные. *(Пауза.)* Белая соломенная шляпка на резинке. *(Пауза.)* Нитка жемчуга. *(Пауза.)* Всамделишная книжка с картинками, под ними подписи — честь по чести, чтобы носить под мышкой на прогулке. *(Пауза.)* Закрывающиеся небесно-голубые глаза. *(Пауза. Повествует.)* Едва показалось солнце, а Милли уже встала, сползла с крутой... *(пауза)* ... надела халатик, пятясь задом, сползла сама с крутой деревянной лестницы на четвереньках, что ей строго-настрого запрещалось, прошла в... *(пауза)*

... на цыпочках прокралась по умолкшему коридору, прошла в детскую и принялась раздевать Ляльку. *(Пауза.)* Залезла под стол и принялась раздевать Ляльку. *(Пауза.)* Покрикивала на нее... то и дело. *(Пауза.)* Вдруг, откуда ни возьмись, мышка. *(Долгая пауза.)* Не спеши, Винни. *(Долгая пауза. Окликает.)* Вилли! *(Пауза. Громче.)* Вилли! *(Пауза. С кротким укором.)* Твое поведение, Вилли, мне кажется несколько странным, откуда такая беспричинная жестокость — это просто на тебя не похоже. *(Пауза.)* Странным? *(Пауза.)* Нет. *(Улыбка.)* Не здесь. *(Расплывается в улыбке.)* Не теперь. *(Улыбки как не бывало.)* И все-таки... *(С внезапной тревогой.)* Я очень надеюсь, что ничего не пропустила. *(Взгляд направо, громче.)* Как ты там, миленький, у тебя все в порядке? *(Пауза. Взгляд вперед. Сама себе.)* А что, если он, не дай бог, сунул сначала голову? *(Взгляд направо, громко.)* Вилли, ты не застрял там? *(Пауза. Точно так же.)* Тебя там не зажало? *(Взгляд вперед, сокрушенно.)* А вдруг он зовет на помощь, а я его не слышу? *(Пауза.)* Крики я слышала. *(Пауза.)* Но это наверняка игра воображения. *(Пауза.)* А вдруг... *(Пауза.)* Нет, нет, воображение вечно играет со мной такие штуки, оттого мне и мерещатся крики. *(Пауза.)* А вдруг... *(Пауза.)* Еле слышные смутные

крики. *(Пауза.)* Принесутся. *(Пауза.)* Унесутся. *(Пауза.)* Точно порывы ветра. *(Пауза.)* Ну разве это не чудо? *(Пауза.)* И стихнут. *(Пауза.) Да,* велики, поистине велики ко мне милости. *(Пауза.)* А день перевалил на вторую половину. *(Улыбка. Улыбки как не бывало.).* И все-таки я считаю, что петь песенку слишком рано — большая ошибка. *(Пауза.)* С другой стороны, если ее отложить на потом, того и гляди опоздаешь. *(Пауза.)* Звонок зазвонит, а ты еще не пела. *(Пауза.)* День ушел — *(улыбка, улыбки как не бывало)* — ушел весь, ушел безвозвратно, а песня — какая-никакая — так и не спета. *(Пауза.)* Вот в чем загвоздка. *(Пауза.)* Нельзя петь... когда вздумается, нет, нет. *(Пауза.)* Песня рвется из груди бог весть отчего, в самое неподходящее время, а ты сдерживаешь свой порыв. *(Пауза.)* Говоришь себе: теперь, теперь или никогда, если не теперь, то никогда, но не тут-то было. *(Пауза.)* Нет, не тут-то было, не можешь петь. *(Пауза.)* Не можешь выжать из себя ни звука. *(Пауза.)* Кстати, и еще об одном хочу тебя спросить, раз уж у нас зашла об этом речь. *(Пауза.)* С тобой такое не случалось, Вилли? *(Пауза.)* Тебе случаем не случалось испытывать что-нибудь подобное в связи с каким-нибудь случаем из твоей жизни? *(Пауза.)* Нет? *(Пауза.)* Эта печаль в связи со случа-

ем, вернее, после связи — случайной и не только случайной — она ведь всем знакома. *(Пауза.)* В этом случае, Вилли, я думаю, ты не расходишься с Аристотелем. *(Пауза.)* Да, такая печаль каждому знакома, и мы знаем, как ее превозмочь. *(Пауза.)* Но чтобы после песни... *(Пауза.)* Она, конечно, проходит. *(Пауза.)* Ну разве это не чудо? *(Пауза.)* И больше не крушит. *(Пауза.)* Упоительные строки, как это там? *(Пауза.)* Ничто не та-та-та... ничто не страшит... не радует та-та... печаль не крушит. *(Пауза. Со вздохом.)* Забываешь классиков. *(Пауза.)* Но не до конца. *(Пауза.)* В конце концов что-то остается. *(Пауза.)* Ну разве это не чудо, что в конце концов в памяти остается что-то из классики — это удивительно помогает продержаться день! *(Пауза.)* Да, велики, поистине велики милости ко мне. *(Пауза.)* А дальше что? *(Пауза.)* Что дальше, Винни? *(Долгая пауза.)* Глазами памяти я воскрешаю... в памяти... мистера Душа — или, как бишь его, Куша. *(Закрывает глаза. Громко звонит звонок. Открывает глаза. Пауза.)* Рука об руку — при них сумки. *(Пауза.)* Прошли примерно половину пути... жизненного. *(Пауза.)* Уже не молодые, но еще и не старые. *(Пауза.)* Остановились, уставились на меня. *(Пауза.)* А грудь, видно, говорит он, была недурна, в свою пору. *(Пауза.)* Да и плечи,

говорит, я видывал и похуже, в свое время. *(Пауза.)* Интересно, говорит, чует она под собой ноги или не чует? *(Пауза.)* Интересно, говорит, а ноги у нее совсем отнялись или нет? *(Пауза.)* Интересно, говорит, а снизу она нагишом или как? *(Пауза.)* Спроси, говорит, ее, мне неловко. *(Пауза.)* Спросить ее, говорит она, о чем? *(Пауза.)* Чует она под собой ноги или не чует? *(Пауза.)* Нагишом она снизу или как. *(Пауза.)* Тебе интересно, говорит она, ты и спрашивай. *(Пауза. Неожиданно взрывается.)* Да отпусти ты мою руку, Христа ради, и пропади с моих глаз. *(Пауза. Так же.)* Пропадом! *(Улыбка.)* Но нет. *(Расплывается в улыбке.)* Вот уж нет. *(Улыбки как не бывало.)* Я смотрю, как они скрываются вдали. *(Пауза.)* Рука об руку — при них сумки. И вот уже их почти не видно. *(Пауза.)* А там и вовсе не видно. *(Пауза.)* И больше сюда — никого не заносило. *(Пауза.)* До сих пор. *(Пауза.)*

А дальше что? *(Пауза. Шепотом.)* Помоги. *(Пауза. Так же.)* Помоги, Вилли. *(Пауза. Так же.)* Нет? *(Долгая пауза. Повествует.)* Вдруг, откуда ни возьмись, мышка... *(Пауза.)* Вдруг, откуда ни возьмись, мышка, взбежала по Миллиной ножке, и Милли до того перепугалась, что уронила Ляльку, да как закричит — *(Винни внезапно испускает пронзительный крик)* — и уж она кричала-крича-

ла — *(Винни дважды испускает пронзительный крик)* — кричала-кричала, кричала-кричала, — и тут к ней со всех ног кинулись прямо в ночных рубашках и папа, и мама, и Бибби, и баба Анни посмотреть, что с ней... что с ней стряслось. *(Пауза.)* Но поздно. *(Пауза.)* Поздно. *(Долгая пауза. Еле слышно.)* Вилли. *(Пауза. Обычным голосом.)* Ну да ладно, вот уже, наверно, уже вот-вот зазвонит звонок — пора спать. *(Пауза.)* Можно будет закрыть глаза — вернее, нельзя их не закрыть — и не открывать. *(Пауза.)* Зачем повторять одно и то же? *(Пауза.) Я,* бывало, думала... *(пауза) ...* так вот, я и говорю, бывало, я думала, что одна доля секунды ничем не отличается от другой. *(Пауза.)* Зачем ты только взяла эту тему? *(Пауза.)* Так мало, что можно взять, что берешь все. *(Пауза.)* Все, что можешь. *(Пауза.)* Ужасно болит шея. *(Пауза. Внезапно взрывается.)* Ужасно болит шея. *(Пауза.)* Вот так-то оно лучше. *(Чуть раздраженно.)* Все *в меру. (Долгая пауза.)* Делать больше нечего. *(Пауза.)* Сказать нечего. *(Пауза.)* А нужно сказать что-то еще. *(Пауза.)* Вот в чем загвоздка. *(Пауза.)* Что-то должно сдвинуться, перемениться в этом мире, а мне уже невмочь, у меня нет сил. *(Пауза.)* Хотя бы дуновение. *(Пауза.)* Дыхание. *(Пауза.)* Неувядающие строки, как это там? *(Пауза.)* Тьма,

тьма кругом. И бесконечна мука. *(Пауза.)* Везенье, я думаю, редкое везенье. *(Пауза.)* О да, поистине несть числа милостям. *(Долгая пауза.)* А дальше что? *(Пауза.)* Что дальше, Вилли? *(Долгая пауза.)* Тот день. *(Пауза.)* Розовое шампанское. *(Пауза.)* Высокие бокалы. *(Пауза.)* Последний гость ушел. *(Пауза.)* Последний тост — пьем, почти касаясь друг друга. *(Пауза.)* Тот взгляд. *(Долгая пауза.)* Какой день? *(Долгая пауза.)* Какой взгляд? *(Долгая пауза.)* Я слышу крики. *(Пауза.)* Пой. *(Пауза.)* Пой свою старую песенку, Винни.

Долгая пауза. Винни — вся внимание. Взгляд направо. Из-за взгорка справа от Винни появляется голова Вилли.

Он на четвереньках, разодет в пух и прах — цилиндр, визитка, брюки и так далее, в руке белые перчатки. Длинные усы, очень пышные. Останавливается, смотрит в зал, разглаживает усы. Огибает взгорок, сворачивает налево, останавливается, поднимает глаза на Винни. На четвереньках ползет к центру сцены, останавливается, поворачивает голову к залу, смотрит в зал, подкручивает усы, подтягивает галстук, поправляет цилиндр, проползает чуть дальше, останавливается, снимает цилиндр, вскидывает глаза на Винни. Он уже недалеко от центра и,

следовательно, в поле ее зрения. Не в силах долго глядеть вверх, роняет голову на землю.

Винни *(светским тоном).* Какой приятный сюрприз! *(Пауза.)* В моей памяти он сразу вызвал тот день, когда ты со слезами на глазах умолял меня выйти за тебя замуж. *(Пауза.)* Я тебя обожаю, Винни, будь моей. *(Он поднимает на нее глаза.)* Что за жизнь без Винни? *(Неожиданно фыркает.)* Ну ты и вырядился — вид тот еще! *(Фыркает.)* А цветы где? *(Пауза.)* Улыбка точь-в-точь такая же. *(Вилли роняет голову.)* Что это у тебя на шее — карбункул? *(Пауза.)* Следи за ним, Вилли, не то быть беде. *(Пауза.)* Где ты пропадал? *(Пауза.)* Что делал? *(Пауза.)* Переодевался? *(Пауза.)* Ты что, не слышал, как я кричала-надрывалась, звала тебя? Ты что, застрял в своей яме? *(Пауза. Он поднимает на нее глаза.)* Вот-вот, Вилли, смотри на меня. *(Пауза.)* Порадуй свои старые глаза, Вилли! *(Пауза.)* Что-нибудь еще осталось? *(Пауза.)* Какие-нибудь остатки былой красоты? *(Пауза.)* Нет? *(Пауза.)* Сам понимаешь, я не могла навести красоту. *(Он роняет голову.)* А ты еще походишь на себя, в смысле на себя былого. *(Пауза.)* Ты не подумываешь перебраться на эту сторону... хотя бы ненадолго? *(Пауза.)* Нет? *(Пауза.)* Просто наведался? *(Пауза.)* Вилли, ты что, оглох? *(Пауза.)*

Онемел? *(Пауза.)* Знаю, знаю, ты всегда был не из разговорчивых: обожаю тебя, Винни, будь моей, а потом слова от тебя не дождешься, разве что-нибудь из газеты прочтешь. *(Взгляд вперед. Пауза.)* Ну что ж, не беда, что тут еще скажешь, и все равно в конечном счете это мог бы быть счастливый день, еще один счастливый день. *(Пауза.)* Теперь уже недолго, Винни. *(Пауза.)* Я слышу крики. *(Пауза.)* Ты когда-нибудь слышишь крики, Вилли? *(Пауза.)* Нет? *(Снова смотрит на Вилли.)* Вилли. *(Пауза.)* Посмотри на меня еще, Вилли. *(Пауза.)* Еще раз, Вилли. *(Он поднимает глаза на нее. Радостно.)* Ой! *(Пауза. Уязвленно.)* Ну и мину ты скорчил, Вилли, что с тобой? *(Пауза.)* Надень шляпу, миленький, вон как солнце печет. Побоку церемонии, я не взыщу. *(Вилли роняет шляпу, перчатки и ползет по взгорку к Винни. Ликующе.)* Вот это да — просто глазам своим не верю! *(Вилли останавливается, цепляется за взгорок одной рукой, другую тянет вверх.)* Вперед, миленький, не робей, я буду тебя подбадривать. *(Пауза.)* Это ты из-за меня сюда ползешь, Вилли... или я ошибаюсь? *(Пауза.)* Тебе захотелось погладить меня по лицу, как прежде? *(Пауза.)* Вилли, ты ползешь сюда, потому что тебе захотелось меня поцело вать... или я ошибаюсь? *(Пауза.)*

Раньше я могла протянуть тебе руку. *(Пауза.)* А еще раньше я протягивала тебе руку. *(Пауза.)* Тебе всегда нужна была твердая рука, Вилли. *(Вилли сползает к подножью взгорка, падает ничком.)* Бух! *(Пауза. Вилли встает на четвереньки, поднимает к ней лицо.)* Попытайся еще раз, Вилли, а я буду тебя подбадривать! *(Пауза.)* Не смей на меня так смотреть! *(Пауза. В бешенстве.)* Не смей на меня так смотреть! *(Пауза. Шепотом.)* Ты что, Вилли, совсем потерял голову? *(Пауза. Так же.)* Ты что, Вилли, последнего ума решился?

Вилли *(еле слышно).* Вин.

Пауза. Винни смотрит вперед. На лице ее счастливое выражение. Расплывается от счастья.

Винни. Вин! *(Пауза.)* Ой, какой счастливый день, ведь это мог бы быть еще один счастливый день! В конечном счете. *(Пауза.)* До поры до времени.

Пауза. Сбиваясь, заводит, потом тихонько напевает песенку, которую наигрывала музыкальная шкатулка.

Не скажу тебе, нет,
Вслух того, что не след,
Но все тайные речи
В звуках вальса лови.

И люби, и люби
Меня крепче и крепче,
Даже руки твои
Говорят о любви
В каждом прикосновенье.
Знаю, не говори:
Любишь ты без сомненья.

Пауза. Счастливого выражения как не бывало. Закрывает глаза. Громко звонит звонок. Открывает глаза, улыбается, смотрит в зал. Улыбается, переводит глаза на Вилли — он все еще стоит на четвереньках, смотрит на нее. Улыбки как не бывало. Они смотрят друг на друга. Долгая пауза.

Театр I

Угол улицы. Развалины. А, слепец, сидит на складном стуле и пиликает на скрипочке. Рядом с ним стоит дырявый ящик, увенчанный миской для милостыни. Он прекращает игру, поворачивает голову вправо, к публике, прислушивается. Пауза.

А. Подайте пенни несчастному старику, подайте пенни несчастному старику. *(Тишина. Возобновляет игру, опять прекращает, поворачивает голову вправо, прислушивается.)*

Справа появляется В, в кресле-каталке, которое он приводит в движение, отталкиваясь палкой. В останавливается.

(Рассерженно.) Подайте пенни несчастному старику! *(Пауза.)*

В. Музыка! *(Пауза.)* Так, значит, это не сон. Теперь я убедился, что это не видение; они молчат, и я молчу перед ними. *(Продвигается вперед, останавливается, заглядывает в миску. Равнодушно.)* Горемыка. *(Пауза.)* Теперь можно уезжать, тайне конец. *(Отталкивается назад, останавливается.)* Вот разве только мы соединимся, заживем совместно, и так до самой смерти. *(Пауза.)* Что

ты на это скажешь, Билли? Можно я буду называть тебя Билли, по-свойски? *(Пауза.)* Билли, ты любишь общество? *(Пауза.)* Билли, ты консервы любишь?

А. Какие консервы?

В. Солонину, Билли, обыкновенную солонину. Если подойти с умом — хватит, чтобы душа не рассталась с телом до лета. *(Пауза.)* Разве не так? *(Пауза.)* К тому же несколько картофелин, несколько фунтов картофеля к тому же. *(Пауза.)* Ты любишь картошку, Билли? *(Пауза.)* Мы можем даже прорастить их, а затем, когда придет время, закопаем в землю. А что, попробуем! *(Пауза.)* Я бы наметил место, а ты закопал бы. *(Пауза.)* Ну как? *(Пауза.)*

А. Как поживают деревья?

В. Трудно сказать. Теперь зима, ты ведь знаешь. *(Пауза.)*

А. Сейчас день или ночь?

В. О-хо-хо... *(Смотрит на небо.)* ... День, если угодно. Конечно, без какого ни на есть солнца, иначе бы ты не спрашивал. *(Пауза.)* Уследил за движением моей мысли? *(Пауза.)* Ты ведь еще не свихнулся, так ведь, Билли?

А. Но хоть светло?

В. Да. *(Смотрит на небо.)* Да, светло. Другого

слова не подберешь. *(Пауза.)* Позволь, я опишу тебе все это? *(Пауза.)* Позволь, я попытаюсь дать тебе некоторое представление об этом свете?

А. Временами мне кажется, что я и ночи провожу здесь, играя и прислушиваясь. Обычно я чувствовал, как опускаются сумерки, и готовился. Я прятал миску и скрипку, и мне оставалось лишь стать на ноги, когда она брала меня за руку. *(Пауза.)*

В. Что за она?

А. Моя женщина. *(Пауза.)* Женщина одна. *(Пауза.)* Но теперь... *(Пауза.)*

В. Что теперь?

А. Когда я вышел — не знаю, когда пришел сюда — не знаю, и пока я здесь — я не знаю, день сейчас или ночь.

В. Ты не всегда был таким. Что с тобой случилось? Ты был бабник? Картежник? Богохульник?

А. Я был таким всегда.

В. Ну!

А *(исступленно)*. Я всегда был таким: пресмыкающимся в потемках, испускающим на все четыре стороны старческие отвратительные скрипы!

В *(исступленно)*. У нас есть женщины, не так ли! Твоя — чтобы водить тебя за руку, моя — чтобы вынимать меня из коляски по вечерам и засовы-

вать обратно по утрам. И толкать меня до угла, с тех пор как я стал получеловек.

А. Так ты калека тоже? *(Равнодушно.)* Горемыка.

В. У меня лишь одна проблема — и это поворот кругом. Мне частенько приходило в голову, когда я пыжился повернуться, что легче было бы ехать вперед и дальше, прямиком вокруг земного шара. Пока в один прекрасный день меня не осенило, что можно возвращаться домой задом наперед. *(Пауза.)* Например, я нахожусь в пункте А. *(Отталкивается немного вперед, останавливается.)* И возвращаюсь в пункт Б. *(Отталкивается немного назад, останавливается.)* И вновь откатываюсь в пункт А. *(Порывно.)* Все время по прямой линии! И никаких тебе преград! *(Пауза.)* Я начинаю возбуждать тебя, не так ли?

А. Временами я слышу шаги. И голоса. Тогда говорю себе: вот они идут, кто-то возвращается в попытке определиться или в поисках чего-то оставленного или кого-то позабытого.

В. Возвращаются! *(Пауза.)* Кому охота возвращаться в такие места? *(Пауза.)* И ты ни разу не окликнул их? *(Пауза.)* Не закричал? *(Пауза.)* Нет?

А. Ты ничего не замечаешь?

В. О, ты же меня знаешь, замечаю... Я просижи-

ваю в своей берлоге, в своей каталке, в потемках по двадцать три часа в сутки. *(Исступленно.)* Что бы ты хотел, чтобы я заметил? *(Пауза.)* Как ты считаешь, могли бы мы составить пару теперь, когда ты начал узнавать меня?

А. Так ты сказал, солонина?

В. A propos, чем ты жил все это время? Должно быть, ты жил святым духом.

А. Кругом валяется всякая всячина.

В. И съедобная?

А. Временами.

В. Почему ты не дал себе умереть?

А. В общем-то, мне сопутствовала удача. На днях споткнулся о мешок орехов.

В. Врешь!

А. Мешочек, набитый орехами, посреди дороги.

В. Допустим, но почему ты не дал себе умереть?

А. Я думал об этом.

В *(рассерженно).* Но не сделал!

А. Я не был до конца несчастен. Это всегда было моей бедой: несчастен, но не до конца.

В. Однако с каждым днем ты должен был становиться чуть несчастнее.

А *(исступленно).* Я не до конца несчастен! *(Па-*

уза.) В. Если хочешь знать, мы созданы друг для друга.

А *(с понимающим жестом).* Каково теперь в округе?

В. О, ты меня знаешь... Я никогда не уезжаю далеко, просто чуть вперед и назад, в виду собственного порога. Прежде я сюда не добирался.

А. Но по сторонам-то ты смотришь?

В. Нет-нет.

А. После всех тех часов темноты ты не...

В *(исступленно).* Нет! *(Пауза.)* Конечно, если ты пожелаешь, я огляжусь. А если любезно согласишься толкать меня, постараюсь описать пейзаж, пока мы будем двигаться.

А. Хочешь сказать, что стал бы моим поводырем? Или я что-то недопонял?

В. Точно. Я сказал бы: полегче, Билли, полегче, мы держим курс на большую навозную кучу, поворачивай и толкай влево, пока я не дам знак.

А. Ты обязан так поступить.

В *(пользуясь преимуществом).* Полегче, Билли, полегче, в сточной канаве я вижу консервную банку. Возможно, это суп или печеные бобы.

А. Печеные бобы! *(Пауза.)*

В. Я начал нравиться тебе? *(Пауза.)* Или это лишь игра моего воображения?

А. Печеные бобы! *(Поднимается, кладет скрипку и миску на стул и на ощупь пробирается к В.)* Ты где?

В. Здесь, дружище.

А нащупывает ручку кресла и начинает толкать наугад. Стой!

А *(продолжает толкать).* Это дар! Дар!

В. Стой! *(Бьет его палкой.)*

А отпускает кресло, отскакивает. Пауза. А на ощупь пробирается к своему сиденью, останавливается в растерянности.

Прости! *(Пауза.)* Прости меня, Билли!

А. Где я? *(Пауза.)* Где я?

В. Вот я его и потерял. Он полюбил меня, а я побил его. Теперь он покинет меня, и я никогда не увижу его. Никого никогда не увижу. Нам никогда больше не услыхать человеческого голоса.

А. А ты еще не наслушался? Одни и те же вздохи от колыбели и до могилы.

В *(тяжко вздыхая).* Сделай что-нибудь для меня, прежде чем уйдешь!

А. Вот! Ты слышишь? *(Пауза. Тяжко вздыхая.)* Я не могу уйти! *(Пауза.)* Ты слышишь?

В. Не можешь уйти?

А. Не могу уйти без своих причиндалов.

В. Чем же они тебе полезны?

А. Ничем.

В. И ты не можешь без них уйти?

А. Не могу. *(Начинает движение на ощупь, останавливается.) Я* найду их в конце концов. *(Пауза.)* Или оставлю их здесь навсегда. *(Начинает движение на ощупь.)*

В. Поправь мне плед, я чувствую холод в ноге.

А останавливается.

Сам бы сделал, да времени уйдет уйма. *(Пауза.)* Сделай это для меня, Билли. Тогда я смогу уйти и сесть в укромном уголке, как обычно, и сказать такие слова: я видел человека в последний раз, я побил его, а он помог мне. *(Пауза.)* Найди хоть крупицу добра в моем сердце и примирись с моими недостатками. *(Пауза.)* Ты чего вылупил глаза как этот? *(Пауза.)* Разве я сказал чего не следует? *(Пауза.)* Что особенного в моей особе?

А на ощупь пробирается к нему.

А. Дай звуковой сигнал.

В издает звук. А пробирается на звук, останавливается.

В. Запахи ты тоже не различаешь?

А. Повсюду одно только зловоние. *(Протягивает руку.) Я* в пределах твоей досягаемости? *(Стоит без движения с вытянутой рукой.)*

В. Жди. Неужто ты собираешься оказать мне

услугу просто так? *(Пауза.) Я* имею в виду: бескорыстно? *(Пауза.)* Милосердный Боже! *(Пауза. Берет А за руку и тащит его к себе.)*

А. Твоя нога.

В. Что?

А. Ты что-то сказал про свою ногу.

В. Если бы я знал! (Пауза.) Да, моя нога, подоткни ее. А наклоняется на ощупь.

На колени, на колени, так тебе будет сподручнее. *(Помогает А стать на колени в нужном месте.)* Вот здесь.

А *(рассерженно).* Отпусти руку! Ты хочешь, чтобы я помог тебе, и не отпускаешь руку! *(В отпускает его руку. А неумело ощупывает плед.)* У тебя только одна нога?

В. Именно, одна.

А. А вторая?

В. Болела, и ее отрезали.

А подтыкает плед под ногу.

А. Достаточно?

В. Чуть плотнее.

А подтыкает плотнее.

Что за руки у тебя! *(Пауза.)*

А *(ощупывая В в направлении к торсу).* Все остальное при тебе?

В. Теперь можешь встать и искать моего покро-

вительства.

А. Все остальное при тебе?

В. Больше ничего не отрезали, если ты это имел в виду. Рука А, поднимаясь на ощупь, достигает лица В, замирает.

А. Это твое лицо?

В. Каюсь, оно. *(Пауза.)* Что еще?

Пальцы А блуждают, вдруг замирают.

Это? Мой жировик.

А. Бордовый?

В. Пурпурный.

А отдергивает руку, не вставая с коленей.

Что за руки у тебя! *(Пауза.)*

А. Все еще день?

В. День? *(Смотрит на небо.)* Если угодно. *(Смотрит.)* Другого слова не подберешь.

А. Вечер не скоро наступит?

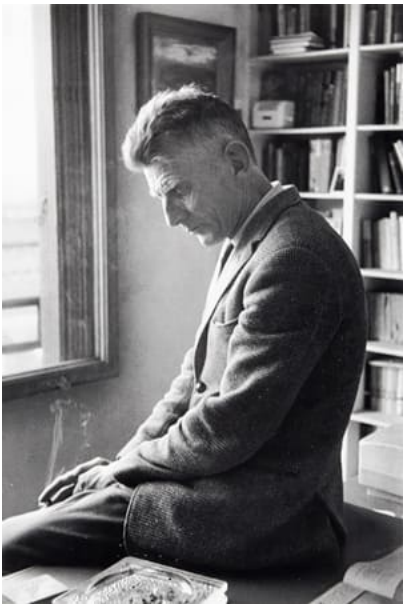
В наклоняется к А, трясет его.

В. Ну, Билли, вставай, ты начинаешь раздражать меня. А. Ночь не скоро наступит?

В смотрит на небо.

В. День, ночь... *(Смотрит.)* Иногда мне кажется, что земля непременно погрузится в день без солнца, в сердце зимы, в серость вечера. *(Наклоняется к А, трясет его.)* Ну же, Билли, поднимайся, ты начинаешь обременять меня.

А. Есть где-нибудь поблизости трава?
В. Я не вижу.
А *(страстно).* Нигде нет зелени?



Сэмюэль Беккет. Париж, 1964 г.

В. Есть маленькое болото. *(Пауза.)*

А сцепляет руки на пледе и кладет на них голову. Милосердный Боже! Уж не собираешься ли

ты молиться?

А. Нет.

В. Так плакать?

А. Нет. *(Пауза.)* Я хотел бы остаться тут навсегда, вот так, положив голову на колени старика.

В. На колено. *(Грубо трясет его.)* Вставай!

А *(пристраиваясь поудобней.)* Какой покой! *(В грубо отталкивает его, А падает на четвереньки.)* Дора все время твердит: я не заслужила таких дней. Ты и твоя арфа! Уж лучше бы ползал на четвереньках, нацепив на задницу медали отца, а суму — на шею. Ты и твоя арфа! Кто ты такой, по-твоему? И она заставляла меня спать на полу. *(Пауза.)* Кто я такой, по-моему... *(Пауза.)* Что зря говорить... Я никогда не мог... *(Пауза. Встает.)* Никогда не мог... *(Начинает на ощупь пробираться к своему стулу, останавливается, прислушивается.)* Если долго вслушиваться, начинаешь различать звук струны.

В. Твоей арфы? *(Пауза.)* Что это ты все об арфе?

А. Была у меня когда-то маленькая арфа. Помолчи, дай послушать. *(Пауза.)*

В. И долго ты собираешься так стоять?

А. Я могу стоять и вслушиваться в эти звуки часами. Слушают.

В. Какие такие звуки?

А. Я не знаю, какие они.

Слушают.

В. А я могу увидеть ее. *(Пауза.)* Могу...

А *(с мольбой в голосе).* Ты не успокоишься?

В. Нет! *(А хватается за голову.)* Я вижу ее отчетливо. Вон там, на стуле. *(Пауза.)* Что, если я возьму ее, Билли? И удеру с ней? *(Пауза.)* А, Билли, что ты на это скажешь? *(Пауза.)* Найдется другой старик, однажды он вылезет из своей норы и обнаружит тебя дудящим на губной гармонике. И ты расскажешь ему о той скрипочке, что была у тебя когда-то. *(Пауза.)* А, Билли? *(Пауза.)* Или ты будешь петь. *(Пауза.)* А, Билли, что ты на это скажешь? *(Пауза.)* Квакать на зимнем ветру. *(Злобно хохочет.)* Утратив губную гармонику. *(Тыкает его в спину палкой.)* А, Билли?..

А кружится юлой, хватает конец палки и выкручивает ее из рук В.

Рассказы

Данте и лангуст

Изгнанник

Первая любовь

Конец

Общение

Данте и лангуст

Было утро, и Белаква застрял на одной из первых песен о Луне[6]. Так увяз, что не мог двинуться ни взад, ни вперед. Там была блаженная Беатриче, а также Данте, которому она объясняла происхождение пятен на Луне. Сначала она показала ему, в чем его ошибка, затем предложила собственное толкование. Получила она его от Бога, так что на его точность можно было положиться во всех отношениях. Оставалось лишь следовать за ней по пятам. Часть первая, ниспровержение, была легким плаванием. Свои соображения она излагала ясно, сообщая все, что нужно, без шума и проволочек. Зато часть вторая, наглядные доказательства, была так насыщенна, что Белаква, как ни силился, ничего не мог понять. Отрицание, опровержение — тут все было ясно. Однако затем следовала аргументация — стремительный, точно в скорописи, каскад реальных фактов, тут Белаква и впрямь увяз. К

[6] Примечания: 6

Имеется в виду Вторая Песнь «Рая» третьей части «Божественной комедии» Данте; из «Божественной комедии» заимствовано также имя героя рассказа. (См. «Чистилище», Песнь Четвертая.)

тому же все это ему надоело, ему не терпелось отправиться в «Пиккарду». Однако он бился и бился над загадкой, ни за что не желая признать себя побежденным, — он уразумеет хотя бы значения слов, порядок, в котором они произносятся, и природу удовлетворения, дарованного ими заблудшему поэту, поэтому, когда слова подошли к концу, он почувствовал прилив сил и поднял отяжелевшую голову, намереваясь принести ответные благодарности и произвести по всей форме отречение от прежних своих суждений.

Он все еще ломал голову над непостижимым пассажем, когда услышал, что пробило полдень. Моментально погасив деятельность мозга, он освободил его от этой обязанности. Подсунув пальцы под книгу, он подтолкнул ее на себя, так что вся она целиком лежала у него на ладонях. Раскрытая «Божественная комедия» на пюпитре его ладоней. В таком положении он поднес книгу к носу и тут захлопнул. Подержал ее какое-то время высоко в воздухе, сердито скосив на нее глаза и сдавив корки переплета, налегая на них ладонями. Потом отложил книгу в сторону.

Он откинулся на спинку кресла, желая почувствовать, как угомонится его ум и стихнет зуд жалкого схоластического спора. Покуда не при-

дет в себя и не успокоится ум, ничего нельзя было делать; постепенно тот успокоился.

Тогда лишь дерзнул помыслить Белаква о том, чем заняться дальше. Вечно человек вынужден чем-то заняться дальше. Ему предстояло три больших дела. Сначала — ленч, потом — лангуст, потом — урок итальянского. Пока что с него хватит. Что будет после урока итальянского, он не имел ясного представления. Весь день до вечера был несомненно кем-то дотошно расписан, но что содержалось в этом расписании, было ему неведомо. Так или иначе, это было не важно. Важно было вот что: первое — ленч, второе — лангуст, третье — урок итальянского. Покуда более чем достаточно.

Ленч, ежели он вообще получится, — дело весьма приятное. Чтобы ленч доставил ему удовольствие — а он может доставить поистине огромное удовольствие, — необходимо, чтобы на время приготовления ленча его оставили совершенно в покое. Если его сейчас потревожат, прискачет, скажем, вприпрыжку какой-нибудь неугомонный болтун со своей великой идеей или петицией, тогда он с таким же успехом мог бы и вообще не есть. Ибо пища у него на языке будет горька на вкус или еще того хуже — вовсе

безвкусна. Чтобы приготовить ленч, он должен остаться совершенно один, в полной тишине и спокойствии.

Первое, что нужно было сделать, — это запереть дверь. Теперь никто не захватит его врасплох. Он развернул старую «Геральд» и разгладил ее на столе. На него воззрилось довольно привлекательное лицо Маккейба, убийцы. Затем он зажег газовую конфорку, снял с гвоздя плотный квадратный тостер — асбестовую решетку — и поставил его прямо на огонь. Огонь оказалось необходимо убавить. Недопустимо, чтобы тост жарился чересчур быстро, нужно жарить его на слабом, медленном огне. Иначе он только обуглится снаружи, а внутри мякиш останется таким же клеклым, как и был. Если существовало нечто самое для него отвратительное, так это ощущать, как зубы, сомкнувшись, вязнут в трясине мякиша или теста. А ведь сделать все как следует так легко. Итак, размышлял он, отрегулировав напор газа и приладив решетку, к тому времени, как я нарежу хлеб, все будет в самый раз. Теперь из банки из-под галет был извлечен похожий на ружейный ствол батон и его конец разглажен на физиономии Маккейба. Дважды прошлась неумолимая хлебная пила, и перед Белаквой,

предвкушавшим будущее наслаждение, легла пара аккуратных круглых ломтиков хлеба, главных компонентов блюда. Остаток батона был препровожден назад, в тюрьму, крошки лихорадочно сметены на пол, словно на белом свете не существует такой вещи, как воробьи, а ломти доставлены к решетке. Все эти предварительные меры осуществлялись чрезвычайно быстро и бесстрастно.

Теперь наступил такой момент, когда требовалось настоящее искусство, такой, когда человек обыкновенный загубил бы все дело. Он прижался щекой к хлебному мякишу, теплому и ноздреватому, живому. Но он быстрехонько избавится от этого ощущения пышности, видит бог, он мигом сведет *с* его поверхности эту тупую белизну. Он чуть-чуть притушил огонь и с размаху плюхнул на раскаленный асбест один из дряблых ломтей, с превеликой, однако, точностью и аккуратностью, так что все в целом напоминало японский флаг. Затем, ввиду отсутствия пространства, достаточного для того, чтобы они ровно прожарились рядом — а если не прожарить ровно, и вовсе нечего браться за дело, — сверху на него положил второй кружок, греться. Как только первый кандидат был готов, что произошло тогда

лишь, когда он почернел насквозь, он поменялся местами со своим собратом, и теперь уже сам возлежал наверху, безнадежно прожженный, черный и дымящийся, дожидаясь, покуда то же можно будет сказать о втором.

Для труженика полей это была легкая вещь, доставшаяся ему от матери. Пятна — это Каин со своей вязанкой хвороста, все потерявший, проклятый, изгнанный с земли, беглец и скиталец. Луна — это его унылое и отмеченное печатью лицо с первым выжженным клеймом позора — божьей жалости в знак того, что отверженный не мог быстро умереть. В голове земледельца все смешалось, но это было не важно. Это устраивало его мать, устраивало и его.

Склонившись над решеткой, Белаква, стоя перед огнем на коленях, в напряженном раздумье наблюдал за каждой стадией поджаривания. Это требовало времени, но делать это нужно было как подобает, если за это вообще стоило браться, как справедливо утверждает пословица. Задолго до окончания комната наполнилась чадом, пахло гарью. Исполнив все, на что способны человеческие старания и искусство, он выключил газ, вновь водрузил решетку на гвоздь. Этим актом он нанес ущерб имуществу, поскольку прожег в

обоях огромную прямоугольную дыру. Чистое, отъявленное хулиганство. Но ему-то что, черт возьми? Разве это его стена? Все те же безнадежно испорченные обои красовались здесь вот уже пятьдесят лет. Дочерна замызгались от старости. Их невозможно было испортить.

Далее в каждый ломтик, разопревший от жара, хорошенько втирался соус «савора», соль и кайенский перец. Упаси боже, никакого масла — только добрая приправа из горчицы, соли и перца на каждый кружок. Масло было бы ошибкой — тост от него мокнет. С маслом тосты хороши для старших членов университетских советов да членов Армии спасения, для тех, у кого в голове нет ничего, кроме искусственных зубов. И абсолютно не годятся весьма крепкому юному розану вроде Белаквы. С чувством восторга и торжества будет он поглощать блюдо, на приготовление которого положил столько сил; все равно что разгромить на льду поляков на санках. Закрыв глаза, он вопьется в тост, будет с хрустом жевать, перемалывая его в кашицу, изничтожит вконец своими зубами. Потом обжигающая боль, жжение пряностей по мере кончины каждого откушенного куска, обжигающего нёбо, исторгающего слезы.

Но он был далек от полной боевой готовности:

оставалась еще уйма дел. Выжарить свое угощение он выжарил, однако не вполне оснастил. Поистине впряг лошадь позади телеги.

Он хлопком соединил поджаренные кружки, точно в тарелки ударил; они прилепились друг к другу, скрепленные густым бальзамом «савора». Затем временно завернул их в старый обрывок газеты. Затем приготовился к выходу.

Самое главное теперь — избежать приставаний. Ежели его остановят на этой стадии, и он допустит словесное надругательство над собой, это будет сущая катастрофа. Всем существом он рвался навстречу уготованной ему радости. И если бы к нему сейчас пристали, он мог бы с равным успехом вышвырнуть свой ленч в канаву и прямиком отправляться домой. Временами его вожделение, его жажда этой пищи — нет нужды говорить, более духовного, нежели телесного свойства — доходила до такого неистовства, что он, не колеблясь, ударил бы любого, кто неосмотрительно преградил бы ему путь, приставая с докучными расспросами, он скинул бы его с дороги безо всяких церемоний. Горе несчастному, который разозлит его, встав на его пути, когда дух его поистине устремлен к своему ленчу.

Склонив голову, он быстро пробирался зна-

комым лабиринтом переулков и неожиданно нырнул в маленькую семейную бакалейную лавку. Никто в лавке не удивился. Примерно в этот час он чуть не ежедневно влетал в лавку с улицы таким манером.

Кусок сыра был уже приготовлен. Отделенный с утра от головки, он только и дожидался, когда за ним придет Белаква. Горгонцольский сыр. Он знал человека из Горгонцолы, звали Анджело. Родился он в Ницце, но вся его юность прошла в Горгонцоле. Он знал, где искать такой сыр. Каждый день сыр лежал так, на одном и том же углу, дожидаясь, когда за ним придут. Это были очень достойные, обязательные люди.

Белаква скептически оглядел срез. Перевернул сыр на другую сторону — посмотреть, не будет ли та лучше. Другая сторона оказалась еще хуже. Они пошли на маленькую хитрость, выложили его лучшей стороной наверх. Кто упрекнет их? Он потер сыр — на нем выступили слезы. Это уже кое-что. Наклонился, понюхал. Слабый аромат гнили. Что проку? Не нужен ему аромат, он не какой-то жалкий гурман, ему нужна крепкая вонь. Что ему нужно, это добрый зеленый, вонючий кусок горгонцольского сыра, и, ей-богу, он его получит.

Он свирепо посмотрел на бакалейщика.

— Это что такое? — спросил он.

Тело бакалейщика содрогнулось.

— Ну, — спросил Белаква; если его раззадорить, он был неустрашим, — это лучшее, на что вы способны?

— В долготу и широту всего Дублина, — ответствовал бакалейщик, — не сыскать в сей час более тухлого куска.

Белаква был в ярости. Наглый пес. Удавится за грош.

— Не пойдет, — вскричал он, — слышите меня, совсем не подойдет. Этого я не возьму. — Он проскрежетал зубами.

Вместо того чтобы, подобно Пилату, просто умыть руки, бакалейщик всплеснул ими в неистовой мольбе, раскинув руки, как на распятии. Белаква мрачно развернул свой сверток и сунул бледный, как труп, кусок сыра меж твердых, холодных, черных дощечек тостов. Он заковылял к двери, достигнув которой, однако, обернулся.

— Вы меня слышали? — крикнул он.

— Сэр, — ответствовал бакалейщик. То не был ни вопрос, ни, однако же, выражение молчаливого согласия. Тон, которым это было брошено, абсолютно не позволял узнать, что на уме у этого

человека. То был хитроумнейший выпад.

— Говорю вам, — с жаром бросил Белаква, — этот мне совсем не подходит. Если ни на что лучшее вы не способны, — он поднял руку со свертком, — я буду вынужден брать сыр в другом месте. Попомните мои слова.

— Сэр, — произнес бакалейщик.

Он подошел к порогу лавки и стал смотреть вслед ковылявшему прочь возмущенному покупателю. Тот шел прихрамывающей походкой — ноги у него были в самом плачевном состоянии и почти беспрерывно причиняли ему страдания. Даже ночью они горели от мозолей и вывернутых суставов, боль от которых распространялась по всей ноге. Поэтому он имел обыкновение прижимать наружные края ступней к спинке кровати (или того лучше — протянув руки, подтягивать ноги), стараясь как бы переместить мозоли на внутреннюю сторону ступней. Искусством и терпением можно было облегчить боль, но она все же существовала, отравляя ему ночной отдых.

Не закрывая глаз и не спуская их с удаляющейся фигуры, бакалейщик высморкался в подол фартука. Будучи человеком участливым и человечным, он сочувствовал этому странному покупателю, у которого неизменно был больной и удрученный

вид. Но в то же время он был, не забывайте, мелким торговцем с присущим мелким торговцам чувством личного достоинства и пониманием того, что к чему. Три пенса — ежедневно он выбрасывал на три пенса сыру, шиллинг и шесть пенсов в неделю. Нет, из-за этого он не станет ни перед кем лебезить, нет, ни за что, ни за что на свете. У него своя гордость.

Спотыкаясь, брел Белаква окольными путями к тому захудалому пабу, где его ожидали, — в том смысле, что появление его гротескной персоны не вызвало бы ни комментариев, ни смеха; постепенно он одолел свой гнев. Теперь, когда ленч был почти fait accompli[7], поскольку в этот убогий квартал редко заносило страдавших недержанием речи олухов из одного с ним класса, сгоравших от нетерпения изложить тебе великую идею или навязать встречу, он мог на свободе всесторонне обмозговать пункт второй и пункт третий — лангуста и свой урок.

В школе ему надлежало быть без четверти три. Скажем, без пяти. Паб закрывается, а рыбная лавка открывается после перерыва в полтретьего. Допустим затем, что его паршивая сука тетка

---

[7] Примечания: 7
свершившимся фактом *(франц.).*

вовремя сделала утром заказ, строго-настрого наказав, чтобы он в готовом виде дожидался ее оболтуса племянника, и что, когда он зайдет за лангустом вскоре пополудни, ему не придется задерживаться, тогда, если уйти из паба с закрытием, у него будет достаточно времени — можно посидеть до последнего. Benissimo[8]. Денег у него было полкроны. Во всяком случае, это значит две пинты бочкового, а то и бутылочка на закуску. Пиво в бутылках у них преотменное, прекрасно пенится к тому же. И еще останется несколько медяков — хватит и на «Геральд», и на трамвай, ежели он устанет или сочтет, что времени в обрез. Все это, разумеется, при том непременном условии, что лангуст будет готов ко вручению. Черт бы побрал этих торговцев, думал он, никогда на них нельзя положиться. Упражнения он не приготовил, но это не важно. Профессоресса была такая очаровательная и замечательная. Signorina[9] Адриана Оттоленги! Он был уверен, что никакой женщине было бы невозможно превзойти маленькую Оттоленги умом и ученостью. Так что он мысленно возвел ее на пьедестал, в отдалении от

---

[8] Примечания: 8
Превосходно *(итал.).*

[9] Примечания: 9
Синьорина *(итал.).*

других женщин. В прошлый раз она сказала, что они будут вместе читать Il Cinque Maggio[10]. Но она не станет возражать, если он по-итальянски, как и намеревался, скажет ей, что — по дороге из паба он сочинит блистательную фразу, — что предпочел бы отложить Cinque Maggio до другого случая. Мандзони — это старая баба. Наполеон — тоже. Napoleone di mezza calzetta fa l'amore a Giacominetta[11]. Почему Мандзони представлялся ему старой бабой? Откуда такая несправедливость? Пеллико[12] — еще одна старая баба. Все они старые девы, суфражистки. Надо спросить у signorina, откуда у него такое впечатление, будто в девятнадцатом веке Италия была наводнена старыми клушами, пытавшимися квохтать под Пиндара[13]. Кардуччи[14] — и этот тоже. А еще о

---

[10] Примечания: 10

«Пятое мая» — одно из известнейших стихотворений Алессандро Мандзони (1795 — 1873), итальянского поэта, драматурга и романиста, главы итальянского романтизма.

[11] Примечания: 11

Наполеон в коротких штанишках занимается любовью с Джакоминеттой *(итал.)*.

[12] Примечания: 12

Сильвио Пеллико (1789 — 1854) — итальянский поэт, за участие в движении карбонариев приговоренный к смертной казни, замененной тюремным заключением. В его творчестве патриотические мотивы соединялись с проповедью христианского смирения.

[13] Примечания: 13

Пиндар (522 — 442 гг. до н. э.) — древнегреческий поэт, почитавшийся

древними величайшим из лириков, автор од, отмеченных величавостью тона.

[14] Примечания: 14

Джозуэ Кардуччи (1835 — 1907) — итальянский поэт и критик, лауреат Нобелевской премии.

пятнах на Луне. Если она не сможет ответить ему тут же, она охотно выяснит к следующему разу. Теперь все было в полной боевой готовности и порядке. Разумеется, за вычетом лангуста, который поневоле оставался непредсказуемым фактором. Он должен просто надеяться на лучшее. А ожидать худшего, весело подумал он, ныряя по своему обыкновению в паб.

Белаква приближался к школе вполне довольный, поскольку все прошло как по маслу. Ленч окончился с завидным успехом и будет жить в его душе как образцовый. Он воистину был не в силах даже вообразить, чтобы этот ленч можно было превзойти. Такой бледный, смахивающий на мыло сыр — и оказался на поверку таким духовитым! Остается лишь заключить, что все эти годы он обрекал себя на лишения, прямолинейно связывая духовитость сыра с зеленым цветом. Век живи, век учись, как справедливо говорит пословица. К тому же его зубы и челюсти побывали в настоящем раю: в то время как он жевал, истребляемый тост брызгал мелкими осколками. Точно ешь стекло. Рот его горел и пылал от этого сражения. Переданное тихим, трагическим голосом через стойку Оливером, практикантом, сообщение о том, что прошение

убийцы о помиловании, подписанное половиной страны, отклонено — болтаться ему на рассвете в Маунтджое[15], его уж ничто не может спасти, — лишь сдобрило угощение. Эллис, палач, уже направился туда. Поглощая сандвич и глуша драгоценное пиво, Белаква размышлял о сидящем в камере Маккейбе.

Лангуст все-таки был приготовлен заранее, продавец instanter[16] протянул его Белакве, к тому же с преприятнейшей улыбкой. Немножко учтивости и доброго расположения поистине немало значат на этом свете. Улыбка, приветливое слово от простого труженика — и лик мира просветлел. А ведь так легко — дело просто в управлении мышцами.

— Трепыхается, — приветливо сказал продавец, протягивая лангуста.

— Трепыхается, — сказал Белаква. Что бы это такое значило?

— Трепыхается, сэр; свежий, — сказал тот, — свежий, утрешний.

Тогда, по аналогии с макрелью и прочей рыбой, о которой, он сам слышал, говорили «трепыхает-

---

[15] Примечания: 15
Тюрьма в Дублине.

[16] Примечания: 16
мгновенно, тотчас же *(лат.)*.

ся, свежая», когда ее выловили час-другой назад, Белаква заключил, что продавец хотел сказать, что лангуста забили совсем недавно.

Signorina Адриана Оттоленги ждала его в небольшой аудитории рядом с входной дверью в холл, который Белаква был, естественно, склонен рассматривать скорее как вестибюль. Это была его аудитория, аудитория итальянского. На той же стороне, но подальше располагалась аудитория французского. Бог знает, где находилась аудитория немецкого. Да и кому какое дело до аудитории немецкого.

Он повесил пальто и шляпу, положил на стол в холле свой продолговатый шишковатый сверток в коричневой бумаге и с готовностью прошел к Оттоленги.

Они с полчаса порассуждали о том о сем, и она с похвалой отозвалась о его овладении языком.

— Вы делаете заметные успехи, — сказала она своим убитым голосом.

Существовало ровно столько этой Оттоленги, сколько можно было ожидать в даме определенного возраста, которая в свое время сочла, что быть молодой, красивой и чистой — самая скучная вещь.

Удовольствие было велико, но, прервав его,

Белаква изложил загадку Луны.

— Да, — сказала она. — Я знаю это место. Знаменитая головоломка. С ходу я вам не скажу, но я выясню, когда приду домой.

Дивное создание! Она выяснит, когда придет домой, по своему толстому Данте. Что за женщина!

— Мне пришло в голову, — сказала она, — a propos[17] не знаю с чем, что вы могли бы придумать что-то позаковыристей редких у Данте жестов сострадания в «Аде». Это бывал, — прошедшее время неизменно являло у нее печальное зрелище, — излюбленный вопрос.

Он принял глубокомысленный вид.

— В связи с этим, — сказал он, — я припоминаю одну великолепную шутку: «Qui vive la pieta quando e ben morta...»[18]

Она не сказала ничего.

— Разве не великолепная фраза? — разглагольствовал он.

Она не сказала ничего.

— Так вот, — сказал он, как дурак, — интересно, как бы вы это перевели?

---

[17] Примечания: 17

в связи *(франц.).*

[18] Примечания: 18

«Здесь жив к добру тот, в ком оно мертво...» (Данте. Божественная комедия. «Ад», Песнь Двадцатая. ***Перевод М. Лозинского.)***

Она по-прежнему не сказала ничего. Потом:

— Вы думаете, — прошептала она, — что это абсолютно необходимо переводить?

Из холла донеслись звуки словно бы какой-то возни. Затем тишина. В дверь, как в бубен, постучали костяшкой пальца, она распахнулась, и — ах! — на пороге, сжимая своего кота, стояла Mile[19] Глэн, преподавательница французского, с выпученными глазами, в состоянии крайнего возбуждения.

— О, — произнесла она задыхаясь, — извините меня за вторжение, но что было в этом свертке?

— В свертке? — спросила Оттоленги.

Mile Глэн сделала по-французски шажок в сторону.

— Пакет, — она зарылась лицом в кота, — тот пакет в холле.

— Мой, — сказал он, — рыба.

Он не знал, как по-французски «лангуст». Вполне сойдет и «рыба». «Рыба» сгодилась для Иисуса Христа, Сына Божьего и Спасителя. Сгодится и для Mile Глэн.

— О, — сказала Mile Глэн с невыразимым облегчением, — я поймала его в самый последний миг.

---

[19] Примечания: 19
мадемуазель *(франц.).*

— Она пошлепала кота. — Он бы его раздирал в пух и прах.

Белаква почувствовал некоторую тревогу.

— Он действительно до нее не добрался? — сказал он.

— Нет-нет, — сказала Mile Глэн, — я схватила его как раз вовремя. Но я не знала, — синечулочный смешок, — что там может быть, и подумала, что лучше зайти и спросить.

Подлая любопытная сука.

Оттоленги это слегка забавляло.

— Puisqu'il n'y a pas de mal...[20] — сказала она в великом изнеможении и очень элегантно.

— Heuresement, — было сразу ясно, что Mile Глэн — особа набожная. — Heuresement[21].

Слегка отшлепав кота в наказание, она удалилась. Седые волосы ее девичества резали Белакве глаза. Набожный, девственный синий чулок, умирающий по грошовому скандалу.

— Ну и где мы? — сказал Белаква.

Но неаполитанское терпение небеспредельно.

— А где мы всегда? — воскликнула Оттоленги. — Где и были, если были.

---

[20] Примечания: 20
Значит, ничего плохого *(франц.).*

[21] Примечания: 21
К счастью *(франц.).*

Белаква приближался к дому тетки. Давайте скажем, что была зима, чтобы сейчас могли сгуститься сумерки и взойти луна. На углу улицы лежала лошадь, на ее голове сидел человек. Я знаю, подумал Белаква, что так принято делать. Но почему? Проехал на велосипеде фонарщик со своей палкой наперевес, набросившись на столб, он высекал в поединке искорку желтого света для освещения вечера. Плохо одетая пара стояла в претенциозного вида воротах, она — привалясь спиной к решетке, с опущенной головой, он — лицом к ней. Он отпрянул, но не отошел от нее, опустив руки по бокам. Где и были, подумал Белаква, если были. Он пошел дальше, сжимая свой сверток. Отчего не благочестие и жалость одновременно, даже внизу? Отчего не милосердие и божественность вместе? Чуточку милосердия в муках жертвенности, чуточку милосердия, чтобы возрадоваться вопреки обреченности. Он думал об Ионе и растении и о жалости гневного Бога к Ниневии[22]. И о бедном Маккейбе, дадут ему на рассвете по шее. Что-то он сейчас делает, как себя чувствует. Вот кто порадовался бы лишнему

[22] Примечания: 22

См.: Библия, Книга пророка Ионы. 4: 10, 11. Иона, печаловавшийся о засохшем растении, недоумевал, отчего Бог не разрушил Ниневии, где много грешников.

обеду, лишнему дню.

Тетка была в саду, где она ухаживала за цветами, которые там умирают в это время года. Она обняла его, и они вместе спустились в чрево земли — кухня помещалась в подвале. Она взяла сверток, развернула его, и вот уже на столе, на клеенке разом очутился лангуст.

— Уверяли, что свежий, — сказал Белаква.

Вдруг он заметил, что это создание, это бесполое существо пошевелилось. Оно определенно изменило свое положение. Рука Белаквы взметнулась к губам.

— Иисусе! — сказал он. — Он живой.

Тетка посмотрела на лангуста. Тот снова пошевелился. Подал на клеенке слабый, нервный признак жизни. Они стояли над ним, глядя на него сверху вниз, на отчетливую форму креста на клеенке. Тот снова дернулся. Белаква почувствовал, что ему станет дурно.

— Боже мой, — проскулил он, — живой, что же нам делать?

Тетка просто расхохоталась. Она помчалась в кладовку за своим нарядным фартуком, оставив его созерцать лангуста; вернулась в фартуке, с закатанными рукавами, вся деловая.

— Ну, — сказала она, — надо надеяться, так

оно и есть.

— Все это время, — пробормотал Белаква. Потом, внезапно осознав, что значит ее чудовищное облачение, воскликнул: — Что вы собираетесь с ним делать?

— Сварить животину, — сказала она, — что же еще?

— Но он же живой, — воспротивился Белаква, — нельзя его так варить.

Она удивленно посмотрела на него. Он что, рехнулся?

— Будь разумен, — резко сказала она. — Лангустов всегда варят живыми. Так положено. — Она внезапно схватила лангуста и положила его на спину. Лангуст дрожал. — Они ничего не чувствуют, — сказала она.

Ползая в морской пучине, лангуст угодил в безжалостный котел. На протяжении многих часов он тайно дышал среди своих врагов. Спасся от кота преподавательницы французского и его дурацких объятий. А теперь отправлялся в крутой кипяток. Так надо. Ввысь вознести мое дыханье[23].

Белаква посмотрел на древний пергамент ее

---

[23] Примечания: 23
Строка из «Оды соловью» Джона Китса.

лица, серого в полумраке кухни.

— Суетишься, — сердито сказала она, — меня из себя выводишь, а потом влетаешь и требуешь обеда.

Она подняла лангуста так, чтобы он совсем не касался стола. Жить ему оставалось секунд тридцать.

Что ж, подумал Белаква, это быстрая смерть. Господи, помоги нам всем.

Нет, не быстрая.

Изгнанник

Там было невысоко. Я тысячу раз считал ступеньки и когда поднимался, и когда спускался, но цифра не удержалась у меня в памяти. Я так и не понял — надо говорить «раз», стоя ногой на тротуаре, «два», когда ставишь следующую ногу на ступеньку, и так далее, или тротуар не считается. Дойдя доверху, я сталкивался с той же дилеммой. *С* другой стороны, я имею в виду — сверху вниз, было то же самое, я не преувеличиваю. Я не знал, с чего начинать и на чем кончать, давайте уж называть вещи своими именами. И в результате у меня получались три совершенно разные цифры, я так и не знал, какая из них правильная. И когда я говорю, что цифра не удержалась у меня в памяти, я имею в виду, что ни одна из трех не удержалась у меня в памяти. Правда, обнаружив у себя в памяти, где, конечно, и можно ее обнаружить, одну из трех цифр, я обнаружил бы ее, только ее, и две других бы мне из нее не вывести. И даже две бы обнаружив, я бы не знал третьей. Нет, надо все три обнаружить у себя в памяти, чтоб знать их все три. Страшное это дело — воспоминанья. Вот и не надо думать о

кое-каких вещах, которые тебя мучат, или нет, лучше думать, потому что, если о них не думать, тут-то они и всплывут незаметно в памяти. Значит, лучше думать про них некоторое, довольно долгое время каждый день, по нескольку раз в день, и вот тогда их навеки затянет непролазной трясиной. Это уж правило.

В конце концов количество ступенек не имеет значения. Главное было запомнить, что их немного, я и запомнил. Их и для ребенка было немного, в сравненье со ступеньками других подъездов, которые он знал, потому что видел их каждый день, поднимался по ним, спускался, играл на них в бабки и в другие всякие игры, которых он и названия перезабыл. А уж что говорить про человека зрелого-перезрелого?

Словом, я не очень расшибся. Еще на лету я услышал, как хлопнула дверь, и это меня приободрило, даже в пылу полета. *Я* понял, что они не собираются гнаться за мной с палкой и дубасить на глазах у прохожих. Ведь если б у них было такое намерение, зачем бы им хлопать дверью, они бы ее открытой оставили, чтоб исправительные меры производились в назидание стоящим в прихожей. Значит, они ограничились тем, что вышвырнули меня на улицу, и все. И прежде чем

обосноваться в сточной канаве, у меня еще оставалось время не спеша довести это рассуждение до конца.

При таких обстоятельствах я не обязан был немедленно вскакивать на ноги. Я оперся локтем о тротуар — чего-чего только не запоминаешь, — пристроил ухо на ладони и принялся рассуждать о своем положении, в достаточной мере банальном. Но тут более слабый, однако не вызывающий сомнения звук снова хлопнувшей двери вывел меня из мечтаний, где уже разворачивался приятный такой пейзаж из боярышника и роз, весьма похожий на сновидение, так что я поднял голову, уперся руками в тротуар и привстал на коленки. Но это всего-навсего летела ко мне моя шляпа. Я поймал ее и надел. Что ж, по-своему они были правы. Что им стоило оставить шляпу себе, но нет, это была не их шляпа, шляпа была моя, вот они ее мне и отдали. Но чары рассеялись.

Как описать эту шляпу? И стоит ли? Когда моя голова достигла не скажу окончательных, но максимальных своих размеров, отец сказал: пойдем, сынок, купим твою шляпу. Будто она извечно существовала в предуготованном месте. Он сразу выбрал шляпу. У меня не было ни права голоса, ни шляпника. Я часто думал, может, отец

хотел унизить меня, может, он завидовал мне, молодому, красивому, по крайней мере свежему, сам будучи уже старым, обрюзглым и сизым. С того дня он мне не разрешал выходить с непокрытой головой, и моими прекрасными темными локонами уже не играл ветер. Иной раз на пустынной улочке я, бывало, сниму шляпу, несу в руке, а сам при этом дрожу. Мне полагалось по утрам и вечерам ее чистить. Мои сверстники, с которыми несмотря ни на что я был вынужден иногда общаться, потешались надо мной. Но я говорил себе: шляпа ни при чем, они делают ее объектом своих выпадов, потому что она всего более выпадает из их понятий, в них же нет тонкости. Отсутствие тонкости в моих современниках всегда поражало меня, ибо моя-то душа с утра и до вечера терзалась исключительно в поисках собственной сущности. А может, это они из деликатности, как, например, смеются над длинным носом у горбуна. Когда отец умер, я мог избавиться от шляпы, что мне мешало, но нет, я не стал этим пользоваться. Но как ее описать? В другой раз, в другой раз.

Я встал и пошел. Уж не помню, сколько мне было лет. То, что со мной тогда приключилось, не стало в моей жизни существенной вехой. Ни

колыбелью, ни гробницей чего бы то ни было. Скорее напоминало столько разных колыбелей и гробниц, что запутаешься. Но, по-моему, я не преувеличу, если скажу, что я был в своей самой поре и, как принято, кажется, говорить, полностью обладал своими способностями. Да уж, что обладал, то обладал. Я перешел улицу и оглянулся на дом, который меня только что отторг, а ведь я, уходя, никогда не оглядываюсь! До чего же он был прекрасен! В окнах стояла герань. Я долгие годы занимался геранью. Она капризная вещь, герань, но в конце концов я нашел к ней подход. Я всегда любовался дверью подъезда, под которой было немного ступенек. Как ее описать? Она была массивная, крашена в зеленое, летом ее одевали таким белым в зеленую полоску чехлом с отверстием для громового дверного молоточка из кованого железа и щелью для писем, которую пружинящая медная планка защищала от пыли, мух и синиц. Ну да ладно. По бокам этой двери стояли две колонны такого же цвета, и на правой был звонок. Шторы так и дышали вкусом. Даже дым над одной из труб, а именно над кухонной и тот поднимался и таял в воздухе как-то задумчивей, чем у соседей, и как-то он был синей. Я смотрел на четвертый, последний этаж, на мое

безобразно распахнутое окно. Вовсю шла генеральная уборка. Еще час-другой, и они закроют окно, задернут шторы, все опрыскают дезинфекцией. Уж я их знал. Я бы так хотел умереть в этом доме. Я, будто в озарении, увидел, как раскрывается дверь и оттуда появляются мои ноги.

Я смотрел без стесненья, я же знал, что не станут они за мной следить из-за штор, хоть могли бы, если б захотели.

Но я их знал. Все разбрелись по своим клеткам и вернулись к своим трудам.

А что я им сделал?

Я плохо знал город, место моего рождения и первых шагов по жизни, а потом и всех остальных, которых, я думал, было достаточно, чтоб запутать мой след. Но я ошибался. Я же так мало выходил! Иной раз подойду к окну, раздвину шторы и выгляну. Но тут же спешу в глубь комнаты, к своей постели. Мне стало не по себе от бездны воздуха, у меня голова шла кругом от множества открывавшихся перспектив. Но сперва я возвел глаза к небу, откуда приходит к нам бесподобная помощь, где ни тропок, ни дорог, где плутаешь себе свободно, как по пустыне, и, куда ни глянь, ничто не мешает смотреть, если только зрение не подведет. Вот почему всегда, когда плохо, и это

даже скучно, но что поделать, я поднимаю глаза к небу, которое, даже хмурое и тяжелое, даже обложенное дождем, отвлекает от сутолоки и ослепления города и деревни — от нашей земли. Когда я был помоложе, я решил, что легче жить посреди равнины, и отправился на Люнебургскую пустошь. Думал про равнину, а отправился на эту пустошь. Было полно разных пустошей гораздо ближе, но какой-то голос все нашептывал мне: Вам нужна Люнебургская пустошь. Мне не очень-то будешь тыкать. Все, наверно, из-за лунности этой в названии. Ну и Люнебургская пустошь мне не понравилась, абсолютно не понравилась. Я вернулся разочарованный, но в то же время с облегчением. Да, сам не знаю, в чем дело, но я ни разу не чувствовал разочарования в молодые годы, а мне в молодые годы часто приходилось разочаровываться так, чтобы в то же время или там через минуту не почувствовать безусловного облегчения.

Сэмюэль Беккет. Париж, 1965 г.

Я двинулся в путь. Ну и походка! Скованность нижних конечностей, будто природа мне отказала в коленях, выкидыванье ног далеко по обе стороны от оси движения. Корпус, наоборот, будто под воздействием компенсирующего механизма, был дрябл, как рыхлый мешок с тряпьем, и дико раскачивался от непредсказуе-

мых вихляний таза. Я часто пробовал устранить эти дефекты, выпячивал грудь, сгибал колени и ставил ноги одни за другими, поскольку у меня было их по крайней мере пять или шесть, но кончалось всегда тем же, то есть потерей равновесия и вследствие нее падением. Надо ходить, не думая о том, что делаешь, как дышишь, и когда я ходил, не думая о том, что делаю, я ходил вышеописанным образом, а когда начинал себя контролировать, делал несколько весьма приличных шагов и затем уж падал. И я решил себя не насиловать. Этой поступью, полагаю, по крайней мере отчасти, я обязан некой склонности, от которой я так и не сумел избавиться окончательно и которая окрасила, разумеется, нежные годы юности, когда формируется характер, то есть я имею в виду период, протянувшийся, насколько хватает глаз, от первых Детских спотыканий за креслицем до третьего класса, где окончилось мое гуманитарное образование. У меня была тогда досадная привычка, налив или наложив в штаны, что происходило довольно регулярно рано утром от десяти до половины одиннадцатого, так и ходить до вечера, будто ничего не случилось. Даже мысль о том, чтоб переодеться или довериться маме, которая только и мечтала

мне помочь, почему-то, уж не знаю, ужасала меня, и до того как улечься спать, я носил между ягодицами или нашлепкой на заду едкое, липкое, вонючее следствие собственной невоздержанности. И осторожные эти движения, выбрасывание негнущихся ног и дикая раскачка корпуса, без сомнения, призваны были отвлечь, обмануть, создать иллюзию, будто я весел, воодушевлен и беспечен, и сделать правдоподобными мои объяснения по поводу негибкости моего низа, которую я относил на счет ревматической наследственности. Мой юный пыл, насколько он был у меня, растратился в этих усилиях, я сделался раздражителен, недоверчив, несколько опередил свое время, стал вечно прятаться и предпочитать горизонтальное положение. Жалкие юношеские поиски, которые ничего не объясняют. Так чего же стесняться. Будем рассуждать без зазрения совести, туман все равно не рассеется.

Погода была прелестная. Я шел по проезжей части, держась как можно ближе к тротуару. Самый широкий тротуар для меня узок, когда я иду, а я терпеть не могу стеснять незнакомых людей. Полицейский меня остановил и сказал: Трасса для транспорта, тротуар для пешеходов. Как по Писанию. Я ступил на тротуар, чуть ли не изви-

няясь, и там вышагал чуть не двадцать шагов несмотря на дикую давку, до того самого момента, когда мне пришлось броситься наземь, чтоб не раздавить малыша. Он был, помню, в такой сбруйке, вообразил себя пони, а то и першероном, с них станется. Я бы его с радостью раздавил, я терпеть не могу детей, малышей, да и ему бы на пользу, но я побоялся ответственности. Ведь все до единого — родители, это лишает последней надежды. На людных улицах надо отгородить особые дорожки для этих маленьких извергов, для их колясочек, сосочек, роликов, папочек, мамочек, нянюшек, словом, всяких там их удовольствий. Итак, я упал и при этом сшиб старую даму всю в блестках и кружеве и весом килограмм на сто. На поднятый ею визг не преминула сбежаться толпа. Я очень надеялся, что она сломала бедро, старухи часто ломают бедра, но недостаточно, нет, недостаточно. Я воспользовался сутолокой и ретировался, невнятно отругиваясь в том смысле, что пострадавший это я, что и имело место, да где докажешь. Детишек никогда не линчуют, что бы они ни выкинули, их заранее оправдают. Я бы лично с удовольствием их линчевал, не скажу — приложил бы руку, зачем, я не жесток, но я подзадоривал бы других и по окончании

мероприятия выставил бы выпивку. Но не успел я возобновить свои брыканья, меня задерживает второй полицейский, до такой степени похожий на первого, что я даже подумал, уж не тот ли это самый. Он указал мне, что тротуар существует для всех, будто со всей очевидностью понимал, что меня к этой категории отнести невозможно. Неужели вы хотите, говорю, даже ни на секунду не помыслив о Гераклите, чтоб я провалился в сточную канаву? Проваливайтесь куда хотите, он говорит, но только и другим дайте место. Я прицелился в его верхнюю губу и на нее дунул. И у меня, по-моему, совершенно естественно это получилось, как вот человек под давлением ужасных обстоятельств испускает глубокий вздох. А ему хоть бы что. Притерпелся, видимо, к эксгумациям. Если не можете ходить как все, говорит, и сидели бы у себя дома. Я был с ним совершенно согласен. И мне не могло не польстить, что он приписал мне наличие дома. Тут, как бывает порой, мимо как раз проходила похоронная процессия. И началось это порхание шляп и одновременно мелькание бесчисленных пальцев. Я лично, если б уж пришлось мне себя осенять крестным знамением, постарался бы это сделать как следует — переносица, пуп, левый

сосок, правый сосок. А на них поглядеть, как они крестились, тяп-ляп, можно было подумать, что Его пригвоздили в скрюченной позе, абсолютно недостойной, колени под подбородком, руки еще не поймешь где. Особенно рьяные замирали и бормотали. Ну а полицейский, тот застыл, закрыл глаза и отдал честь. В окошках кортежа я разглядел скорбящих, занятых оживленной беседой, не иначе они вспоминали эпизоды из жизни дорогого усопшего или усопшей. Я слыхал, кажется, что конская сбруя тут в обоих случаях разная, но так и не разобрался, что к чему. Лошади выпускали навоз и газы, можно подумать, на ярмарку собрались, и я что-то не заметил, чтобы кто-нибудь встал на колени. Да, быстро это у нас, последний путь, как ни поспешай, а задний фиакр, с прислугой, скоро тебя обгонит, развлечение кончено, зеваки разбрелись, и думай опять о своих делах. Так что я остановился на тротуаре в третий раз, уже по собственному почину, и нанял извозчика. Видно, фиакры, набитые щебечущей публикой, произвели на меня сильное впечатление. Это такой большой черный кузов, он покачивается на рессорах, оконца маленькие, ты съеживаешься в углу, и там пахнет затхлым. Моя шляпа уперлась в крышу. Немного погодя я

наклонился вперед и закрыл окно. Потом пересел против движения. И вздремнул было, но тут меня разбудил голос, голос кучера. Он открыл дверь, видно, отчаявшись до меня докричаться через стекло. Я видел только его усы. Куда, спрашивает, прикажете? Слез с козел исключительно ради того, чтоб задать мне этот вопрос. А я-то думал, что мы уж бог знает куда отъехали! Я стал искать в памяти название какой-нибудь улицы или монумента. Ваш фиакр случайно не продается? — я его спрашиваю. И прибавил: Только без лошади. Зачем мне лошадь нужна? Ну а фиакр мне зачем? В нем и ноги не вытянешь. И кто еду носить будет? К зоологическому саду, говорю. Редко какая столица обходится без зоологического сада. И прибавил: Вы не спешите. Он засмеялся. Наверно, его позабавила мысль, что он может спешить в зоологический сад. Если только не перспектива остаться без фиакра. А скорей всего это он надо мной, над моей персоной, которая так преобразила фиакр, что, видя мою шляпу под крышей, колени в окне, кучер вдруг усомнился, его ли это фиакр да и фиакр ли вообще. Словом, кто когда сам разберет, над чем смеется? Он, во всяком случае, смеялся недолго, значит, видимо, не надо мной. Задвинул шторки и снова влез на козлы. И

вскоре после этого лошадь пошла.

Да, как ни странно, у меня в тот период были еще кой-какие деньги. Насчет небольшой суммы, которую в качестве дара, без всяких оговорок, оставил мне после смерти отец, я до сих пор себя спрашиваю, не украли ли ее у меня. Потом ее уже не было. Моя жизнь, однако, продолжалась, и даже так, как мне хотелось, за исключением одного «но». Главное неудобство состояния, которое можно определить как абсолютную покупательную неспособность, заключается в том, что оно вынуждает вас шевелиться. Например, оказавшись совсем без гроша, очень редко дождешься, чтоб тебе, в твое логово, хоть когда-никогда носили еду. Вот и надо выходить и шевелиться, по крайней мере раз в неделю. Домашнего адреса при таких обстоятельствах у вас определенно не будет. Соответственно, лишь с известной отсрочкой, до меня дошло, что меня разыскивают по какому-то моему личному делу. Уж не помню, каким путем. Газет я не читал, в беседу, помню, в те годы ни с кем не вступал, разве что раза три-четыре по вопросам питания. Но во всяком случае, какие-то сведения до меня безусловно дошли, иначе зачем бы я пошел к адвокату Ниддеру — странно, как это некоторые фамилии совер-

шенно не вылетают из головы, — да и он зачем бы стал меня принимать? Он удостоверил мою личность. На это ушло кой-какое время. Я ему показал металлические инициалы на подкладке моей шляпы, они ничего не доказывали, но кое-что проясняли. Подпишитесь, он сказал. Он поигрывал цилиндрической линейкой, которой бы можно быка уложить. Сосчитайте, он сказал. Какая-то девица, возможно продажная, при этом присутствовала, конечно, в качестве свидетельницы. Я сунул пачку в карман. Он сказал: Это вы зря. Я сообразил, что он должен бы мне предложить сперва сосчитать, потом подписать, так оно правильней. Где вас найти, он спросил, в случае надобности? Уже внизу я кое-что вспомнил. Вскоре я вернулся и спросил, откуда эти деньги, и прибавил, что я имею право знать. Он мне назвал фамилию какой-то женщины, я позабыл. Возможно, она меня колыхала, когда я был еще в пеленках, а я строил ей глазки. Иной раз такого достаточно. Я же сказал — в пеленках, потом-то какие уж глазки. Вот, значит, благодаря этим деньгам у меня и оставалось немного. Очень даже немного. Поделенное на мою оставшуюся жизнь, получалось сущее ничто, если только мои подсчеты не грешили пессимизмом. Я постучал

по переборке возле своей шляпы, прямо по спине кучера, если я верно рассчитал. Из обшивки посыпалась пыль. Я вынул из кармана камень и стал стучать камнем, пока фиакр не остановился. Я заметил, что он не затормозил, как большинство видов транспорта, прежде чем остановиться. Нет, он остановился сразу. Я ждал. Фиакр трясся. Кучер на козлах, наверно, вслушивался. Я будто так и видел лошадь перед своими глазами. Она не приняла унылой позы, свойственной ей во время более кратких запинок, стояла чутко, навострив уши. Я глянул в окно, оказалось, мы уже едем. Я снова стал стучать по переборке, пока фиакр снова не остановился. Кучер, чертыхаясь, сходил с козел. Я опустил окно, чтоб он не вздумал открывать дверь. Скорей, скорей. Он покраснел, стал, можно сказать, фиолетовым. От злости, а может, от встречного ветра. Я ему сказал, что нанимаю его на весь день. Он ответил, что в три у него похороны. Ах, эти мертвые. Я сказал, что в зоологический сад мне что-то не хочется. Давайте не поедем в зоологический сад, говорю. Он ответил, что ему все равно, куда бы ни ехать, лишь бы не очень далеко, чтоб скотинку не мучить. А нам толкуют о специфике простонародной речи. Я спросил, не знает ли он, где тут можно поесть. И

прибавил — вы будете есть со мной. Я предпочитаю ходить в такие места с завсегдатаем. Там был такой большой стол с двумя скамьями совершенно равной длины. Он мне рассказывал через стол про свою жизнь, свою жену, свою скотинку и снова про свою жизнь, суровую жизнь, в основном из-за его характера. Он спрашивал, соображаю ли я, что такое — торчать в любую погоду на улице? Я узнал, что некоторые извозчики до сих пор спокойно весь день проводят *в тепле,* забившись в фиакр, покуда их не растолкает клиент. Это хорошо было раньше, а теперь времена другие, так нельзя, если не хочешь пропасть на старости лет. Я обрисовал ему свое положение, чего я лишился, к чему я стремлюсь. Мы оба делали все возможное, чтоб понять, объяснить. Он понял, что я лишился своей комнаты и мне нужна другая, все остальное от него ускользнуло. Он вбил себе в голову, и не выбьешь, что я ищу меблированную комнату. Он вынул из кармана вечернюю газету, вчерашнюю, а может, позавчерашнюю, счел своим долгом просмотреть объявления, и пять-шесть из них подчеркнул карандашом, тем самым, который подрагивал над будущими призерами. Разумеется, он подчеркивал те, которые подчеркнул бы на моем месте, а может, те, что

поближе, чтоб не мучить скотинку. Я бы только смутил его, если б стал объяснять, что не потерплю в своей комнате мебели, кроме кровати, и все прочее, включая тумбочку, придется выкинуть прежде, чем туда ступит моя нога. Часа в три мы разбудили лошадь и снова двинулись в путь. Кучер мне предлагал сесть на козлы, с ним рядом, но я почему-то уже давно мечтал о внутренности фиакра, и я вернулся туда. Мы проверили — систематически, я надеюсь! — один за другим все адреса, какие он подчеркнул. Короткий зимний день клонился к концу. Иной раз мне кажется, что такие только дни я и помню, и особенно этот последний, прелестнейший миг перед еженощным затмением. Адреса, которые он подчеркнул, вернее, отметил крестиком, как водится у простонародья, он перечеркивал по диагонали, когда они не оправдывали надежд. Потом он показал мне газету и советовал сохранить, чтоб зря туда не тыкаться по второму разу. Несмотря на закрытые окна, скрип рессор и уличный шум, я слышал, как он поет, в одиночестве, в вышине у себя на козлах. Он предпочел меня похоронам, и это был непреходящий факт. Он пел: Милый в дальней, в дальней стороне лежит, — единственное, что я запомнил. При каждой остановке он

слезал со своего места и помогал мне слезть с моего. Я звонил у двери, которую он мне указывал, иногда я исчезал в доме. Смешное такое чувство, помнится, после всего вдруг опять очутиться в доме. Он ждал меня на тротуаре и подсаживал в фиакр. Мне начинал смертельно надоедать этот кучер. Он снова взбирался на козлы, и снова мы трогались в путь. И вот произошло следующее. Он остановился. Я стряхнул оцепенение и приготовился выйти. Но он не слез, не открыл дверь, не подал мне руку, и пришлось мне вылезать самому. Он зажигал фонари. Я люблю керосиновые лампы, хоть они, со свечами вместе и если не считать звезд, были первыми огнями моего детства. Я спросил, можно ли мне зажечь второй фонарь, раз уж первый он сам зажег. Он дал мне коробок спичек, я приподнял стекло, такое круглое, на шарнирах, зажег и сразу закрыл, чтоб фитилек горел себе ровно и ярко, не боясь никакого ветра в своем маленьком домике. Мне досталась эта радость. Мы ничего не различали при фонарях, только смутные очертания лошади, зато другим издали были видны две наших желтых плавучих в ночи луны. Когда упряжка сворачивала, виден был глаз, красный или, бывало, зеленый, такой выпуклый ромб, четкий, пронзительный, как в

витраже.

Когда мы проверили последний адрес, кучер предложил доставить меня в одну знакомую гостиницу, где меня не обидят. Все сходится, кучер, гостиница, да, вполне совпадает. С его рекомендацией мне ни в чем не будет отказа. Все удобства — и он подмигнул. По моим расчетам, разговор происходил на тротуаре возле дома, из которого я только что вышел. Помню, под фонарем лошадиный бок, впалый и потный, на дверной ручке рука кучера в шерстяной рукавице, и сам я, на голову выше фиакра. Я ему предложил пропустить по стаканчику. Лошадь весь день не пила, не ела. Я указал на это кучеру, но он ответил, что его скотинка не питается, пока не вернется в стойло. Как что съест на работе, хоть яблоко, хоть кусок сахару, у нее живот разболится до колик, шагу не может ступить, и как бы не пала. Так что ему приходится ей стягивать пасть ремнем, когда почему-то такое надо из глаз ее выпустить, чтоб потом не расплачивалась за ласку прохожих. После одного-другого стаканчика кучер попросил меня оказать им честь, им с женой, переночевать у них в доме. Припоминая все это, теперь уже, слава богу, спокойно, я думаю, что целый день он только и делал, что кружил возле своего жилья.

Они жили над сараем в глубине двора. Прекрасное место, я бы не отказался. Познакомив меня со своей женой, на редкость пышнотелой особой, кучер исчез. Ей было наедине со мной явно не по себе. Я ее понял, я в таких случаях не стесняюсь. Нет никаких оснований ни кончать, ни тянуть. Так лучше уж кончить. Я сказал, что пойду вниз, в сарай, и там буду спать. Кучер протестовал. Я настаивал. Он обратил внимание жены на гнойник у меня на темени, потому что я снял шляпу, как воспитанный человек. Его ж лечить надо, жена говорит. Кучер упомянул доктора, которого он глубоко уважал, который его избавил от затвердения на заду. Раз он хочет в сарае спать, говорит жена, и пусть себе спит. Кучер взял со стола лампу и повел меня за собой в сарай, по лестнице, по приставной, в общем, а жену оставил в темноте. Он расстелил в углу на соломе попону и оставил мне коробок спичек на случай, если мне ночью вдруг что-то понадобится разглядеть. Не помню, что в это время делала лошадь. Лежа во тьме, я слышал звук, который она производила, когда пила, такой особенный звук, внезапные перебежки крыс, а наверху приглушенные голоса кучера с женой, которые подвергали меня критике. В руке у меня был коробок, большой коробок швед-

ских спичек. Ночью я встал и чиркнул спичкой. В короткой вспышке я определил расположенье фиакра. Меня охватило, потом отпустило желанье подпалить сарай. Я в темноте пробрался к фиакру, открыл дверь, крысы высыпали наружу, я залез внутрь. Располагаясь, я вдруг заметил, что фиакр не стоит уже прямо, что неизбежно, если оглобли лежат на земле. Так даже лучше, я мог хорошенько откинуться и устроить ноги выше головы на другом сиденье. Несколько раз в течение ночи я чувствовал, как лошадь на меня смотрит через окно, чувствовал пар из ее ноздрей. Расседланная, она, видимо, находила странным мое присутствие в фиакре. Я замерз, потому что забыл захватить попону, но не настолько, чтоб найти в себе силы за нею пойти. Через окно фиакра я видел окно сарая, все ясней и ясней. Я вышел из фиакра. В сарае было уже не так темно, я смутно различал ясли, кормушку, повешенную упряжь, да, что еще, ведра, скребницы. Я подошел к двери, но не смог ее открыть. Лошадь не спускала с меня глаз. Интересно, спят они когда-нибудь или нет, эти лошади? Мне показалось, что кучер ее привязал, наверно, к чему-то, например, к яслям. Так что мне пришлось вылезать в окно. Это было нелегко. А что легко? Сперва я высунул голову и

уперся руками в землю, а сам еще протискивал бедра, застрявшие в раме. Так и помню эти пучки травы, которые я тянул обеими руками, чтобы высвободиться. Мне бы снять пальто и бросить в окно, но это еще надо было сообразить. Я ничего не соображал, пока не вышел со двора. Усталость. Я сунул купюру в спичечный коробок, вернулся во двор и положил коробок на окно, из которого только что вылез. Лошадь стояла у окна. Но, пройдя по улице несколько шагов, я вернулся и взял купюру обратно. Спички я оставил, спички были не мои. Лошадь все стояла у окна. Осатанела мне эта лошадь. Едва рассветало. Я не знал, где я. Я взял направление в ту сторону, где, по всей вероятности, должно было взойти солнце, чтобы скорее попасть на свет. Мне бы морской горизонт или пустынный. Утром, когда я под открытым небом, я иду навстречу солнцу, а вечером я его провожаю до самой страны мертвых. Не знаю, зачем я рассказал эту историю. С таким же успехом мог рассказать и другую. Может, еще как-нибудь и соберусь рассказать. Люди добрые, вы увидите, до чего они все похожи.

Первая любовь

Правильно или нет, но свою женитьбу я связываю со смертью отца — во времени. Возможно, эти два события еще как-то между собой связаны. Не знаю. Лучше б меня спросили что полегче.

Недавно я побывал на могиле отца, уж это-то я знаю, и выяснил дату его кончины, только кончины, дата его рождения в тот день меня совершенно не интересовала. Я вышел утром и вернулся вечером, я слегка перекусил на кладбище. Но через несколько дней мне захотелось узнать, в каком он возрасте умер, и пришлось вернуться на могилу выяснять дату рождения. Эти две пограничные даты я записал на бумажке, и бумажку всегда ношу с собой. Вот почему я в состоянии утверждать, что мне было лет двадцать пять ко времени моей женитьбы. Потому что дату моего собственного рождения — моего собственного рождения, говорю, — я никогда не забываю, и не надо мне ее записывать, она запечатлена в моей памяти, год, по крайней мере, и жизни не стереть эти цифры. Да и день вспоминается, если сосредоточиться, и часто я его праздную, не скажу, каждый раз, как вспомню, это слишком

часто бывает, но, в общем, часто.

Я лично ничего не имею против кладбищ, мне нравится там гулять, наверно, больше даже, чем где-то еще, если уж надо дышать воздухом. Трупный запах, который я четко различаю среди запахов перегноя и трав, я нахожу довольно приятным. Может, чуть-чуть слишком сладкий, чуть-чуть, может, пряный, но насколько же он предпочтительней того, чем пахнут живые, их зубы, подмышки, ноги, зады, вялая крайняя плоть и обманутые яйцеклетки. А когда вносят свой, пусть скромненький, вклад отцовские останки, я просто чуть не роняю слезу. Как живые ни моются, как ни прыскаются духами — от них воняет. Да, для прогулок, если уж так необходимо гулять, оставьте мне кладбища, а сами гуляйте себе по общественным паркам и на лоне природы. Мой бутерброд, мой банан кажутся мне вкусней, когда я сижу на могиле, а если приспеет пора помочиться, что нередко бывает, у меня тут богатейшие возможности. А еще я хожу, заложив руки за спину, среди камней, плоских, наклонных, поверженных, и коллекционирую надгробные надписи. Они никогда не обманывают моих ожиданий, всегда найдется три-четыре штучки таких изумительных, что только за крест держись, или

за стелу, или за ангела, чтоб не упасть от смеха. Собственное надгробие я уж давно сочинил, и вышло недурно, да, ничего себе вышло. Обычно, что ни напишу, мне тошно делается, едва просохнут чернила, а вот эпитафия моя мне до сих пор нравится. К сожалению, у нее мало шансов красоваться над породившим ее черепом, разве что расстарается государство. Но чтоб меня эксгумировать, меня сперва надо найти, а я сильно опасаюсь, что государству трудновато будет найти меня, живого или мертвого. А потому и спешу запечатлеть ее тут же, пока не поздно:

Он избегал всего. Под камнем сим итог,
Которого он избежать не мог.

Размер прихрамывает, но это, по-моему, не важно. То ли мне еще простят, когда меня не будет. А еще, если повезет, можно попасть на погребение по всей форме — со скорбящими в трауре, а то и с безутешной вдовой, которая норовит прыгнуть в могилу. И всегда почти — эти милые разговоры насчет праха, хоть, по моим личным наблюдениям, нет ничего, похожего на прах в меньшей степени, чем жирные ямы, да и покойник обычно отнюдь не рассыпчат, если, конечно, он не сгорел на костре. Не важно. Просто изумительно, как они суетятся по поводу праха.

Но отцовское кладбище нравилось мне отнюдь не больше других. Во-первых, оно было ужасно далеко, в глуши, на горе, и потом — маленькое, страшно маленькое. Да вдобавок оно уже почти укомплектовалось, еще одна-две вдовушки — и конец. Я определенно предпочитал Ольсдорф, участок Линна особенно — прусская почва, девятьсот гектаров плотно утрамбованных трупов, хоть я никого там не знал, только укротителя Хагенбека, и то понаслышке. На памятнике высечен, кажется, лев. Смерть, получается, имела для Хагенбека обличие льва. Туда-сюда сновали автобусы, набитые вдовами, вдовцами, сиротками. Гроты, боскеты, искусственные пруды с лебедями для услады скорбящих. Дело было в декабре, я дико продрог, живот разболелся после черепахового супа, я думал — умру, остановился, меня вырвало, и я позавидовал им.

Но — обращаясь к менее грустным материям — после смерти отца меня выгнали из дому. Это он хотел, чтоб я жил дома. Странный был человек. Раз как-то говорит: оставьте его в покое, он же никому не мешает. Он не знал, что я слушаю. Возможно, он нередко высказывал эту мысль, просто в другие разы меня не было рядом. Завещание мне так и не показали, сказали только,

что вот, мол, мне оставлена такая-то сумма. Я тогда же подумал, и сейчас я думаю, что он оговорил в завещании, чтоб мне оставили комнату, которую я при нем занимал, и еду чтоб носили как прежде. Может, он даже это поставил первейшим условием. Наверно, ему нравилось, что я у него под боком, а то зачем бы он стал меня защищать, когда меня выгнать хотели? А может, он меня просто жалел. Ну нет, вряд ли. Завещал бы он мне весь дом, вот бы я жил припеваючи, да и другие, ведь я бы созвал их, я бы сказал — живите, живите, пожалуйста, это ваш дом. Дом-то громадный. Да, он здорово просчитался, бедняга отец, если действительно хотел покровительствовать мне с того света. Насчет денег — это надо правду сказать, они мне их выдали сразу по погребении. Может, права не имели тянуть? Я им сказал: Возьмите ваши деньги и разрешите мне тут жить по-прежнему, как при жизни папы. И прибавил: Царствие ему небесное, — чтоб к ним подольститься. Но они отказали. Я предлагал им свои услуги — по нескольку часов ежедневно, для мелких работ, которые требуются в каждом доме, чтоб он не развалился. Разные мелкие поделки — это еще почему-то такое вполне сносная вещь. В частности, я предлагал присмотреть за тепли-

цами. Я б с удовольствием проводил три-четыре часа на жаре и колдовал бы над помидорами, гвоздиками, гиацинтами, сеянцами. Только мы с отцом во всем доме и понимали в помидорах. Но они отказали. Как-то я вернулся из сортира и вижу — комната моя заперта на ключ и пожитки свалены перед дверью. Отсюда вы можете заключить, насколько я в те времена страдал запорами. На нервной почве, по-видимому. Но действительно ли это был запор? Нет, вряд ли. Спокойно-спокойно. А с другой стороны, все же запор, наверно, ведь иначе зачем бы мне без конца торчать и терзаться в сортире? Читать я там не читал, я вообще не читал, я не мечтал и не рассуждал, я тупо смотрел на календарь, пришпиленный у меня перед носом, на цветную картинку (юноша с бородкой посреди овец, Иисус, без сомненья), я раздвигал руками ягодицы и тужился — эх-ха, эх-ха, — раскачивался, как гребец, и ждал, ждал, когда же можно будет вернуться к себе в комнату и растянуться на постели. Ну что это как не запор? Или я с поносом путаю? Я все, совершенно все путаю — кладбища, бракосочетания, различные виды стула. Пожитки мои были немногочисленны, их свалили на полу, против двери. Я так и вижу эту кучу в темном углублении

между моей комнатой и площадкой. В этом-то закутке, отгороженном только с трех сторон, мне и пришлось переодеваться, то есть сменить халат и ночную рубашку на дорожный костюм, то есть ботинки, носки, брюки, рубашку, пиджак, пальто и шляпу — надеюсь, я ничего не забыл. Прежде чем уйти, я подергал другие двери, повертел ручки, потолкался — ни одна не поддалась. Наверно, поддайся хоть одна дверь, я забаррикадировался бы в комнате, и пусть меня газом выкуривают. Я чувствовал, что в доме полно людей, как всегда, но я никого не видел. Наверно, все забились по комнатам и навострили уши. Чтоб сразу метнуться к окнам, затаиться за шторами, как только за мною хлопнет парадное. Мне б его открытым оставить. Ну, а там уж — распахиваются двери, все высыпают наружу, мужчины, женщины, дети, каждый из своей комнаты, и — голоса, вздохи, смех, рукопожатья, в руках ключи, и ахи, и охи, и — подумать только, скажите пожалуйста, и — к столу, к столу, а у него с уборкой успеется. Все, конечно, воображение одно, меня-то уже не было. Все, возможно, случилось иначе, но какая разница — как, раз уж случилось. И ведь это все губы, целовавшие меня, любившие меня сердца (любят же сердцем, ведь правда, или опять я

что-то путаю?) и руки, игравшие моими руками, умы, которым чуть не удалось меня покорить! Ей-богу, странные создания люди. Бедный папа, вот небось дерьмово он себя чувствовал в тот день, если он видел меня, видел нас, ну то есть из-за меня ему было дерьмово. Если, конечно, в великой бестелесной премудрости своей он не был более прозорлив, чем его сын — еще не вполне готовенький труп.

Но обращаясь к более веселым материям — женщину, с которой я связал судьбу, звали Люлю. Так, по крайней мере, она меня уверяла, и я не вижу, какой ей был резон врать. Хотя кто его знает. Она была не француженка и произносила Лулу, ну и я не француз и тоже произносил Лулу. Мы оба произносили Лулу. Она и фамилию мне называла, но я позабыл. Мне б записать на бумажке, терпеть не могу, когда забываются имена собственные. Я познакомился с ней на скамейке, на берегу канала, в нашем городе их целых два, но я вечно их путаю. Скамейка была расположена на редкость удачно, сзади груда земли и мусорная куча прикрывали мои тылы. Фланги тоже были прикрыты, благодаря парочке деревьев, старинейших и даже скорее мертвых, которые с обеих сторон заслоняли скамью. Без сомненья, деревья

эти, в погожий день поигрывая листвой, и заронили когда-то в чью-то голову мысль о скамейке. Спереди, в расстоянии нескольких метров, тек канал, если вообще каналы текут, я лично не знаю, так что и с этой стороны риск был небольшой, что меня застигнут врасплох. И однако, она меня застигла врасплох. Я растянулся, было тепло, я смотрел сквозь голые ветки, которые два дерева дружно сплели в вышине, сквозь плавучие облака на мелькавший звездный лоскут. Подвиньтесь, сказала она. Первым моим поползновением было удалиться, но я устал, и мне некуда было идти — по этим причинам я и остался. Я слегка подобрал ноги, и она села. В тот вечер ничего между нами не было, и скоро она, не говоря ни слова, встала и ушла. Она только пела, тихонько, как бы про себя и, слава богу, без слов, какие-то старые народные песни, но бессвязно, одну начнет, бросит, заведет другую, перескочит на прежнюю — даже странно. Голос, хоть фальшивый, был у нее приятный. Я угадывал душу, которой сразу приедается все, которая не прикипит ни к чему, в общем, наверно, не такую говенную, как все остальные. Скамейка ей сразу обрыдла, ну а я — тут ей одного взгляда хватило. На поверку она оказалась очень даже упорной женщиной.

Пришла и назавтра, и еще на другой день, и все было примерно то же. Ну может, перекинулись двумя-тремя фразами. На другой день лило, и я чувствовал себя в безопасности, но я просчитался. Я спросил, собирается ли она мне мешать каждый вечер. Я вам мешаю? — она спрашивает. Тут она, конечно, посмотрела на меня. Немного же она разглядела. Ну, веки, отчасти лоб, нос — да и то смутно, поскольку было темно. А мне казалось, говорит, нам с вами хорошо. Вы мне мешаете, я говорю, я из-за вас не могу ноги вытянуть. Я это буркнул в воротник, но она расслышала. Вам так уж хочется вытянуть ноги? — спрашивает. Вот, никогда не надо ни с кем в разговоры вступать. А вы кладите ноги ко мне на колени, она сказала. Я не заставил себя упрашивать и почувствовал под своими несчастными икрами ее пышные формы. Она стала гладить мне щиколотки. Не трахнуть ли ее, думал я. Вот, пожалуйста, вы говорите человеку, что ноги хотите вытянуть, и он уже видит распростертое тело. Положение моего каркаса, правда, весьма мало занимало меня, короля без подданных, по сравнению с той опрокинутостью души, когда мутится всякое представление о себе и о том нагромождении гнусной никчемности, которое известно под названием внешней среды,

или, если хотите, мира. Но современный человек двадцати пяти лет время от времени еще возбуждается, в том числе и физически, и я не избег общей участи, если можно было это назвать возбуждением. Она, разумеется, все сразу учуяла, женщины это чуют за десять километров и удивляются: Как это он меня на таком расстоянии углядел? И тут ты перестаешь быть собой, а ведь это ужас — перестать быть собой, хуже даже, чем быть собой. Там хоть знаешь, какие есть против этого средства, ну а когда ты уже не ты — ты невесть кто, просто некто, никто, и здесь ничего не поделаешь. То, что называют любовью, — это ссылка и редкие весточки с родины — вот что я понял в тот вечер. Когда она затихла и мое «я» вернулось ко мне, утихомиренное мгновенным беспамятством, я оказался в одиночестве. Иногда я думаю: может, все воображенье одно, может, события шли совсем иным ходом, который мне просто надо было забыть? И все же образ ее связан для меня со скамейкой, не с ночной, а с вечерней скамейкой, так что, когда ни заговорю про скамейку, какой она мне рисовалась по вечерам, я говорю и про нее. Это ничего не доказывает, но я ничего и не собираюсь доказывать. Ну а насчет скамейки среди бела дня, тут и слов тратить не

стоит, это меня не касается, я уходил до рассвета и возвращался в сумерки. Да, днем я рыскал в поисках пропитания и убежища. Если вы спросите, а вам, конечно, не терпится, куда я дел деньги, которые мне оставил отец, я отвечу, что никуда их не дел, они у меня лежали в кармане. Я знал, что не вечно мне быть молодым, и лето длится не вечно, и даже осень, так мне подсказывал мой буржуазный рассудок. В конце концов я ей объявил, что, мол, хватит. Она ужасно мне мешала, даже когда ее не было рядом. Она и сейчас мне мешает, но теперь уж не больше других. И мне теперь все равно, мешают мне, нет ли, ну, почти все равно, да и что такое мешают, пусть, даже лучше, я теперь изменил тактику, я удвоил ставки, удесятерил, и скоро конец, и недолго осталось, и недолго уж болтать про нее, про кого-то, про говенные кучи, про райские кущи. Значит, вы не хотите, чтоб я приходила? — она переспрашивает. Просто немыслимо, как это люди вечно все переспрашивают, будто сейчас их поволокут на костер, если они поверят собственным ушам. Ну, я ей сказал, чтоб иногда приходила. Я тогда плохо знал женщин. И сейчас плохо знаю. И мужчин. И животных. Получше я знаю свои боли. Я думаю про них ежедневно, это быстро, мысли бегут

быстро, но они не только у меня в мыслях, не все. Да, выпадают часы, особенно под вечер, когда я себя чувствую синкретическим ala Рейнольд. Какое равновесие! Но вообще я и боли свои плохо знаю. Наверно потому, что они не всего меня заполняют. Вот ведь что. И когда они утихают, я до изумления отдаляюсь от них и наблюдаю их будто с другой планеты. Редко бывает, но все же. Ну жизнь! Ничего не ощущать, кроме боли, — как бы это все упростило. Заделаться всеболящим! Но с кем это я вздумал соперничать, нечестивец. И все же как-нибудь, если вспомню, если смогу, я опишу вам мои любопытные боли в подробностях, для наглядности подразделив их на виды. Боли в сердце, терзанья ума, эмоциональные муки, душевная боль (самый, самый смак — душевная боль) и, наконец, боли чисто физические, сперва глубинные, скрытые, потом все более явные, начиная с корней волос, неуклонно ползком — ниже, ниже, к ногам, любимому местопребыванью мозолей, судорог, волдырей, плоскостопья, вросших ногтей, обмороженных пяток и прочая, прочая. А тем, кто согласился бы слушать, я описал бы, в подтвержденье теории, вот автора только не помню, те мгновенья, когда, не напившись, не нанюхавшись, не колясь, все

равно ничего совершенно не чувствуешь. Далее она, естественно, пожелала узнать, что я имею в виду, когда говорю «иногда», ей-богу, лучше бы мне вообще рта не раскрывать. Раз в неделю? Раз в десять дней? Два раза в месяц? Я сказал — реже, гораздо реже, гораздо-гораздо реже, никогда, если удастся, а если нет, то как можно реже. И на другой же день (что существенней) я бросил скамейку, не столько из-за Люлю, сколько из-за самой скамейки, так как, во-первых, она уже не соответствовала моим требованиям, хоть и весьма скромным, когда начались холода, а во-вторых, с какой стати я вам буду отчитываться, и нашел прибежище в брошенном хлеву, повстречавшемся на моем жизненном пути. Он стоял на краю поля, изобиловавшего скорей крапивой, чем травой, и скорей грязью, чем крапивой, но отличавшегося, по-видимому, исключительно плодотворной почвой. В этой-то закуте, заваленной сухими коровьими лепешками, которые оседали со вздохом, когда я тыкал в них пальцем, впервые в жизни (я рад бы сказать «и в последний», будь у меня морфий под рукой) мне пришлось бороться с чувством, которое, к моему ужасу, постепенно обрело страшное имя любви. Прелесть наших мест, кроме, конечно,

скудного населения — хоть презервативов не достать, — состоит в том, что все тут пришло в жуткий упадок, единственно за исключением разных исторических древностей. За ними гоняются, их собирают, набивают и обозревают. Где бы ни сбросило время катушек помета — глядь, уж вокруг патриоты с горящими лицами его обнюхивают на четвереньках. Это рай для бездомных. *И* мне раздолье. Все так и требует от тебя распростертости. Не вижу между этими сужденьями связи. Но связь есть, очень даже есть, это уж точно. Только какая? Итак, я ее любил, вот как я называл, да и сейчас, увы, называю то, чем я тогда занимался. У меня не было точки отсчета, раньше я никого не любил, но, конечно, слыхивал про эти дела дома, в школе, бардаке, в церкви и романы читал под руководством наставника по-английски, по-французски, по-немецки, по-итальянски, в которых говорилось о любви. Так что в состоянии был сообразить, что со мной, когда вдруг спохватывался, что пишу имя Люлю на старой коровьей лепешке или, лежа ничком в грязи под луной, тужусь выдернуть с корнем крапиву. Крапива была колоссальная, чуть не метровая крапива, и мне становилось легче, когда я ее дергал, но ведь мне совершенно

не свойственно так поступать с сорняками, я бы, наоборот, навозом их удобрял, если б он у меня был. Другое дело цветы. Любовь обнаруживает худшее в человеке, это мое убеждение. Но какая же именно это была любовь? Любовь-страсть? Нет, вряд ли. Ведь любовь-страсть — это что-то развратное, правда? Или я путаю с какой-то другой разновидностью. Их ведь тьма-тьмущая, правда? И одна другой изумительней, да? Платоническая любовь, например, да, вот как раз пришло в голову. Она бескорыстна. Может, я любил ее платонически? Что-то не верится. Стал бы я писать ее имя на засохшем дерьме, если б любил ее чистой, бескорыстной любовью? И еще потом облизывать палец. Да бросьте вы. Я думал о Люлю, может, этим не все сказано, но кое-что сказано, по-моему. А вообще-то мне надоело это имя — Люлю, лучше я дам ей другое, на сей раз односложное, Анна, например, оно не односложное, но не важно. Ну вот, значит, я думал об Анне, и это я, приучивший себя ни о чем не думать, кроме как о своих болях, и то вкратце, и о мерах, которые необходимо принять, чтоб не умереть от голода и холода или со стыда, но ни под каким видом не о живых существах, как таковых (интересно, что это значит?), что бы я ни заявлял

прежде и не стану утверждать впредь. Я ведь всегда говорил и, конечно, всегда буду говорить о вещах, которых не существует, или ладно, пусть они существуют, пусть будут вечно существовать, но совершенно не в том разрезе. Например, кепи — да, они существуют, и мало надежды, что переведутся когда-нибудь, но я лично никогда не носил кепи. Где-то я написал: Они дали мне... шляпу. Но никакие «они» никакой шляпы мне не давали, у меня всегда была моя собственная шляпа, которую дал мне отец, и никакой другой у меня никогда не было. Она, кстати, последовала за мною в могилу. Значит, я думал про Анну, подолгу-подолгу, по двадцать минут, по двадцать пять, чуть не по полчаса в день. *Я* получил эти цифры, складывая другие, менее крупные. Видно, иначе я не умею любить. Следует ли отсюда, что ее я тоже любил той интеллигентской любовью, из-за которой потом поналомал столько дров? Вряд ли. Ну стал бы я тогда развлекаться, корябая имя Люлю на тех незапамятных навозных лепешках? И выдергивать эту крапиву? И чувствовать у себя под головой осатанелые валики ее бедер? Чтоб положить конец, пытаясь положить конец этой пытке, я как-то вечером отправился к скамейке в тот самый час, когда она прежде ко мне туда

приходила. Ее не было, я прождал понапрасну. Был уж декабрь, может даже, январь, холод был соответственный, крепкий, сильный, отменный, как все соответственное. Но, вернувшись к себе в хлев, я стал рассуждать, что час на циферблате — это одно, а на окраске неба, ну и на сердце он отображается весь год по-разному, тут день на день не приходится, и такими-то мыслями я тешил себя до утра. Назавтра я пришел к скамейке раньше, гораздо раньше, только-только в начале ночи, и все равно опоздал, потому что она была уже тут как тут, на скамейке, под ветвями, позвякивавшими от инея, перед заледенелой водой. Говорил же я вам — редкого упорства была женщина. Куча земли стала сизая вся от холода. *Я* ничего не чувствовал. Какой у нее резон меня преследовать? — спросил я. Я не садился, прохаживался туда-сюда и притоптывал. Мороз сковал тропку. Она ответила, что не знает. Что она во мне нашла? Я умолял ее хоть это мне объяснить, если она может. Она ответила, что не может. Она была, кажется, тепло одета, руки в муфте. Я глянул на эту муфту и, помню, расплакался. А ведь я даже забыл, какого она была цвета. Вот что тогда со мною творилось! Меня всегда легко прошибала слеза, до самого недавнего времени,

хоть проку мне от этого не было никакого. А если б я сейчас вздумал заплакать, хоть лопни, не выжал бы из себя ни слезинки. Вот что теперь со мною творится! А тогда я плакал из-за всяких вещей. И не то чтоб испытывал грусть. Расплачусь, бывало, сам не знаю почему, а оказывается, что я вдруг что-то увидел. Так что неизвестно еще, плакал ли я тогда из-за муфты или, может, из-за тропки, она затвердела, закаменела, была как мостовая у меня под ногой, ну и мало ли что я мог вдруг увидеть. А ее — я будто первый раз ее тогда увидел. Она вся съежилась, закутанная, голову свесила, руки засунула в эту муфту, ноги тесно сжала, и они не доставали до земли. Бесформенная, безвозрастная, чуть не безжизненная, то ли старушка, то ли девочка маленькая. И эти ответы — не знаю, не могу. Я тоже не знал, не мог. Вы ради меня пришли? — говорю. Да, говорит. Ну вот, я тут, говорю. Я-то разве не ради нее пришел? Я тут, я тут, говорю. Я присел с нею рядом, но сразу вскочил как ошпаренный. Я хотел поскорей уйти и знать, что с этим покончено. Но для верности, прежде чем уйти, я попросил ее спеть мне песенку. Я сперва думал, она откажется, то есть просто не станет петь, но нет, она помолчала минутку, и запела, и попела немного, все одну песенку,

кажется, не перескакивая. Песенку я эту не знал, раньше никогда не слыхал и больше никогда не услышу. Что-то такое насчет лимонных рощ или апельсинных, забыл, но для меня и то уже много — запомнить, что речь шла о лимонных рощах или об апельсинных, забыл, потому что из всех песен, какие я слышал в жизни, а я их слышал, ведь физически невозможно жизнь прожить, пусть такую, как я, и не услышать ни единой песни, если только ты не глухой, из всех песен я не запомнил ничего, ни ноты, ни слова или уж так мало слов, так мало нот, что просто, что — что? ничего, и так слишком длинная фраза. И я ушел, и, уходя, я слышал, как она запела другую песню или, может, пела дальше ту же, слабым-слабым голосом, и он слабел и слабел, пока я уходил, и потом вовсе смолк, то ли она перестала петь, то ли я слишком далеко ушел и уже не слышал. Я тогда не любил оставаться в такого рода сомнениях, я жил, конечно, в сомнениях, жил сомнениями, но от таких пошлых сомнений, чисто физических, как говорится, я предпочитал сразу отделываться, не то они потом неделями одолевали меня, как слепни. Так что я прошел немного назад и остановился. Сперва я ничего не слышал, потом услышал голос, но тихий-тихий. Сперва я его не

слышал, потом услышал, то есть, может, я начал его слышать в определенный момент, но нет, начала не было, он незаметно вышел из тишины и почти от нее не отличался. Потом голос совсем смолк, и я опять подошел чуть поближе, проверить, действительно ли он смолк или только стал еще тише. Потом, отчаявшись, сказал себе: Не узнать, не узнать, если только не подойти к ней, не склониться над ней, я повернулся и ушел, навсегда, полный сомнений. Но через несколько недель ни жив ни мертв я вернулся к скамейке, это уж в четвертый или в пятый раз с тех пор, как я ее бросил, почти в тот же час, то есть почти при том же небе, да нет, опять не так, небо всегда то же, и оно всегда другое, словом, не знаю, как это выразить, и не могу это выразить, вот. Ее не было, и вдруг она неизвестно откуда взялась, я не видел, как она подошла, не слышал, как она подошла, хоть я весь напрягся. Ну, скажем, был дождь, но что это изменит? Она, конечно, укрывалась под зонтиком, снарядилась неплохо. Я спросил, приходит ли она каждый вечер. Нет, она сказала, иногда только. Скамейка вымокла, не сядешь. Мы ходили туда-сюда, я взял ее за руку, для интереса, проверить, доставит ли это мне удовольствие, удовольствия не было никакого,

и руку я выпустил. Но к чему эти подробности? Чтоб оттянуть час расплаты. Я теперь получше разглядел ее лицо. Лицо как лицо, каких миллионы. Она косила, но я это потом только понял. Не молодое лицо и не старое, так, что-то среднее между свежестью и увяданьем. Мне тогда тяжело давалась такая двусмысленность. Ну а красивое это лицо, или было красивым, или могло стать красивым — я, признаться, не в состоянии был понять. Я видывал на фотографиях лица, которые и счел бы красивыми, имей я хоть какую-то точку отсчета. Лицо моего отца на смертном одре тоже давало мне кой-какие эстетические критерии. Но живые лица, вечно краснеющие, да еще эта мимика — ну что про них скажешь? Несмотря на темень, несмотря на свое смятенье, я засмотрелся на то, как медленные воды реки, будто изжаждавшись, припадают к стекающим с неба потокам. Она спросила, не хочу ли я, чтоб она мне что-нибудь спела. Я ответил — нет, лучше пусть она мне что-нибудь скажет. Я думал, она скажет, что ей нечего мне сказать. Совершенно в ее духе. И был приятно удивлен, когда она тут же сказала, что у нее есть комната, очень даже приятно удивлен. Хотя — что особенного? У кого нет комнаты? А-а, слышу-слышу вопли протеста.

У меня две комнаты, сказала она. Так сколько же у вас комнат, спрашиваю. Она говорит: Две комнаты и кухня. Дальше — больше, сейчас она еще и ванную приплетет. Значит, вы говорите, у вас две комнаты? — я говорю. Да, говорит. Смежные? — спрашиваю. Наконец-то завязался у нас с нею стоящий разговор. Нет, кухня посередине, она говорит. Я спросил, почему же она сразу мне не сказала. Я, наверно, был тогда сам не свой. Я томился, когда она рядом, но я хоть мог думать о чем-то еще, кроме нее, о старом, испытанном, о том о сем, и постепенно, постепенно совсем ни о чем, как сходят по сходням в глубокую воду. И я знал, что, когда ее рядом не будет, я утрачу эту способность. Действительно, комнат оказалось две и между ними кухня, она не наврала. Она сказала, чтоб я принес вещи. Я объяснил, что у меня нет вещей. Это был верхний этаж старого дома, с видом на горы, если кому на них охота смотреть. Она зажгла керосиновую лампу. У вас нет электричества? — говорю. Нет, она говорит, зато вода есть и газ. Ах так, говорю, у вас есть газ. Она начала раздеваться, когда они не знают, что делать, они начинают раздеваться, и, честно сказать, лучше они ничего не могут придумать. Она все сняла, и медленно так, слон бы и то заго-

релся, и осталась в одних чулках, видно, чтоб уж до белого каления меня довести. Тут-то я и разглядел, что она косит. Слава богу, я не в первый раз видел голую женщину, и я выстоял, я знал, что она не взорвется. Я сказал, что хочу посмотреть другую комнату, так как я ее пока не видел. Если б видел, сказал бы, что хочу еще раз посмотреть. А вы не разденетесь? — она говорит. О, знаете ли, говорю, я редко когда раздеваюсь. Что правда, я не из тех, кто чуть что и, пожалуйста, раздеваются. Я часто снимаю ботинки, ложась в постель, то есть, когда я располагаюсь (располагаюсь!) спать, ну и верхнюю одежду в зависимости от внешней температуры. И пришлось ей, чтоб не быть нелюбезной, накинуть какой-то платок и мне посветить. Мы прошли через кухню. Точно так же могли бы пройти коридором, я потом уж сообразил, но мы прошли через кухню, не знаю почему, может, так было ближе. Я осматривал комнату с ужасом. Количество мебели превосходило все силы воображения. И ведь я эту комнату уже где-то видел. Я крикнул: Да что же это такое! Гостиная, сказала она. Гостиная! Я стал вытаскивать вещи за дверь, в коридор. Она смотрела. Смотрела печально, я думаю, но, в общем-то, я не уверен. Она спросила, что это я делаю, но вряд ли

она могла рассчитывать на ответ.

Я выносил вещи одну за другой, а то сразу по две и складывал все в коридоре, у дальней стены. Тут были сотни предметов, крупных и мелких. В конце концов они загромоздили проход, так что в комнату нельзя было войти, тем более нельзя было выйти. Дверь открывалась и закрывалась, так как она открывалась вовнутрь, но она сделалась неподступна. Да, неподступна, вот именно. Вы бы шляпу хоть сняли, она сказала. К шляпе моей я, может, еще как-нибудь вернусь. В конце концов в комнате остались только диван и несколько висевших на стене полок. Диван я задвинул вглубь, к двери, а полки на другой день снял и тоже оттащил в коридор. Когда я их снимал, вот странное воспоминание, я услышал слово «фиброма», не то «фиброна», не знаю, да и не знал, не имею понятия, что это такое, и не имею ни малейшего желания выяснять. Чего только не вспоминаешь! Чего не фиксируешь! Когда все было в порядке, я бросился на диван. Она ведь пальцем не двинула, чтоб мне помочь. Я вам простыни принесу и одеяло, она сказала. Очень мне нужны ее простыни! А шторы вы не задернете? — говорю. Окно все заиндевело. Белым оно не стало, была ночь, но все же мутно светилось. Уж я лег ногами к

двери, а все равно это ледяное мутное свечение действовало мне на нервы. Вдруг я вскочил и перевернул диван, то есть я его передвинул так, чтоб он стоял не спинкой к стене, а наоборот. Открытой стороной, входом, что ли, он теперь был повернут к стене. И я забрался туда, как собака в свою корзину. Она сказала: Я вам лампу оставлю, но я умолял ее унести лампу. А вдруг вам ночью что-то понадобится? — она говорит. Ну, чувствую, сейчас опять начнет приставать ко мне с разными глупостями. Вы хоть знаете, где уборная? — она говорит. Да, ее правда, я про это забыл. Облегчиться в постели самое милое дело, но сразу же это приводит потом к неудобствам. Давайте ночной горшок, говорю. Но горшка у нее не оказалось. У меня стульчак есть с дыркой, она говорит. Я видел на таком стульчаке бабушку, она сидела прямая, гордая, она только что его купила, пардон, приобрела на благотворительной распродаже не то в лотерею выиграла, предмет старинного быта, и вот обновляла, верней, примеряла и чуть ли не хотела, чтобы ее видели. Нет уж, погодим, погодим. Ну, любой старый сосуд, говорю, у меня же не дизентерия. Она принесла кастрюлю такую, не то что кастрюлю, потому что без ручки, такую овальную, с двумя ушками, с

крышкой. Мой, говорит, сотейник. Крышка мне не нужна, говорю. А она: Вам не нужна крышка? Ну скажи я, мне крышка нужна, она наверняка бы переспросила: Вам нужна крышка? Я сунул эту утварь под одеяло, я люблю, когда сплю, держаться за что-нибудь, мне тогда не так страшно, а шляпа моя была еще мокрая. Я отвернулся к стене. Она схватила лампу с камина, куда она ее поставила, тут важны все подробности, надо мной закачалась ее тень, я думал, сейчас она уйдет, но нет, она наклонилась надо мной через диванную спинку. Это, говорит, все фамильные вещи. Я на ее месте ушел бы на цыпочках. Но она и не шелохнулась. Главное — я уже начал ее разлюблять. Да, мне уже полегчало, я был на подступах к долгим отлогим спускам, к долгим глубоким ныряньям, которых по ее милости был так долго лишен. А ведь я только-только у нее поселился. Но сначала уснуть, уснуть. Попробуйте теперь меня вытолкать, я сказал. Я осознал смысл этих слов, даже звук уловил далеко не сразу. Я настолько не привык разговаривать, что иногда у меня сами собой вырывались фразы, безупречно правильные с точки зрения грамматики, но начисто лишенные не скажу смысла, так как смысл в них при ближайшем рассмотрении

оказывался, и порой не один, но во всяком случае обоснования. Но звук-то уж я обычно сразу слышал. Это впервые тогда мой голос дошел до меня с такой задержкой. Я перевернулся на спину, посмотреть, как и что. Она улыбалась. Немного погодя она ушла и лампу унесла. Я слышал шаги на кухне, потом за нею закрылась дверь. Наконец я остался один, наконец в темноте. И хватит об этом. Я думал, я проведу хорошую ночь, несмотря на странную обстановку, но нет, ночь оказалась исключительно беспокойная. Наутро я проснулся совершенно разбитый, одежда измята, простыни тоже, а рядом Анна, разумеется, голышом. Видно, она здорово поусердствовала! Я все держал сотейник за ушко. Заглянул внутрь. Ничего. Глянул на свой член. Если б он мог говорить! Но хватит об этом. То была моя ночь любви.

Понемногу жизнь моя в доме наладилась. Она мне приносила еду в назначенные мною часы, заходила время от времени посмотреть, все ли у меня в порядке, не нужно ли мне чего, раз в день выносила сотейник, раз в месяц убирала комнату. Не всегда она преодолевала искушение со мною поговорить, но в общем грех жаловаться. Иногда я слышал, как она поет у себя в комнате, песенка проходила через ее дверь, через кухню, через

мою дверь и доходила до меня еле слышно, но все же бесспорно. Если только она не доносилась из коридора. Мне не очень мешало это пение. Как-то я ее попросил купить мне гиацинт, живой, в горшочке. Она его принесла и поставила на камин. Теперь в моей комнате больше некуда было ничего ставить, если только не на пол. Я каждый день на него смотрел, на свой гиацинт. Он был розовый. Мне больше хотелось синий. Сперва ему было у меня хорошо, он даже цветочки выпустил, но потом отчаялся, превратился в жухлый стебель с плакучими листьями. Луковица вылезла из земли, как бы ловя кислород, и плохо пахла. Анна хотела убрать цветок, но я не дал. Она хотела другой мне купить, но я сказал, что мне другого не надо. Гораздо больше мешали мне иные звуки, хихиканья, стоны, глухо разносившиеся по квартире в определенные часы ночью и днем. Об Анне я уже не думал, я совсем о ней не думал, но тишина мне была жизненно необходима. Как ни уговаривал я себя, что воздух на то и создан, чтобы переносить шумы мира, среди которых не последнее место занимают хихиканья и стоны, у меня ничего не получалось. Я не мог даже выяснить, производит их один и тот же субъект или их несколько. Любовные стоны и

хихиканья все так похожи! Меня в тот период до того пугали эти несчастные недоразуменья, что вечно я попадался на удочку, то есть я, так сказать, пытался с ними покончить. Бездна времени, вся жизнь, так сказать, у меня уходила на то, чтобы убедиться, что цвет мельком увиденных глаз, источник неясного дальнего звука могут истерзать мучимую неведеньем душу почище, чем Бытие Божие, происхождение протоплазмы или собственное бытие, и меньше даже стоят наших умственных усилий. Вся жизнь — не многовато ли для столь утешительного вывода, которым и времени-то не остается воспользоваться? Так что я очень умно поступил, когда спросил ее напрямик и она мне сказала, что это клиенты, она их принимает в порядке очереди. Я мог бы, конечно, встать и поглядеть в замочную скважину, если она, предположим, не заткнута, да что в эти замочные скважины разглядишь? Значит, вы живете проституцией? — я говорю. А она мне: Да, мы живем проституцией. А вы не могли бы их попросить, чтоб чуть поменьше шумели? — спросил я так, будто я ей поверил. Или, говорю, чтоб хоть шумели иначе? Они, говорит, не могут не стонать. Значит, говорю, мне придется уйти. Она отыскала старую занавеску среди своего фа-

мильного хлама и повесила на двери, на свою и на мою. Я спросил ее, нельзя ли мне время от времени есть петрушку. Петрушку! — крикнула она таким тоном, будто я попросил зажарить иудейского младенца. Я ей заметил, что петрушечный сезон подходит к концу и, если она пока будет меня кормить исключительно петрушкой, я ей буду весьма признателен. Исключительно петрушкой! — крикнула она. Петрушка, по-моему, на вкус напоминает фиалки. Я люблю петрушку, потому что она на вкус напоминает фиалки, а фиалки я люблю, потому что они пахнут петрушкой. Если б не было на свете петрушки, я не любил бы фиалок, а если б не существовало фиалок, мне что петрушка, что репа или редиска было бы все равно, хоть бы и вовсе их не было. И даже в данных условиях их произрастания, то есть я хочу сказать, на этой планете, где петрушка и фиалка чудно сосуществуют, я бы легко обошелся, абсолютно легко обошелся без них без обеих. Как-то она вдруг имела наглость мне объявить, что беременна, вдобавок на пятом или на шестом месяце и, видите ли, от меня. Повернулась в профиль — продемонстрировать свой живот. Даже разделась, чтоб мне, конечно, показать, что не прячет подушку под юбкой, и потом, наверно,

из чистой любви к раздеванью. Видимо, простое вздутие, сказал я, чтоб ее утешить. Она на меня глянула своими большими глазами, не помню их цвета, вернее, одним своим большим глазом, другой устремила, наверно, на бывший мой гиацинт. Чем более голой она бывала, тем более косоглазой. Посмотрите, говорит, и сама наклонилась над своими грудями, уже и соски потемнели. Я собрал последние силы и сказал: аборт, аборт и посветлеют опять. Она и шторы отдернула, чтоб, не дай бог, от меня не укрылась ни одна из ее закругленностей. Я увидел гору, неприступную, пещеристую, таинственную, там с утра до ночи я только ветер бы слышал, и куликов, и звон молотков у каменотесов в руках, дальний, серебряный. Я бы выходил поутру к жаркому вереску, дикому, пахучему дроку, а по ночам бы я глядел на дальние городские огни, если захочу, или на другие огни — маяков, кораблей, мне отец их показывал, когда я был маленький, и я, если захочу, все бы их названия вспомнил. С того дня дела в доме пошли хуже и хуже, из рук вон плохо, то есть для меня, и не то чтоб она мною пренебрегала, это б пожалуйста, но она приставала ко мне с *нашим* ребенком, демонстрировала мне грудь и живот, говорила, что скоро, скоро, она, мол, слышит его,

как он прыгает. Если он прыгает, говорю, значит, не от меня. Мне было совсем неплохо в том доме, это уж точно, он, конечно, не соответствовал моему идеалу, но я не слепой и видел все преимущества. Я не решался уйти, уже опадали листья, я боялся зимы. А что зимы бояться, в ней свои плюсы, снег держит тепло, потопляет шум, и скоро кончаются ее тусклые дни. Но тогда, в то время, я еще не знал, как земля бывает добра к тем, у кого, кроме нее, нет никого, и как много могил она бережет для живых. Доконали меня эти роды. Я из-за них проснулся. Чего натерпелся, видно, бедный младенец! Наверно, при ней была женщина, я, кажется, слышал на кухне шаги — туда-сюда. Тяжко было мне уходить, покуда не выгнали. Я перелез через диванную спинку, надел пиджак, пальто и шляпу, я ничего не забыл, зашнуровал ботинки и открыл дверь в коридор. Груда хлама загораживала проход, но в конце концов я через нее пробрался, прорвался со страшным грохотом. Я говорил ведь — женитьба, как ни крути, это был все же союз. Зря я деликатничал, крики ничто бы не перекрыло. Даже и думать нечего. Они меня преследовали на лестнице и на улице. У парадного я остановился, прислушался. Я еще их слышал. Не знай я, что в доме кричат, я б, мо-

жет, их не услышал. Но я знал — и слышал. Я не понимал, где я. Я поискал среди звезд и созвездий Большую Медведицу, но не нашел. А ведь она там, безусловно, была. Отец мне первой ее показал. Он мне всякие другие созвездья показывал, но один, без него, я ничего не умею найти, кроме Большой Медведицы. Я стал играть с криками так примерно, как играл тогда с песенкой — отойду, вернусь, отойду, вернусь, — если можно, конечно, это назвать игрой. Пока шел, я их не слышал из-за стука шагов. Но как остановлюсь, я снова их слышал, каждый раз чуть потише, конечно, но какая разница — тише крик или громче. Главное — чтобы он прекратился. Годами мне казалось, что они прекратятся. Теперь уж не кажется. Надо б, наверно, еще кого-нибудь полюбить. Так ведь сердцу разве прикажешь.

Конец

Они меня одели и денег дали. Деньги я знал для чего — для начала. Когда они кончатся, придется еще раздобыть, если я захочу продолжать. То же самое с обувью, когда она сносится, ее надо будет в починку отдать, или еще раздобыть, или ходить босиком, если я захочу продолжать. То же с брюками и с пиджаком, это я и без них понимал, только уж тут можно будет в жилете ходить, если я захочу продолжать. Одежда: ботинки, носки, брюки, рубашка, пиджак, шляпа, — все это было надеванное, но покойник был, видно, примерно с меня. То есть чуть пониже и похудей, видно, потому что сперва одежда на мне туго сходилась, не то что потом. Рубашка особенно — я сперва все никак не мог ее застегнуть на шее, и воротничок приладить не мог, и полы не мог булавкой скрепить между ног, как мама учила. Он, видно, вырядился, собираясь на консультацию, может, в первый раз и пошел, стало невмоготу. Одним словом, мне выдали котелок, и в хорошем состоянии. Я им сказал — забирайте вашу шляпу, а мне отдавайте мою. И еще сказал — отдавайте мое пальто. А они сказали, что пальто и шляпу

сожгли вместе со всеми моими вещами. И тут я понял, что скоро конец, ну, в общем, довольно скоро. Этот котелок я потом пытался сменять на кепку или на фетровую шляпу, чтоб прикрывать полями лицо, но не очень успешно. А разгуливать с непокрытой головой я не мог при таком моем состоянии темени. Шляпа была мне сначала мала, но она потом притерпелась. Они мне и галстук выдали после долгих разговоров. Красивый галстук, по-моему, но мне не понравился. Я уже так измучился, когда они мне его наконец выдали, что сил не было возвращать. Но потом он мне все-таки пригодился. Синий такой, в звездочках. Я себя плохо чувствовал, а они сказали, что ничего. Не то чтоб сказали буквально, что лучше не будет, но дали понять. Я лежал пластом на кровати, а три женщины, пыхтя, на меня натягивали брюки. Женщины явно не очень заинтересовались моими органами, да, если честно, действительно ничего особенного, меня они самого уже давно не интересовали. Но хоть что-то ведь можно было сказать? Когда они управились, я встал и прекрасно оделся без их помощи. Мне велели сесть на постели и ждать. Белье все исчезло. Я возмущался, что мне не дали обождать, лежа в постели, к которой я так привык, чем стоять на

холоде в этой одежде, от которой воняло серой. Я сказал: Вы могли бы меня оставить в постели до последней минуты. Тут вошли какие-то, с молотками в руках. Кровать разобрали, куски унесли. Одна женщина пошла за ними, вернулась со стулом, поставила стул передо мной. Правильно я делал вид, что возмущаюсь. Но чтоб показать всю степень своего возмущенья, я изо всех сил пнул этот стул ногой. Он так и полетел. Тут вышел кто-то, сделал мне знак — мол, следуйте за мной. В вестибюле дал мне бумагу, чтоб я подписал. Это что, говорю — удостоверение личности? Это, говорит, расписка в получении одежды и денег. Какие такие деньги, спрашиваю. Тут-то я и получил свои деньги. Подумать — ведь так бы и ушел без гроша. Сумма небольшая, такие ли бывают, но для меня даже очень большая сумма. Я вспомнил знакомые предметы, с которыми провел бок о бок столько сносных часов. Например, табурет — из них самый любимый. Сколько долгих часов мы с ним коротали вдвоем, дожидаясь, когда уж пора будет лечь. Иной раз его деревянная жизнь так пронимала меня, что я и сам становился старой деревянной чуркой. В нем даже дырка была для моей кисты. И еще окно — матовое окно, а на нем такой голый кружок, в часы тоски я приникал к

нему глазом — и редко когда понапрасну. Я очень вам обязан, говорю, а что — есть такой закон, что вы не можете меня вышвырнуть голого и без средств к существованию? Это в дальнейшем могло бы обернуться против нас, он ответил. А нельзя ли мне как-нибудь тут еще продержаться, уж я приносил бы пользу. Пользу? — он спрашивает. Шутки в сторону, вы желаете приносить пользу? Помолчал и говорит: Если бы вам поверили, что вы желаете приносить пользу, вас бы непременно оставили. Я сто раз говорил, что хочу приносить пользу. Сколько можно? Просто сил никаких. Может, говорю, я верну эти деньги, а вы меня еще немного подержите? Это благотворительное заведение, он говорит, и деньги вам даются в дар при отбытии. Когда они кончатся, вам придется раздобыть еще, если вы пожелаете продолжать. Сюда же ни под каким видом не возвращайтесь — вас все равно не пустят. Из филиалов наших из всех вас тоже выгонят. Отличчно! — крикнул я. А он: Ладно-ладно, все равно никто и десятой доли не понимает из того, что вы говорите. Я же такой старый, говорю. А он: Не такой уж вы старый. Можно я еще только чуть-чуть тут побуду, говорю, пока дождик перестанет? А он объяснил: Вы можете обождать в часовне, дождь вообще

сегодня не перестанет. Вы можете обождать до шести, вы услышите колокол. Если спросят, вы только скажите, что у вас имеется разрешение укрыться в часовне. А на кого сослаться? — спрашиваю. Он говорит — на Уира.

Я пробыл совсем недолго в часовне, а дождь кончился, и показалось солнце. Оно очень низко стояло, и отсюда я заключил, что уже скоро шесть, учитывая время года. Я остался смотреть из-под арки, как солнце закатится за часовню. Кто-то вошел и спросил, что я тут делаю. Что вам угодно? — так он спросил. Очень воспитанно. Я ответил, что у меня имеется разрешение мосье Уира до шести задержаться в часовне. Он ушел, но сразу вернулся. Видимо, успел переговорить с мосье Уиром, потому что сказал: Нечего вам торчать в часовне, дождя уже нет.

И вот я шел садом. Свет был странный, какой бывает после проливного дождя, когда солнце выходит и небо яснеет так поздно, что от них уже никакого проку. Земля делала такой звук, будто вздыхает, последние капли падали с пустого, без единого облачка, неба. Мальчишка протянул ручки, посмотрел на синее небо и спросил у своей матери, как же так получилось. Отстань, ответила та. Вдруг я вспомнил, что забыл попросить у

мосье Уира кусок хлеба. Конечно, он бы мне дал. То есть я даже думал про это, когда мы разговаривали в вестибюле, думал — вот мы кончим наш разговор и тогда попрошу. Я же знал, что они меня не оставят. Можно было, конечно, вернуться, но я побоялся, что сторож меня остановит, скажет, что в жизни мне не видать больше мосье Уира. И я только еще больше расстроюсь. В общем, я никогда в таких случаях не возвращаюсь.

На улице я заблудился. Я давным-давно не был в этом районе, и все тут, на мой взгляд, изменилось. Исчезли целые здания, заборы стояли иначе, и со всех сторон я видел крупными буквами имена коммерсантов, которых никогда не встречал и произнести-то не мог. Были абсолютно незнакомые улицы, те, что я помнил, почти все исчезли, а другие назывались совершенно иначе. Общее впечатление было то же, что прежде. Правда, я очень плохо знал город. Может, это был совсем другой город. Я не знал, куда мне надо идти. Мне все время везло: я ни разу не попал под колеса. Я по-прежнему давал людям повод для смеха, веселого, задорного смеха, который так укрепляет здоровье. По возможности держась влево от красной стороны неба, я в конце концов вышел к реке. Тут все на первый взгляд мне показалось более

или менее прежним. Но, присмотрись я повнимательней, я, конечно, обнаружил бы кой-какие перемены. Потом так оно и оказалось. Но общий вид реки, которая текла между своими набережными, под своими мостами, не переменился. То есть, как всегда, у меня было впечатление, что река течет не туда. Все, я чувствовал, сплошной обман. Моя скамейка оказалась на месте. Выгнутая в соответствии с изгибами спин. Рядом с ней была водопойная колода, дар какой-то мадам Максвелл лошадям города, судя по надписи. За то время, что я там сидел, не одна лошадь воспользовалась этим даром мадам Максвелл. Я слышал стук копыт, позвякивание сбруи. Потом было тихо. Это лошадь на меня смотрела. Потом звук камешков, перекатывающихся по грязи, какой лошади производят, когда они пьют. И снова тихо. Это снова лошадь на меня смотрела. И снова камешки. Снова тихо. Пока лошадь не напьется или извозчик не сочтет, что с нее хватит. Лошади нервничали. Раз, когда прекратился звук, я обернулся и увидел, что лошадь на меня смотрит. Извозчик тоже смотрел. Вот мадам Максвелл порадовалась бы, глядя, какие возможности дает ее дар лошадям города. Настала ночь после медленных сумерек, я снял шляпу, она давила

мне голову. И мне захотелось снова под крышу, в запертое, пустое, теплое место с искусственным освещением, хорошо бы — с керосиновой лампой, лучше под розовым абажуром. И чтоб кто-то входил иногда посмотреть, не нужно ли мне чего. Давно уже мне ничего не хотелось. И мне стало ужасно плохо.

Потом несколько дней я обивал пороги, чтоб снять комнату, но без особого успеха. Как правило, у меня перед носом хлопали дверью, хоть я показывал деньги и обещал заплатить за неделю вперед, даже за две. Как ни пускал я в ход всю свою благовоспитанность, улыбался и говорил отчетливо — не успевал я окончить вступление, у меня перед носом хлопали дверью. И тогда я довел до совершенства свой метод снимать шляпу — вежливо и с достоинством, без пресмыкательства, но и без хамства. Я ловко сдвигал ее на лоб, секунду так держал, чтоб не разглядели мое темя, и тут же опять сдвигал на место. Сделать это естественно, не производя неблагоприятного впечатления, не так-то легко. Когда я счел, что достаточно только притрагиваться к шляпе, я, естественно, стал к ней только притрагиваться. Но притронуться к своей шляпе тоже ведь не такое простое дело. Впоследствии я решил эту

проблему, всегда важную в трудные времена, надевая старое английское кепи и отдавая честь по-военному, хотя нет, что-то не то, не знаю, в конце на мне снова была та же шляпа. И я ни разу не дошел до того, чтоб цеплять на себя медали. Некоторые хозяйки так нуждались в деньгах, что сразу меня впускали и показывали комнату. Но я ни с одной не мог сговориться. Наконец я подыскал себе подвал. Тут я сразу сговорился с хозяйкой. Мои странности (ее выражение) ее не смущали. Правда, она настояла на том, что будет стелить постель и прибирать у меня раз в неделю, а не раз в месяц, как я просил. Сказала, что пока прибирает, а это недолго, я смогу обождать рядом во дворике. И прибавила с большой чуткостью, что не погонит меня за дверь в плохую погоду. Эта женщина была гречанка, я думаю, или турчанка. Она ничего о себе не рассказывала. У меня создалось впечатление, что она вдова или муж ее бросил. У нее было странное произношение. Но и я, между прочим, путаю гласные и глотаю согласные.

Теперь я уже не знал, где я нахожусь. Я видел смутно, я даже вовсе не видел большого пятиэтажного или шестиэтажного дома. Мне казалось, что это один из нескольких корпусов. Я попал

сюда в сумерки и не так уж присматривался к окрестностям, как, возможно, стал бы присматриваться, если б подозревал, что я тут останусь. Наверно, я тогда уже потерял надежду. Правда, уходил я из этого дома среди бела дня, но, уходя, я не оглянулся. Я, видимо, где-то прочел, когда еще был маленький и еще читал, что, уходя, лучше не оглядываться. Иногда мне все же приходилось оглядываться. Но и не оглядываясь, я, кажется, смог кое-что разглядеть. Но вот что? Помню только, как мои ноги отделялись от моей тени — одна за другой. Ботинки задубели, и от солнца растрескалась кожа.

В том доме мне было неплохо, надо признаться. Если не считать нескольких крыс, я был в подвале один. Женщина всячески старалась соблюдать наш договор. Часов в двенадцать она приносила поднос с едой и уносила вчерашний. Тогда же она приносила чистый ночной горшок. У него была такая большая ручка, и она туда продевала руку, чтоб он не мешал ей нести поднос. И потом весь день я ее не видел, разве только случайно, когда она заглядывала в дверь убедиться, что со мной ничего не случилось. Слава богу, в нежности я не нуждался. С моей кровати я видел ноги, они ходили по тротуару туда-сюда. Вечером иногда,

когда погода была хорошая и я был в настроении, я выходил со своим креслом во дворик и сидел и вглядывался в юбки прохожих женщин. Таким образом я познакомился кое с какими ногами. Раз я послал за луковицей крокуса и высадил его в темном дворике, в старом горшке. Кажется, шло дело к весне, видимо, я выбрал неподходящее время. Я оставил горшок снаружи, привязал за веревку, а веревку продел в окно. Вечером, когда погода была хорошая, струйка света ползла по стене. Тогда я садился к окну и подтягивал горшок за веревку, чтоб ему было тепло и светло. Нелегко это было, сам даже не понимаю, как это у меня получалось. Крокусу было, наверно, нужно другое. Уж как я его окуривал, а в засуху на него мочился. Видимо, ему было нужно другое. Росток он пустил, но ни единого цветика, только хиленький стебель да два-три чахлых листочка. Мне бы хоть желтенький крокус или гиацинт, но вот — ничего не вышло. Она его убрать хотела, но я не дал. Она другой мне хотела купить, но я сказал, что мне другого не надо. Больше всего меня мучил крик мальчишек-газетчиков. Они набегали каждый день в один и тот же час, грохотали по тротуару, выкликали названья газет, а то и сенсационные новости. Шум в доме меня

меньше мучил. Маленькая девочка, если только это был не мальчик, пела каждый вечер, в один и тот же час, где-то у меня над головой. Я долго не мог разобрать слов. Но я слушал их чуть не каждый вечер и в конце концов кое-что разобрал. Ничего себе слова для маленькой девочки — и даже для мальчика, предположим. Пелось ли это в мозгу у меня или доносилось снаружи? Очень похоже на колыбельную. Сам я часто под нее засыпал. Та девочка иногда приходила. У нее были длинные рыжие волосы. Косы. Кто это — я не знал. Потопчется в комнате и уйдет и ни слова не скажет. Один раз заявился ко мне полицейский. Сказал, что я подлежу надзору — без объясненья причин. Подозрительный, да, — он же сказал, что я подозрительный. А я думал — пусть себе говорит. Арестовать он меня не посмел. А может, он был добрый. Да, еще священник. Пришел ко мне как-то священник. Я ему объяснил, что принадлежу к одной ветви реформатской церкви. Он спросил тогда, какого я хотел бы видеть священнослужителя. С этой реформатской церковью вечная морока, тут никуда не денешься. Может, он был добрый. Сказал, чтоб я дал ему знать, когда мне понадобится помощь. Понимаете — помощь! Он и свое имя назвал, объяснил, где его найти.

Мне б тогда записать.

Как-то женщина предложила мне одну вещь. Сказала, что ей позарез нужны наличные и, если я уплачу за полгода вперед, она сбавит мне квартирную плату на четверть за этот период. По-моему, я не путаю. Тут было выгодно то, что я выигрывал шесть (?) недель пребывания здесь, а невыгодно, что мой небольшой капитал на этом почти кончался. Но разве это невыгодно называется? Разве я так и так не остался бы до последнего су и даже дольше — пока она не выгонит? Я дал ей деньги, а она мне дала расписку.

Как-то утром, вскоре после этой сделки, меня разбудил незнакомый человек. Он тряс меня за плечо. Было, наверное, не позже одиннадцати. Он попросил меня встать и немедленно удалиться. Он, я должен сказать, вел себя совершенно прилично. Он удивлен, он сказал, не меньше, чем я. Это его дом. Его собственность. Турчанка съехала накануне. Но я же вчера вечером ее видел, говорю. Вы, очевидно, ошибаетесь, он говорит, она принесла мне на службу ключи еще вчера утром. Но я как раз заплатил ей за полгода вперед, говорю. Потребуйте, он говорит, деньги обратно. Но я и фамилии ее даже не знаю, я говорю, тем более адреса. Вы не знаете ее фамилии? — говорит.

Кажется, он мне не поверил. Я говорю: Я болен, и как же так, без всякого уведомления! Не так уж вы больны, говорит. И предложил послать за такси или за «скорой помощью», если меня это больше устраивает. Сказал, что помещение ему необходимо немедленно, для его поросенка, который может вот сейчас простудиться, оставленный в тележке у двери на произвол судьбы, всего лишь на попечение сорванца, которого он сам не знает и который, возможно, именно в эту минуту издевается над поросенком. Я спросил, не может ли он оставить меня тут где-нибудь, в углу, отлежаться, очухаться, обдумать, что же мне дальше делать. Он сказал, что не может. Не сочтите меня жестоким, он пояснил. Я говорю: Мы бы тут ужились с поросенком. Я бы за ним приглядывал. Долгих месяцев покоя — вмиг как не бывало! А он говорит: Ну, ну, возьмите себя в руки, мужайтесь, да хватит вам. В конце концов это же не его забота. Он и так проявил большое терпение. Он был вынужден явиться в подвал, пока я еще не проснулся.

Я чувствовал слабость. Наверно, у меня и была слабость. У меня кружилась голова от слепящего света. Автобус отвез меня за город. Я уселся в поле, на солнышке. Но это, кажется, было потом,

потом. Я понатыкал листьев под шляпу, для тени. Ночь была холодная. Я долго бродил по полям. Не сразу нашел я навозную кучу. Назавтра я отправился обратно в город. С трех автобусов меня ссадили. Я сел при дороге, на солнышке. Я сушил свою одежду. Я был доволен. Я говорил себе — ничего, ничего не поделаешь, пока одежда не просохнет. Когда она просохла, я ее вычистил щеткой, скребницей, по-моему, — я в хлеву ее нашел. Хлев всегда меня выручал. Потом я пошел к дому и попросил стакан молока и хлеба с маслом. Мне дали все, кроме масла. Я спросил: Можно я в хлеву отдохну? А они говорят — нет. От меня еще воняло, но мне даже нравилась эта вонь. Куда приятней моего собственного запаха, а она его отбивала, им только изредка веяло. В следующие дни я старался вернуть свои деньги. Не помню уж точно, чем кончилось дело, то ли я не мог найти адрес, то ли адреса не было, то ли гречанки там не было. Я искал в кармане расписку, хотел разобрать подпись. Но расписки не было. Наверно, она ее вытащила, пока я спал. Не знаю, долго ли я прокружил, отдыхая то тут, то там, по деревне и городу. Город очень сильно изменился. Деревня тоже была уже не та, как запомнилась мне. Как-то я встретил своего сына. Он быстро вышагивал

с портфелем под мышкой. Снял шляпу и поклонился, и оказалось — лыс как колено. Он — почти наверняка он. Я оглянулся и посмотрел ему вслед. Несется на всех парусах, враскачку, по-своему, направо-налево раскланивается, шляпой помахивает. Сукин сын несносный.

Как-то я встретил одного человека, который знавал меня в лучшие дни. Он жил в пещере у моря. У него был ослик, который пасся на скалах и на тропках, сбегавших к морю. В ненастье ослик этот сам по себе приходил к пещере и там укрывался, пока не угомонится буря. Немало ночей провели они, прижавшись друг к другу, под вой ветра и грохот волн. С помощью этого ослика он развозил песок, водоросли, ракушки горожанам, для садиков. Много сразу он не мог увезти, ослик был старый и маленький, а город далеко. Но вырученных денег ему хватало на табак и на спички, а иной раз на фунт хлеба. Во время одной такой вылазки он и набрел на меня, в пригороде. Он был в восторге, что меня встретил, бедняга. Умолял присоединиться к нему и у него переночевать. Оставайтесь сколько угодно, говорит. Но что это с вашим осликом? — спрашиваю. А он: не обращайте внимания, он вас не знает. Я ему напомнил, что не в моих

правилах оставаться с кем бы то ни было больше двух-трех минут кряду и я терпеть не могу моря. Он, по-видимому, ужасно расстроился. Значит, вы не идете, говорит. Но, к собственному изумлению, я залез на осла и — вперед, под сенью рыжих каштанов, выстроившихся вдоль тротуара. Я цеплялся за гриву осла, перебирая руками. Мальчишки дразнились и швырялись камнями, правда, они промазывали, всего один раз попали в меня, по шляпе. Нас остановил полицейский, укорил, что нарушаем общественное спокойствие. Мой друг заметил ему, что мы таковы, какими нас создала природа, мальчишки же, в свою очередь, — тоже. При таких обстоятельствах общественное спокойствие время от времени неизбежно должно нарушаться. Отпустите нас подобру-поздорову, и общественное спокойствие по всему вашему участку тотчас восторжествует. Мы пробирались по мирным, белым от пыли дорогам, вдоль живых изгородей из фуксии и боярышника, по проселкам, отороченным маргаритками и бурьяном. Настала ночь. Ослик меня доставил к самому входу в пещеру, потому что мне бы впотьмах ни за что не пробраться по тропке, спускавшейся к морю. А потом он снова поднялся на свое пастбище.

Не знаю, сколько времени я там пробыл. В пещере мне было неплохо, надо признаться. Я выводил вшей соленой водой и водорослями, но гнид ничего не брало. Я клал компрессы из водорослей на темя, и это удивительно помогало, но ненадолго. Я лежал в пещере, иногда я смотрел вдаль. Над собой я видел большое колышущееся пространство, без островов, без мысов. По ночам пещера через равные промежутки времени наполнялась светом. Тогда-то я и нашел в кармане у себя склянку. Стекло не разбилось, оно было ненастоящее. Я-то думал, мосье Уир все у меня отобрал. Хозяина моего никогда не было дома. Он кормил меня рыбой. Человек, то есть настоящий человек, может прекрасно прожить в пещере, вдали ото всех. Он сколько угодно мне жить предлагал. Если я предпочитаю уединенье, он с удовольствием оборудует для меня другую пещеру, подальше. Он каждый день будет мне приносить еду и навещать меня иногда, справляться, здоров ли я, то да се. Он был добрый. Я в доброте не нуждался. Я сказал: А вы случайно не знаете пещеры на озере? Меня раздражало море, этот плеск и толчки, приливы, вообще эта вечная сутолока. Ветер — тот хоть иногда умолкает. У меня по рукам и ногам бегали мурашки. Я часами

не мог уснуть. Тут, говорю, со мной, того гляди, приключится беда, и что я тогда буду делать? А он: Вы, говорит, утопитесь. Да, говорю, или брошусь с утеса. Подумать, он говорит, а я вот нигде больше жить не могу, даже в моей горной хижине мне свет был не мил. В вашей горной хижине? — спрашиваю. И он завел свою старую песню про горную хижину, я ее совершенно забыл, будто в первый раз слышал. Ведь она никуда от вас не денется? — спрашиваю. Он не видел ее с тех пор, как оттуда сбежал, но она, наверно, стоит, как стояла, разве что развалилась немного. Но ключи, которые он мне стал совать, я отверг, сказал, что у меня другие намерения. Вы меня всегда тут застанете, он сказал, если я вдруг вам понадоблюсь. Вот люди. Он мне и ножик свой дал.

То, что он называл своей горной хижиной, был просто деревянный сарай. Дверь сняли на топливо или для других каких нужд. Окна были без стекол. Крыша во многих местах прохудилась. Помещение делилось на две неравные части остатками перегородки. Мебель, если раньше была, теперь исчезла. Каких только тут гадостей не творили. На полу был человечий, собачий, коровий кал, презервативы и рвота. На одной коровьей лепешке изображено сердце, пронзенное

стрелой. Меж тем — места не типично туристские. Я заметил обрывки букетиков. Их собирали жадно, долгими часами везли и вот побросали — мешали, что ли, или уже завяли? Вот от какого жилища мне предлагали ключ.

Все вокруг являло знакомую картину величия и упадка.

И все же это был кров. Я отдыхал на ложе из папоротников, которые с трудом собрал собственными руками. Как-то я не мог встать. Меня выручила корова. Гонимая промозглым туманом, она здесь искала прибежища. Не в первый раз, конечно. Меня она, наверно, раньше не видела. Я хотел ее пососать, но не вышло. Соски были в навозе. Я снял шляпу, подставил и стал доить корову из последних сил. Молоко плескалось мимо, на пол, но я говорил себе — ничего, это же даровое удовольствие. Она стала таскать меня по полу и останавливалась только затем, чтоб меня лягнуть. Вот не знал я, что наши коровы тоже бывают бесчеловечны. Ее, видно, только что подоили. Я одной рукой держал вымя, другой — подставлял шляпу. В конце концов одолела корова. Выволокла меня за порог, бросила прямо в густые, мокрые папоротники, и пришлось мне ее отпустить.

Я пил молоко, а сам ругал себя за то, что наделал. На эту корову больше не приходилось рассчитывать, и она ведь оповестит остальных. Владеть бы собою получше, уж я бы с ней подружился. Она бы каждый день приходила, может, вместе с другими коровами. Я научился бы сбивать масло и сыр. Но я сказал себе — ничего, все к лучшему.

Дальше дорога моя шла вниз и вниз. Были телеги, были, но никто меня не хотел подбирать. При другой одежде, с другим лицом — конечно, они бы меня подобрали. Я наверно, изменился с тех пор, как меня выгнали из подвала. Особенно, наверно, изменилось лицо. Скромная, наивная улыбка тут уже не годилась. И честная бедность со всеми ее причиндалами. Я пытался пустить их в ход, но — увы. Когда лицо у вас — маска из грязной кожи под грязными патлами — тут какие уж «будьте любезны», «простите», «благодарю». И это погибель. Что мне оставалось? Я лег на обочине и стал корчиться, едва заслышу телегу. Это чтоб не подумали, будто я сплю или лег отдохнуть. Я пробовал стонать: Помогите! Помогите! Но это выходило у меня как обычная разговорная речь. Я разучился стонать. Это был еще не конец, а я разучился стонать. Последний раз, когда мне привелось стонать, я стонал, я прекрасно стонал,

как всегда, — и притом, что совершенно некого было разжалобить. Что же мне было делать? И я решил — буду учиться заново. Я лег поперек дороги, на таком узком месте, что телега не могла проехать, не задев меня по крайней мере одним колесом или двумя, если у нее их четыре. Архитектору с рыжей бородкой, тому отняли мочевой пузырь — грубая ошибка, и через три дня он умер по причине своего возраста. Но настал день, когда, оглядевшись, я увидел, что я в пригороде и уже недалек милый край, по ту сторону глупой надежды о покое и облегченье страданий.

И вот я прикрыл нижнюю часть лица черной тряпкой и стал просить милостыню на перекрестке, где солнца побольше. Потому что, мне казалось, я не совсем ослеп, возможно, благодаря черным очкам, которые мне подарил мой воспитатель. Он еще подарил мне «Этику» Гейлинкса[24]. Очки были мужские, я был ребенком. Его нашли скрюченного в клозете, в страшно измятой одежде, он умер от разрыва сердца. Ах, какой покой. На форзаце «Этики» была его фамилия (Уорд), очки были его. Переносье в то время, о котором идет речь, было из медной проволоки,

---

[24] Примечания: 24

Арнольд Гейлинкс (1624 — 1669) — голландский философ-идеалист.

вроде тех, что держат картины или большие зеркала, и две черные ленты служили дужками. Я пропускал их за уши, потом под подбородок и там завязывал. Стекла пострадали, потому что терлись у меня в кармане одно о другое и о разные другие предметы. Я-то думал, мосье Уир все у меня отобрал. Но очки мне были уже не нужны, разве что для защиты от солнца. Не знаю даже, зачем я про них вспомнил. Жутких мучений стоила мне эта тряпка. В конце концов я ее выкроил из подкладки пальто, нет, пальто у меня ведь уже не было, значит, от пиджака. Так что вышла не черная, а скорее серая тряпка, даже, пожалуй, клетчатая, но тут куда денешься. До вечера я обращал лицо к полуденному небу, а потом до самой ночи — к закатному. Жутких мучений мне стоила плошка. Шляпу использовать я не мог — из-за моего темени. Протягиванье руки начисто отпадало. И вот я раздобыл жестяную такую коробочку и привязал к пуговице пальто — ах, да что со мной? — к пуговице пиджака, пониже, на уровне лобка. Она висела не прямо, а почтительно склонялась к прохожему, ему оставалось только бросить в нее монету. Но это его обязывало подойти ко мне вплотную, он рисковал ко мне прикоснуться. В конце концов

я раздобыл жестянку побольше, большую такую коробку, и поставил на тротуаре у своих ног. Но люди, которые подают милостыню, не любят ее бросать, тут есть в самом жесте презрение, и тонкие натуры это коробит. Не говоря уж о том, что приходится целиться. Пожалуйста, они готовы подать, но не так, чтобы подаянье катилось под ноги прохожих, под колеса машин и невесть кому доставалось. Вот они и не подают. Кое-кто, конечно, готов и нагнуться, но в целом люди, подающие милостыню, предпочитают не нагибаться. Обычно они любят высмотреть нищего издали, на ходу приготовить монету, на ходу ее бросить и услышать, как «Благослови, Господи» замирает вдали. Я-то лично никогда этого не говорил, не такой уж я набожный, даже ничего похожего, но какой-то звук я все-таки издавал. В конце концов я раздобыл дощечку и привязал веревочками к шее и поясу. Она выступала как раз где надо, на уровне кармана, и выдавалась достаточно далеко от моей особы, чтобы можно было творить благостыню без всякого риска. Иной раз на ней можно было видеть цветы, лепестки, колоски и эту травку, которую геморрой называют, что ли, как-то так, точно не помню. Мне некогда было это все собирать, но все прекрасное в таком

духе, что попадалось мне под руку, украшало мою дощечку. Люди могли подумать, будто я природу люблю. Я все время смотрел в небо, но так, не особенно вглядываясь. В общем, там была белая, серая, голубая мазня, ну, вечером прибавлялись еще разные другие цвета. Небо мягко давило мне на лицо, я терся об него то одной щекой, то другой. Но иногда, бывало, просто свешивал голову на грудь. И тогда вдалеке я видел свою дощечку, всю разноцветную, мутную. Я прислонялся к стене, но не то чтобы развалясь, я переносил тяжесть тела с одной ноги на другую, а руками сжимал лацканы пиджака. Когда просишь милостыню, держать руки в карманах — совершенно не дело, это раздражает рабочий люд, зимою особенно. И перчатки ни под каким видом нельзя надевать. Были сорванцы, были, которые, якобы бросая мне монетку, сметали все, что я заработаю. Это они на сласти. Я украдкой расстегивал брюки, чтоб почесаться. Я скреб себя снизу вверх четырьмя ногтями. И подергивал волоски, чтоб облегчить душу. И время шло. Время шло незаметно, когда я чесался. Хорошенько почесаться — это даже лучше, чем мастурбировать, по-моему. Можно мастурбировать до семидесяти, да и дольше, но в конце концов это вырождается в пустую

привычку. Но чтоб почесаться как следует — тут уж и двух рук мало. У меня все зудело в заду, в паху, под мышками, снизу — сплошь до пупа, и места под экземой и псориазом начинали гореть, только я про них вспомню. То и дело пролетал надо мной самолет — с ленцою, по-моему. Часто к концу дня я обнаруживал, что у меня брючины мокрые вдрызг. Это, наверно, собаки. Сам я, в общем, уже не мочился. Как подступит нужда — пущу струйку в ширинку, и всё. Со своего поста я до самой ночи не уходил. После работы куплю, бывало, бутылку молока и выпью в сарае. Верней, это один мальчик мне покупал молоко, всегда один и тот же, меня не хотели обслуживать, почему — уж не знаю. Я давал ему за труды монетку. Раз я стал свидетелем одной странной сцены. Обычно я мало что видел. И мало что слышал. Как-то внимания не обращал. По существу, меня там и не было. По существу, меня, наверно, нигде никогда не было. Но в тот день я, видно, вернулся. Уже долго меня изводил какой-то звук. Я не стал интересоваться, откуда он, ничего, думаю, пройдет. Но нет, он не проходил, и пришлось мне волей-неволей поинтересоваться, откуда он. Оказалось, это человек залез на крышу машины и оттуда взывает к прохожим. Во всяком случае,

лично я так понял. Он так надсаживался, что кое-какие обрывки доходили и до меня. Союз... братья... Маркс... капитал-бифштекс... любовь. Я ничего не мог понять. Машина стояла у тротуара, прямо передо мной, я видел оратора со спины. Вдруг он поворачивается и показывает на меня. Поглядите — орет — на это отребье, на этого отщепенца. Если он не ходит на четвереньках, так только потому, что бойни боится. Старый, вшивый, грязный — хоть сейчас на свалку. А ведь тысяча есть как он, даже хуже, и десять тысяч, и двадцать. Голос: тридцать тысяч. Оратор продолжал: Ежедневно вы проходите мимо, и, когда выиграете на скачках, вы им швыряете фартинг. А вы задумывались? Голос: Нет. Оратор: В том-то и дело, что нет. В том-то и беда. Пенс, два пенса. Голос: А три — не хочешь! Вам и в голову не приходит, продолжал оратор, что ваши подачки — преступление, поощрение рабства, тупости, организованное убийство. Вглядитесь в этого растерзанного, в эту жертву. Вы скажете — сам виноват. А вот вы его спросите. Голос: Ты и спрашивай! Тут он нагнулся и стал меня распекать. Я тогда уже усовершенствовал свою доску. Она состояла из двух частей, на шарнирах, и после работы можно было ее складывать и нести под

мышкой. Я любил разные мелкие поделки. И вот я снял с лица тряпку, смел *в* карман несколько заработанных монет, сложил доску и взял под мышку. Да говори же ты, чурбан бессмысленный! — вопил оратор. Ну я и ушел, хоть было еще светло. Но вообще говоря, место было спокойное, людное, но не чересчур, очень удобное и удачное место. Он, наверно, был религиозный фанатик какой-то, другого объяснения не подберу. А может, из сумасшедшего дома сбежал. Лицо симпатичное, красноватое, правда, немного.

Я не каждый день работал. У меня, в общем, и расходов не было. Я даже ухитрялся кое-что откладывать, на самые распоследние дни. Когда не работал, я лежал в сарае. Сарай стоял на берегу реки, в частной усадьбе, то есть в бывшей частной усадьбе. Эту усадьбу с выходом на темную тихую улочку окружала стена со всех сторон, кроме, естественно, реки, ограничивавшей ее с севера на протяжении примерно шагов тридцати. На другом берегу еще были пирсы, скопление домов, непонятных участков, палисадники, трубы, колокольни и башни. Видно было и что-то вроде плаца, на котором солдатня круглый год гоняла в футбол. Только окна... ах, нет. Усадьба казалась заброшенной. Ворота заперты. Дорожки

позарастали травой. Только окна первого этажа были закрыты ставнями. В других иногда по ночам горел свет, смутный свет то в одном окне, то в другом, так по крайней мере мне представлялось. Может, отраженья какие-то. В этом сарае, в тот самый день, когда я вступил во владенье, я обнаружил перевернутую лодку. Я поставил ее днищем книзу, подпер деревяшками и камнями, вытащил поперечины и устроил внутри постель. Крысам трудно было до меня добраться из-за наклона бортов. А им очень хотелось. Сами судите — живность, ведь, несмотря ни на что, я был еще живностью. Я достаточно жил среди крыс по разным случайным обиталищам и не разделял поэтому обычного плебейского предубежденья против них. В общем, я испытывал к крысам даже симпатию. Они по-доброму ко мне относились, можно сказать, без всякого омерзения. Они умывались, как кошечки. Жабы — те вечером недвижны часами, они переваривают мух. Устраиваются там, где укрытие переходит в открытость, любят пороги. Но тут речь шла о водяных крысах — исключительно свирепых и тощих. И я сделал такую крышку из случайных досок. Прямо странно, до чего мне всю жизнь везло с досками, бывало, только понадобится доска,

и глядишь — под рукой, наклоняйся и бери. Я любил разные мелкие поделки, ну не то чтобы очень, а так. Она прикрыла всю лодку — это я опять про крышку. Я чуть сдвигал ее к корме, залезал в лодку с носа, подтягивался к корме, поднимал ноги и подпихивал крышку к носу, пока всего меня не прикроет. Ногами я отталкивался от планки, которую специально прибил к крышке, я любил разные мелкие поделки. Но лучше было залезть в лодку с кормы, подпихнуть доску обеими руками, пока всего меня не прикроет, а когда надо вылезти, снова ее отпихнуть. Я вбил два штыря как раз там, где удобно было за них хвататься. Эти мелкие плотницкие поделки, если можно так выразиться, со случайным материалом и инструментом, даже доставляли мне удовольствие. Я знал, что скоро конец, вот я и ломал комедию. Какую? Как бы это сказать, не знаю. В лодке мне было неплохо, надо признаться. Крышка прилегала так плотно, что пришлось просверлить дыру. Глаза нельзя закрывать, надо их держать открытыми в черноте, таково мое убеждение. Я не про сон, я про то, что называется, кажется, бодрствовать. Впрочем, я очень мало спал в тот период, мне не хотелось, а может, слишком хотелось, не знаю, или страшно было,

не знаю. Растянувшись на спине, я ничего не видел, только прямо над головой сквозь крошечные щелки смутно видел сумрак сарая. Совсем ничего не видеть — нет, это уж чересчур. Я смутно слышал крики чаек, они метались над жерлом сточной трубы неподалеку. В желтом кипенье, если я верно помню, нечистоты выплескивались в реку, а поверху вихрились птицы и орали от голода и ярости. Я слышал плеск воды о причал, о берег и еще слышал звук совершенно другой — гул свободной волны. И сам, когда шевелился, я был волною, не лодкой, так мне представлялось, а мои застои были застоями водоворота. Наверно, это дико звучит. И еще дождь, я часто его слышал, часто шел дождь. Иногда сквозь крышу сарая падала капля и взрывалась на мне. Все вместе было такое текучее. И еще, конечно, прибавлялся голос ветра, верней, всего того, чем он играл, — такие разные голоса. Какие, собственно? Вой, рев, вздохи, стоны. А мне бы удары молота — бум, бум, бум, — молота в пустыне. Я, конечно, выпускал газы, но с трудом, выходило как всхлип насоса и тонуло в бескрайном никогда. Не знаю, сколько времени я там пробыл. В моем ящике мне было неплохо, надо признаться. Кажется, за последние годы я обрел независимость. Пусть никто

не приходит, ни за что не придет, не спросит, как я себя чувствую, не надо ли мне чего, — это меня уже совершенно не огорчало. Чувствовал я себя хорошо, ну да, хорошо, и я уже не боялся, что мне станет еще хуже. Что же касается моих потребностей, они, так сказать, сократились до моих размеров, а с точки зрения содержания сделались столь утонченными, что всякая мысль о помощи исключалась. Когда-то, если я, пусть смутно и ложно, чувствовал себя извне, вне себя, — это трогало мою душу. Ничего не поделаешь — как-то дичаешь. Иногда даже думаешь, что попал не на ту планету. Слова и те предают, вот ведь какая вещь. Наверно, в тот момент перестают сообщаться сосуды — понимаете, сосуды. Ты на том же такте, все то же, та же старая песня — и вот поди ж ты. Иной раз хотелось отпихнуть крышку и вылезти из лодки, а я не мог, так ослаб, обленился, прирос. Я знал — они близко, леденящие, шумные улицы, жуткие лица, звуки, которые рвут, режут, глушат, калечат. И я ждал, когда естественная нужда придаст мне силы. Я не хотел пачкать свое гнездышко! Иногда, правда, случался грех, и все чаще и чаще. Я выгибался, спускал штаны и поворачивался на бок, приноравливаясь к дырке. Выкроить царство посреди

вселенского дерьма и его изговнять — ах, в этом был я весь. Мое дерьмо — это тоже был я, само собой, и все же, и все же. Но хватит, хватит. Виденья — теперь пошли виденья, и это у меня, ведь у меня никогда их не было, ну, может, когда-то во сне. По-моему, у меня их никогда не было. Если только в раннем возрасте. Иначе ничего не выходит. Я знал, что это виденья, ведь была ночь и я был в лодке один. Что же это еще могло быть? Я был в лодке, и я скользил по волнам. Грести мне не приходилось, меня сносило приливом. Да и весел я что-то не видел, их, наверно, кто-то забрал. У меня была доска, может, кусок поперечины, и я ею отталкивался, когда наскочу на мель или на меня надвинется пирс, а то пришвартованная баржа. В небе светили звезды, совсем немного. Я не разбирал, какая погода, ни тепло, ни холодно, и все как-то застыло. Берега отступали, отступали, тут никуда не денешься, я перестал их видеть. Редкие, тусклые огни помечали расступающееся пространство. Люди спали, тела набирали силу для завтрашних радостей и трудов. Лодка уже не скользила, она подпрыгивала, ее колотило волнами открытого моря. Все как-то застыло, но почему-то о борта билась пена. Меня теперь со всех сторон окружал морской простор, одно при-

бежище оставалось — земля, но много ли проку от такого прибежища в этих условиях? Я видел огни маяков, всего четыре, считая плавучий маяк. Я хорошо их знал, я их знал еще с детства. Был вечер, я был с отцом на горе, он держал меня за руку. Мне хотелось, чтоб он притянул меня к себе, прижал, защитил, но он думал о другом. Еще он учил меня, как называются горы. Но чтоб покончить с виденьями — я видел еще огни бакенов, они, кажется, были повсюду, красные, зеленые, даже желтые, как ни странно. Бок горы обнажился, она стояла над городом с тылу, и там золотые огни перетекали в красные, красные в золотые. Я знал, это что — это горел дрок. Сколько раз сам я мальчишкой подносил к нему спичку. И потом, позже, дома уже, перед тем как лечь спать, я любовался из высокого окошка на вызванный мной пожар. Но в эту ночь, среди мигающих дальних огней — на море, на земле и на небе — я плыл по воле теченья и волн. Я заметил, что шляпа моя привязана, тесемками, что ли, к петлице. Я поднялся со своего сиденья на корме, и послышался громкий звон. Это цепь зазвенела, одним концом прикрепленная к носу, другим обхватывавшая меня вокруг пояса. Наверно, я заранее просверлил дыру в днище, потому что вот уже я, на коленях,

ножом выдирал затычку. Дыра была маленькая, вода прибывала медленно. На все про все могло уйти целых полчаса, если без нежданных помех. Я снова сел на корму, вытянул ноги, привалился спиной к мешку, набитому травой, который служил мне подушкой, и проглотил транквилизатор. Море, небо, гора, острова стиснули меня мощной систолой и тут же разлетелись по дальним краям пространства. Смутно, без сожаленья, я подумал о рассказе, который надо бы сочинить, о рассказе наподобие моей жизни, то есть когда не хватает смелости кончить и сил нет продолжать.

Общение

До кого-то в темноте доносится голос. Представим себе.

До кого-то, кто лежит на спине, в темноте, доносится голос. Он это чувствует по тому, как на него что-то давит пониже спины, и еще по тому, как меняется темнота, когда он закрывает глаза и потом снова их открывает. Из сказанного лишь ничтожная часть поддается проверке. Например, когда он слышит: Ты лежишь на спине, в темноте. Тут со сказанным приходится согласиться. Но большую, значительно большую часть сказанного не проверишь. Например, когда он слышит: Ты появился на свет в такой-то, такой-то день. Бывает, что одно с другим сплетено, например: Ты появился на свет в такой-то, такой-то день, а сейчас ты лежишь на спине, в темноте. Возможно, уловка такая — неопровержимостью одного вызвать доверие и к другому. Итак, дано следующее. Кому-то на спине, в темноте, голос рассказывает о прошлом. Касаясь изредка настоящего и еще реже будущего, например: Ты кончишь таким, как ты есть. И в другой темноте или в той же другой все это выдумывает общения ради. Но не

надо о нем.

Употребление второго лица означает голос. Употребление третьего — этого злостного другого. Если б он мог говорить с тем и о том, с кем и о ком говорит голос, вышло бы первое лицо. Но он не смеет. Не станет. Ты не смеешь. Не станешь.

Кроме голоса и еле слышного дыхания — ни звука. Во всяком случае, который бы он слышал. Он это понимает по еле слышному звуку своего дыхания.

Меньше чем когда-нибудь склонный задаваться вопросами, иногда все же он задается вопросом, о нем ли и с ним ли говорит голос. Может, тут еще кто-то есть, в темноте, с кем и о ком говорит голос? Может, он что-то подслушивает, не предназначенное для его ушей? Если он один на спине, в темноте, почему бы голосу прямо так не сказать? Почему не сказать, например: Ты появился на свет в такой-то, такой-то день, а сейчас ты один на спине, в темноте? Почему об этом умалчивается? Наверно, с единственной целью заронить в его ум смутное сомнение и неловкость.

Твой ум, и вообще довольно бездеятельный, теперь почти бездействует. Это вид утверждений, какие он сразу принимает на веру. Ты появил-

ся на свет в такой-то, такой-то день, твой ум, и вообще довольно бездеятельный, теперь почти бездействует. Но какая-никакая деятельность ума все же требуется для общения. Вот голос и не говорит: Ты на спине, в темноте, и твой ум совершенно бездействует. Голос сам поддерживает компанию, но одного его мало. Необходимо еще воздействие на слушателя. Хотя бы, чтоб заронить в его ум вышеупомянутые смутное сомнение и неловкость. Но даже помимо общения — это воздействие очевидно. Ведь если б он только слышал голос и впечатление было б такое же, как от речи на банту или урду, — почему бы голосу вообще не умолкнуть? Если цель — не просто терзать звуком того, кто мечтает о тишине. И если, конечно, как выше предполагалось, вся речь не предназначена для кого-то еще.

Маленьким мальчиком ты выходишь из лавки Конноли, держась за материнскую руку. Вы поворачиваете направо и молча бредете по шоссе к югу. Шагов через сто вы сворачиваете с шоссе и начинаете долгий подъем по направлению к дому. Вы молча бредете, рука в руке, окруженные теплым, неподвижным воздухом лета. Уже поздно, и шагов через сто над гребнем показывается солнце. Посмотрев на синее небо, потом заглянув

в материнское лицо, ты нарушаешь молчание и спрашиваешь, не дальше ли оно гораздо на самом деле, чем кажется. То есть небо. Синее небо. Не получив ответа, ты в мыслях вертишь вопрос и шагов через сто снова заглядываешь ей в лицо и спрашиваешь, не кажется ли оно гораздо ближе, чем на самом деле. По причинам, которых тебе никогда не узнать, вопрос этот, видимо, ужасно ее рассердил. Потому что она отшвырнула твою маленькую руку и оборвала тебя резко, обидно, так что невозможно забыть.

Если голос говорит не с ним, он говорит, безусловно, с другим. Так рассуждает он со всей оставшейся ему способностью рассуждать. С другим об этом другом. Или о нем. Или еще о ком-то. С другим об этом другом, или о нем, или еще о ком-то. Во всяком случае, с кем-то на спине, в темноте. О ком-то на спине, в темноте, о том же самом или другом. Так рассуждает он со всей оставшейся ему способностью рассуждать и рассуждает неправильно. Ведь если бы голос говорил не с ним, а с другим, он и говорил бы, конечно, об этом другом, а вовсе не о нем или еще о ком-то. Раз он говорит во втором лице. Ведь если б он говорил не о том, с кем говорит, а о другом, он говорил бы не во втором лице, а в третьем. Например: Он появился на

свет в такой-то, такой-то день, а сейчас он лежит на спине, в темноте. Из этого следует, что если голос говорит не с ним, а с другим, он и говорит не о нем, а об этом другом и ни о ком ином. Значит, с оставшейся ему способностью рассуждать он рассуждает неверно. Для поддержания компании нужна определенная умственнная деятельность. И вовсе не обязательно блистать. Даже, чем меньше блистать — тем лучше. До известной степени. Чем ниже умственный уровень, тем для компании лучше. До известной степени.

Ты появился на свет в той комнате, где скорее всего и был зачат. Большой эркер смотрел на запад, на горы. В основном на запад. Эркер есть эркер, и потому он смотрел и немного на юг, немного на север. Естественно. Немного на юг, где горы выше, и немного на север, где они сходили на нет, в равнину. Принимал роды не кто иной, как некто доктор Хэдден или Хэддон. Косматые седые усы, затравленный взгляд. День был неприсутственный, и потому твой отец сразу после завтрака отправился в горы, захватив с собой фляжку и свои любимые бутерброды с яйцом. Тут не было ничего особенного. Но в то именно утро не одна только любовь к ходьбе и дикой природе гнала его подальше от дома. Прибавлялось отвра-

щение, которое он испытывал к мукам и другим мало соблазнительным сторонам родов. Отсюда и бутерброды, которыми он лакомился, достигнув к полудню первой вершины и глядя на море из-под прикрытия огромной скалы. Вообрази его мысли перед тем и потом, когда он пробирался по дроку и вереску. Вернувшись в сумерки, с черного хода, он к своему ужасу узнал от горничной, что роды еще продолжаются. Хоть начались еще до того, как он ушел из дому часов десять назад. Он тотчас бросился в сарай в глубине сада, где держал свой Де Дион Бутон. Хлопнул дверцей, забрался на водительское сиденье. Вообрази его мысли, когда он сидел, в темноте, не зная что думать. Несмотря на усталость, на стертые ноги, он чуть снова не отправился по полям в первом свете луны, но тут горничная прибежала с известием, что наконец-то все кончилось. Кончилось!

Ты старик и тяжко тащишься узкой проселочной дорогой. Вышел ты на заре, сейчас вечер. Единственный звук *в* тишине — твои шаги. Вернее — звуки, все они разные. Ты каждый выслушиваешь и в уме прибавляешь к сумме, составившейся из предыдущих шагов. Свесив голову, ты запнулся у края канавы и в уме обращаешь их в метры. Теперь уж по два шага на

метр. Столько-то, начиная с зари, прибавить к вчерашним. Позавчерашним. Прошлогодним. Запрошлогодним. Совсем из других времен, а в общем таких же. Огромная сумма в милях. В десятках миль. Земной шар можно обвить сколько раз? Рядом во время этих подсчетов запнулась тень отца. В старых дорожных обносках. И — снова, бок о бок, вперед от нуля.

Голос доходит до него то с одной стороны, то с другой. То ослабленный из-за расстояния, то — шепотом в ухо. Даже в течение одной фразы могут меняться и место и громкость. Например, четко, над самым запрокинутым лицом: Ты появился на свет на Пасху, а сейчас. И — шепотом в ухо: Ты лежишь на спине, в темноте. Или, естественно, наоборот. Еще черточка — долгие паузы, когда он почти смеет надеяться, что все уже сказано. Так, используя прежний пример — четко, над самым запрокинутым лицом: Ты появился на свет в день, когда умер Спаситель, а сейчас. И долгое-долгое время спустя, после мелькнувшей надежды: Ты лежишь на спине, в темноте. Или, естественно, наоборот.

Еще черточка — эти повторы. С небольшими вариациями пережевывается все то же. Как бы вынуждая его согласиться. Признать: Да, я пом-

ню. Может, даже вслух. Шепнуть: Да, я помню. Как бы это оживило общение. Голос в первом лице единственного числа. Изредка шепчущий: да, я помню.

Старая нищенка топчется у большой садовой калитки. Почти слепая. Сад знакомый. Хозяйка, глухая как тетерев и слегка не в себе, — приятельница твоей матери. Она вообразила, что может взлететь. И в один прекрасный день действительно прыгнула с первого этажа. Возвращаясь из детского сада на крошечном велосипедике, ты видишь несчастную старую нищенку у калитки. Ты слезаешь с велосипедика, впускаешь ее. Она тебя благословляет. Как это она сказала? Награди тебя Господи, милок. Что-то в таком духе. Спаси тебя Господи, милок.

Голос слабый, даже на самой своей громкости. Медленно уплывает почти за грань слуха. И медленно возвращается к самой своей громкости — слабый. Каждый раз, когда медленно уплывает, медленно брезжит надежда, что голос умолк навсегда. Он знает, конечно, что голос вернется. И все же каждый раз, когда медленно уплывает, медленно брезжит надежда, что голос умолк навсегда.

Он медленно входил в молчание и темноту

и потом лежал там так долго, что с оставшейся ему способностью заключать заключил, что это необратимо. И однажды вдруг голос. Однажды! И голос сказал: Ты лежишь на спине, в темноте. Первые слова. И — долгая пауза, чтоб он поверил своим ушам, а потом — снова то же. Дальше — обещание не умолкать, пока не умолкнет слух. Ты лежишь на спине, в темноте, и, пока не умолкнет слух, не умолкнет голос. Или иначе. Он лежал в сумраке, были редкие звуки, и медленно сгущались молчание и темнота. Может, так для общения лучше? Ведь какие они — те редкие звуки? Откуда тот сумрачный свет?..

Сэмюэль Беккет. Лондон, 1973 г.

Ты стоишь высоко, на краю трамплина. Высоко над морем. В нем — запрокинутое лицо отца. Запрокинутое к тебе. Ты смотришь вниз, в родное, приветливое лицо. Он кричит, чтоб ты прыгал. Кричит: Ну, не бойся! Круглое, красное лицо. Густые усы. Волосы с проседью. Их накрывает,

колышет зыбь. Снова далекий крик: Ну, не бойся! И все на тебя смотрят, из воды, с берега.

Редкий звук. Какое счастье, что можно к нему обратиться. Иногда. В молчании, в темноте, закрыть глаза и слушать звук. Что-то, передвинувшееся со своего места на последнее место. Что-то легкое, шелохнувшееся легко перед тем, как затихнуть. Закрыть глаза, отгородиться от темноты и услышать хоть это. Что-то легкое, шелохнувшееся легко перед тем, как затихнуть.

От голоса идет свечение. Тьма светится, когда звучит голос. Сгущается, когда уплывает. Светится, когда возвращается к самой своей громкости — слабый. Плотнеет, когда смолкает. Ты на спине, в темноте. Будь глаза у тебя открыты — замечали бы разницу.

Откуда сумрачный свет? Какое это общество в темноте! Закрыть глаза и постараться себе представить. Откуда вдруг сумрачный свет? Никакого источника. Будто чуть светится вся окружающая пустота. Что бы он увидел тогда над своим запрокинутым лицом? Закрыть глаза и постараться себе представить.

Еще черточка — невыразительный тон. Все время тот же невыразительный тон. Для утверждений. Для отрицаний. Для вопросов. Для

восклицаний. Для увещаний. Ты был когда-то. Тебя не было никогда. Ты когда-нибудь был? О, никогда не быть! Снова будь. Тем же невыразительным тоном.

Он может двигаться? Он двигается? А надо ему двигаться? Какое бы облегчение. Когда голос слабеет. Хоть бы ничтожный какой-нибудь жест. Например, сжать руку в кулак. Или разжать, если была сжата. Какое облегчение в темноте. Закрыть глаза, увидеть эту руку. Ладонь, заполняющую все пространство. Линии этой ладони. Медленно загибающиеся пальцы. Или расправляющиеся, если были сжаты. Линии старой ладони.

Еще есть, разумеется, глаз. Заполняющий все пространство. Медленно опускается пелена. Или поднимается, если была сначала. Глаз. Сплошной зрачок. Вытаращен. Застлан. Оголен. Снова застлан. Опять оголен.

Ну а если б он все-таки заговорил? Хоть еле слышно. Как бы это оживило общение! Ты на спине, в темноте и когда-нибудь снова заговоришь. Когда-нибудь! Под конец! Под конец ты снова заговоришь. Да, я помню. Это был я. Это я тогда был.

Ты один в саду. Мать на кухне, готовит угощение для миссис Кут. Чай. Бутербродики, тонкие,

как бумага. Ты подглядываешь из-за куста, как идет миссис Кут. Маленькая, тощая, скучная. Мать ей отвечает: Он играет в саду. Ты взбираешься на самую верхушку огромной пихты. Отдыхаешь минутку, прислушиваешься. И — вниз. Полет дробят огромные ветки. Иглы. Ты минутку лежишь. Ничком. И — снова на дерево. Снова мать отвечает миссис Кут: Ужасно трудный ребенок.

Чувствует ли он с оставшейся ему способностью чувствовать разницу между нынешним и тогдашним? Когда с оставшейся ему способностью заключать заключил, что его положение безнадежно. Это все равно что спросить, чувствовал ли он разницу между тогдашним и прежним. Когда он еще двигался, когда были проблески света. Как тогда не было прежнего, так нет его и теперь.

В другой темноте или в той же другой все это воображает ради общения. На первый взгляд это кажется ясным. Но глаз приглядывается, и все мутится. Чем больше приглядывается глаз, тем больше мутится. Пока глаз не закроется и, освободясь от него, ум не задается вопросом: Что это значит? Что значит то, что на первый взгляд казалось таким ясным? Пока ум тоже, так сказать,

не закроется. Как окно бы закрылось в темном пустом жилище. Единственное окно во внешнюю тьму. И — ничего. Нет. Увы. Ничего. Дрожь смутного света, последние судороги. Бессильные потуги ума. Обреченные потуги.

Где-то, по дороге от А до Я. Или, скажем для реализма, на Беллиоганской дороге. Милой, старой, проселочной. Где-то на Беллиоганской дороге, неизвестно где. На давно не проезжей дороге. Где-то на Беллиоганской дороге на пути от А до Я. Свесив голову, у края канавы, в подсчетах. Слева горы. Впереди выгон. Справа, чуть позади, тень отца. Сколько раз уже можно обвить земной шар? Пальто, когда-то зеленое, снизу доверху задубело от грязи и старости. Мятый, когда-то желтый котелок, ботинки все еще в тон. Больше одежды что-то не видно. С рассвета в пути. Сейчас вечер. Подсчеты окончены и — снова бок о бок вперед от нуля. Как будто к Стинсайду. Но вдруг вы вламываетесь в живую изгородь, пропадаете из виду, ковыляете на восток, по полям.

И почему — или? Почему — в другой темноте или в той же? Чей это голос спрашивает? Кто спрашивает: Чей голос спрашивает? И отвечает: Чей-то, неважно, голос того, кто все это воображает. В той же темноте, где его созданье, или в

другой. Ради общения. Кто спрашивает в конце концов: Кто спрашивает? И в конце концов дает приведенный выше ответ? И долгое время спустя прибавляет тихонько: Если это не иной. Которого нигде не найти. И негде искать. Самый непознаваемый. Безымянный. Распоследнее лицо. Я. Ш-ш, не надо о нем.

Свет, какой был тогда. На спине, в темноте, — свет, какой был тогда. Свет. Без солнца, без облаков. Спозаранок ты удираешь и взбираешься к своему тайнику, на склоне, среди дрока. На востоке над морем смутно высятся горы. До них семьдесят миль, если верить твоему учебнику географии. Это третий или четвертый раз в твоей жизни. В первый раз ты им рассказал, и тебе влетело. Ты видел одни облака. И с тех пор их копишь в душе. Домой — чуть не ночью, в постель — без ужина. Ты лежишь в темноте, и опять над тобой этот свет. Затаясь среди дрока, ты смотришь, смотришь на море, пока не разболятся глаза. Ты их закрываешь, считаешь до ста. Открываешь, смотришь. Снова, снова. Пока наконец ты не видишь бледно-бледную синеву на бледности неба. Ты лежишь в темноте, и опять над тобой этот свет. Спать, спать в этом свете. Без солнца, без облаков. Спать до утра, до света.

Выдумавший голос, и слушателя, и себя самого. Выдумавший себя для общения. Предположим. Он говорит о себе как о ком-то другом. Говорит: Говорит о себе как о ком-то другом. Себя выдумал для общения. Пока оставим так. Сомнение — тоже ведь не совсем одиночество. До известной степени. Лучше обманутая надежда, чем когда ее нет. До известной степени. Пока не начнет болеть сердце. Тогда тоже не так одиноко. Лучше, когда сердце болит, чем когда его нет. Пока не начнет разрываться. И, говоря о себе, он до поры до времени заключает: что ж, до поры до времени — оставим так.

В той же темноте, что его созданье, или в другой. Которую еще надо вообразить. Да, и в каком положении? Стоя, сидя, лежа или в каком-то другом положении в темноте? Еще надо вообразить. Пока неизвестно. Лишь бы способствовало общению. Какая темнота для общения лучше? Какая из мыслимых поз плодотворнее для общения? То же касается и прочих вопросов, какие можно вообразить. Например, бесповоротны ли эти решения? Скажем, соответственными усилиями воображения решается в пользу лежачей позы — навзничь, ничком, а на поверку она оказывается не такой уж удачной. Можно тогда ее

заменить на другую? Или нет? Скажем, калачиком, подбородок в колени? Или пусть, скажем, он двигается. Скажем, ползает на четвереньках. Другой, в другой темноте или и в той же, ползает на четвереньках, все это воображая ради компании. Или другая какая-нибудь форма передвижения. Возможности встреч. Дохлая крыса. Как бы она оживила компанию! Закоченелая дохлая крыса.

Нельзя ли усовершенствовать слушателя? Сделать ценней для общения, если уж не полностью очеловечить? Может, что касается ума, тут еще можно кое-что выжать? Попытки рассуждать, например. Вспоминать. Даже, может быть, слова выговаривать. Признаки переживаний, пусть слабенькие! Следы тоски. Ощущение краха. Не разрушая при этом личности. Н-да. Щекотливое дело. Ну а насчет физической стороны? Он что, должен лежать пластом до конца? Только веками пошевеливать, ведь должны же они шевелиться. Впускать-выпускать темноту. Почему б ему, скажем, не перекладывать ноги? Так... И — так. Левую на правую, чуть попозже — наоборот. Нет, нелепость. Чтобы он лежал скрестив ноги? Отметается с первого взгляда. Может, тогда какой-нибудь жест руками? Рукой. Пусть, скажем, сжимается, разжимается. Как-то трудно подвести

базу. Ну, пусть тогда поднимается — мух отгонять. Мух-то нет. Ну, пускай будут. А что? Очень уж соблазнительно. Ладно, пускай — одна муха. И чтоб он ее отгонял. Живая муха, принимающая его за покойника. Ей указывается на ошибку, а она опять за свое. Как бы она оживила компанию! Живая муха, принимающая его за покойника. Да нет. Зачем ему отгонять муху.

Тебе жалко ежика, ему, наверно, холодно, и ты сажаешь его в старую шляпную картонку, снабдив червями. Эту картонку с ежиком ты ставишь в опустелую кроличью клетку и дверцу оставляешь открытой, чтоб бедняжка мог входить-выходить когда вздумается. Выйти, раздобыть себе пищу, а наевшись, вернуться в теплую, укромную картонку в кроличьей клетке. Итак, ежик в своей картонке, в кроличьей клетке, с прекрасным запасом червей. Последний взгляд — убедиться, что все в порядке, прежде чем убежать и придумать, как бы еще убить даже и в том нежном возрасте нудно тягучее время. Добродетельный пыл гаснет и остывает в тебе медленней, чем обычно. Ты в те поры легко загорался, но редко когда надолго. Едва воспламенившись собственным подвигом, легким триумфом, от родительской либо учительской похвалы, ты тут же гас и снова делался

холодным и тусклым. Уже тогда. Но не в тот день. Была осень, был вечер, когда ты встретил ежика и пожалел его, как рассказано выше, и тебя все еще тешило твое доброе дело, когда настало время ложиться в постель. Стоя на коленях возле кровати, ты включил милого ежика в список тех, о ком ежевечерне ходатайствовал перед Богом. И когда ты ворочался под одеялом в ожидании сна, тебя все еще смутно грела мысль о том, как ежику повезло, что он встретил тебя на дороге. На узкой и вязкой тропке, окантованной жухлым самшитом. Ты стоял и раздумывал, как бы убить время до сна, а ежик как раз одолел один кантик и устремился к другому, когда ты вошел в его жизнь. Но наутро твой пыл не просто угас, его заместила ужасная тягость. Подозрение, что все не в таком уж порядке. И чем делать то, что ты сделал, лучше бы все оставить, как есть, и пусть бы ежик отправился по своим делам, как собрался. Прошел не один день, может быть, не одна неделя, пока ты заставил себя пойти к кроличьей клетке. Ты так и не забыл того, что ты там застал. Ты на спине, в темноте, а так и не забыл того, что ты там застал. Кашу. Вонь.

На миг мелькает следующее. Вдруг захочется перерывов в общении? Когда можно справляться

без помощи, самому? Тогда голос будет помехой. И образ слушателя соответственно. Его собственный образ. И он будет только жалеть, что их создал, и думать, как бы их ликвидировать. Да, но что такое — справляться без помощи самому? И уж какая тут помощь? Ладно, пока оставим так.

Пусть слушатель называется Эф. Ты, Эф, на спине, в темноте. И пусть знает свое имя. Тогда отпадает вопрос о подслушивании. О том, что речь не о нем. Хотя логики тут никакой. О шепоте в самое ухо еще спрашивать, к тебе ли он обращен! Ну вот. И тогда он лишается смутного беспокойства. Смутной надежды. Он, которому почти нечего чувствовать. Так не хочется чувствовать. Со всей оставшейся ему способностью желать желающий ничего не чувствовать. Нужно это кому-нибудь? Нет. Лучше так для общения? Нет. Ну и пусть он не называется Эф. Пусть остается как был. Слушатель. Безымянный. Ты.

Представим себе поконкретней место, где он лежит. Не особенно фантазируя. О размерах и форме дает некоторое представление дальний голос. То наплывает исподволь, то сразу накатывает, а то, после паузы, снова он дальний. Идет сверху, сбоку, со всех сторон, с разных уровней и одинаково дальний на своей максимальной

дальности. А снизу — ни разу. До сих пор. Откуда и следует вывод, что кто-то лежит на спине на полу в ротонде большого диаметра, ухом в самом центре. Насколько большого диаметра? Исходя из слабости голоса на его максимальной слабости — метров двадцать, то есть десять метров от уха до любой точки окружающей поверхности. Это что касается размеров и формы. Ну а материал? Какие тут имеются данные, если таковые имеются? Пока не решить. Очень напрашивается базальт. Черный базальт. Но пока не решить. Это же все он воображает, когда надоедят голос и слушатель. А чуть напряг бы воображение, сам бы понял, что воображает неверно. Например, по какому праву утверждать относительно слабого звука, будто это звук, ослабленный расстоянием, а не изначально такой слабый звук? И ослабевание звука объяснять отдалением, а не просто затиханием без всякого отдаления? А раз права такого нет, то и голос никакого света не проливает относительно места, где валяется наш старина-слушатель. В безмерной темноте. Бесформенной. Пока оставим так. Прибавим только: что за воображение такое, уж настолько послушное разуму? Довольно своеобразное воображение.

Другой выдумывает все это ради компании. В

той же темноте, что его создание, или в другой? Поскорее вообразим. В той же самой.

Нельзя ли усовершенствовать голос? Сделать ценней для общения. Скажем, введя какое-то прошедшее время. Хотя в этом затемненном сознании времени нет. Миновавшее, текущее, надвигающееся. Все сразу. Но для другого пусть усовершенствуется, скажем, прошедшее время. Тон невыразительный, тот же, что выдумался сначала, те же повторы. Тут ничего не поделаешь. Но пусть меньше перемещается. Меньше ослабевает. Как бы нащупывает позицию. С которой можно зазвучать с наибольшим эффектом. Идеальную амплитуду для слуха. Чтобы не бить на барабанные перепонки, но и не вынуждать напрягаться ухо. Насколько это ценней для компании, чем то, что было навоображено впопыхах. Насколько вероятней, что голос достигнет цели. Чтобы у слушателя было прошлое и чтобы он в этом признался. Ты родился в страстную пятницу, роды были тяжелые. Да, я помню. Солнце только что закатилось за пихты. Да, я помню. Так капля, чтобы точить верней, должна падать и падать. На то, что внизу.

В последний раз, когда ты выходил, земля была под снегом. Ты сейчас на спине, в темноте,

а тогда — ты на пороге и тихо прикрыта дверь. Прислонясь к косяку, свесив голову, ты готовишься выйти. Когда ты открываешь глаза, ног не видно, полы пальто на снегу. Темная сцена как подсвечена снизу. Ты видишь себя перед самым этим последним выходом. Прислонясь к косяку и закрыв глаза, ты собираешься с силами двинуться в путь. Уйти. Дальше сцена подсвечена снегом. Ты на спине, в темноте, ты закрыл глаза, и ты видишь: ты готовишься двинуться в путь по светящейся пелене. Слушаешь легкий стук двери. И тишину. И вот ты на белом пастбище, весною весело клубившемся овцами, усеянном красными плацентами. Как всегда, ты берешь по прямой к проему в шпалере терновника, ограждающей пастбище с запада. Туда по пастбищу обычно от тысячи восьмисот до двух тысяч шагов, в зависимости от твоего настроения и состояния почвы. Но в то утро их будет гораздо больше. Гораздо-гораздо больше. Твои ноги так выучили эту прямую, что, если нужно, выведут тебя и с закрытыми глазами, всего на несколько метров северней или южней. Нужно не нужно, а так оно и бывает всегда, и не только здесь. Ведь ты ходишь если и не с закрытыми глазами, хоть так нередко бывает, но во всяком случае уставя

их в землю прямо у себя под ногами. Только эту природу ты видел. С того дня, как навсегда свесил голову. Бегущую под ноги землю. Ты уже не считаешь шагов. По той простой причине, что каждый день получается то же. В среднем то же. Дорога ведь та же. Ты ведешь счет дням и каждые десять дней производишь умноженье. Сложенье. Тени отца уже нет. Давно отвязалась. Ты уже не слышишь своих шагов. Не видя, не слыша, идешь по прямой. День за днем. Той же самой дорогой. Будто нету другой. Для тебя уже нет. Раньше ты останавливался, чтобы подбить итог. Чтобы снова начать от нуля. А раз, как мы видели, эта потребность отпала, теоретически не осталось причин останавливаться. Разве что в самом конце. Чтоб собраться с силами для возвращенья. А ты останавливаешься. Куда чаще, чем раньше. Не от усталости. Ты устал сейчас не больше, чем раньше. И не от старости. Ты не старше, чем раньше. А вот останавливаешься куда чаще. Так что на ту сотню метров, которую ты одолевал за три-четыре минуты, требуется от пятнадцати до двадцати. Ни с того ни с сего, не окончив шага, нога падает или, не начав его, прирастает к земле. И ты останавливаешься. И — немая тоска, суть которой: могут они идти дальше? Или верней:

пойдут они дальше? Голая суть. И ты успокаиваешься, когда, как всегда, они снова идут. Ты — на спине, в темноте, с закрытыми глазами — видишь эту картину. Как не мог увидеть тогда. Темный свод неба. Сверкающая земля. Ты застрял посредине. Ботинки увязли доверху. Полы пальто на снегу. Под старым котелком в старой свешенной голове немая тоска. Среди пастбища на полпути к проему в штакетнике. По прямой. Ты оглядываешься, как не мог оглянуться тогда, и видишь свои следы. Огромная дуга. Занесло. Будто вдруг перевесило сердце. В самом конце отяжелело, не под силу нести.

Юность. Ощути ее веяние. На спине, в темноте — вспоминай. Ах, вспоминай. Майский безоблачный день. У тебя с ней свиданья в беседке. Грубый шестигранник. Весь из бревен. Лиственницы, пихты. Два метра в диаметре. Три — от пола до маковки. Площадь — ровно три квадратных метра. Два пестрых оконца, одно против другого. Из разноцветных ромбиков. Под каждым приступка. Летом по воскресеньям твой отец любил сюда удаляться после полуденной трапезы с подушкой и «Панчем». Расслабив брючный ремень, он сидел на приступке, листая страницы. Ты устраивался напротив, болтая ногами. Он хмыкнет — и ты

пытаешься хмыкать. Он перестанет — ты тоже. Твои попытки подражать его хмыканью так ему нравились, льстили, что иной раз он хмыкал, просто чтоб услышать, как хмыкнешь ты. Иногда ты отворачивался и смотрел сквозь густо-розовое стекло. Прижимал к нему свой маленький нос, и все розовело снаружи. Утекли годы. Ты снова в беседке, облитый радужным светом, ты всматриваешься в пустоту. Она запаздывает. Ты закрываешь глаза и вычисляешь объем. Арифметика тебя спасает среди волнений. Как гавань. У тебя получается приблизительно семь кубических метров. И сейчас еще, в безвременной темноте, ты находишь утешение в цифрах. Допуская некий сердечный ритм, ты подсчитываешь, сколько раз оно простучит за день. За неделю. За месяц. За год. И — допуская некую продолжительность жизни — за жизнь. Вплоть до последнего стука. Но сейчас, имея на счету всего каких-нибудь семьдесят американских биллионов, ты сидишь в беседке и вычисляешь объем. Приблизительно семь кубических метров. Почему-то это тебя не устраивает, ты начинаешь сначала. И сразу слышишь ее легкие шаги. Легкие — для такой крупной женщины. С колотящимся сердцем ты открываешь глаза, и спустя похожую

на вечность секунду ее лицо показывается в окне. Сделавшем совсем голубой ее природную бледность, которая тебя так восхищает, и, конечно, твое лицо ей тоже видится голубым. У вас это общее — природная бледность. Лиловые губы не отвечают тебе на улыбку. И поскольку окно, когда ты сидишь, приходится тебе на уровне глаз, а приступка — почти вровень с землею снаружи, ты думаешь, не встала ли она на колени. По опыту зная, что рост, или длина, у вас общие и складываются из равных сегментов. Ведь когда вы вместе стоите, когда вытягиваетесь лежа, лицо приникает к лицу, лобок к лобку, колени к коленям и смешиваются волосы. Следует ли отсюда, что сидящее тело настолько же уменьшается в росте, как стоящее на коленях? Допуская некой высоты сиденье, например стульчик для пианино, ты закрываешь глаза, чтобы лучше вычислить и сравнить первый и второй сегменты, а именно — от пятки до колена и от колена до таза. Как любили вы оба это закрывание глаз. Когда не спишь. Ночью и днем. Эту совершенную темноту. Свет без тени. Просто уйти, не быть. Или для дела, как сейчас, например. Вот нога. Сверху донизу. Делишь ее на сегменты, накладываешь один на другой. Так и есть. Верхний — больше,

сидящий больше теряет в росте, если сиденье не выше коленей. Но бог с ними, сегментами, ты открываешь глаза, и — она сидит рядом. Мертвая тишина. Малиновые губы не отвечают тебе на улыбку. Твой взгляд соскальзывает на ее груди. Неужели они такие большие? На живот. То же чувство. Он сливается с животом отца, наплывавшим на расстегнутый пояс. Неужели беременна, а ты даже руки ее пока не просил? Ты приходишь, нет, уходишь в себя. Она тоже закрыла глаза, а ты и не знаешь. Лицом к лицу вы сидите в беседке. В радужном свете. Глаза закрыты. У каждого одна рука тянется к паху другого. Мертвая тишина.

Утомленный этим разгулом воображения, он его выключает, и все исчезает. До тех пор, когда, снова ощутив потребность в общении, он решает назвать слушателя, скажем, Эм. Для удобства отсылок. А себя самого другой какой-нибудь буквой. Эс. Придумывая все, и себя самого включительно, ради компании. В той же темноте, что и Эм, когда упоминался в последний раз. В какой позе, в неподвижной ли или меняющейся, пока остается открытым. Итак, он говорит о себе: В последний раз, когда он говорил о себе, он говорил, что он в той же темноте, что его создание. Не в другой, как предполагалось когда-то. В той

же. Так удобнее для общения. А насчет позы пока неизвестно. Подвижная она или нет? Какая из всех мыслимых поз всего меньше надоедает? Какая неподвижность, какое движение больше всего способны отвлечь? И — одним духом, пока еще и не скажешь, но почему не сказать, не дожидаясь, пока окажется, что можно было и не сказать, а что, если нет? Ну? Может он, если захочет, перебраться из той темноты, которую выбрал сначала? Подальше от собственного создания — в другую? Может он, сначала решив лежать, потом передумать и встать и, например, прислониться к стене? Или, предположим, немного пройтись? А Эм перевообразить сидячим, в качалке? И руки чтоб были свободны, вдруг помощь понадобится? Но тут он бросает себя на произвол этих догадок, в той же темноте, что его созданье, в глубине души задавшись вопросом, как с ним бывает порой, — остаются ли беды мира такими, как прежде. В его времена.

Значит, что пока известно об Эм? Он лежит на спине в темном месте, форму и размеры которого еще остается вообразить. Время от времени он слышит голос и не знает, к себе ли его отнести или, с тем же основанием, к кому-то другому. Ведь хотя голос точно описывает его положение,

нельзя с уверенностью сказать, что описание не относится к кому-то другому в таком же точно положении. Смутная неловкость от смутной мысли о подслушивании, когда, например, он слышит: Ты лежишь на спине, в темноте. Сомнения несколько отступают, когда голос, поискав там и тут, останавливается наконец над ним. Голос стихает и — ни звука, кроме его собственного дыхания. Стихает и — брезжит надежда, что это насовсем. Умственная деятельность — весьма ограниченна. Редкие проблески беспомощной мысли. Надежда, отчаяние и прочее — едва ощутимы. Полное непонимание причин нынешнего своего положения. Никаких сопоставлений настоящего с прошлым. Шевелятся только веки. Когда глаз устает от внешней или внутренней темноты — соответственно опускаются и поднимаются. Возможность других подобных же локальных мелких движений не исключена. Но никаких улучшений с их помощью не наблюдается. То же и на более высоком уровне. Ничего, что способствовало бы общению. Никаких движений души — сдержанной грусти, положим, желаний, покаяния, гнева, любопытства и прочая. Нет и сколько-нибудь заметных интеллектуальных достижений, как если бы, например, он подумал,

имея в виду себя: Раз он не может думать, лучше бы и не пытался. Ну что еще прибавить к эскизу? Его неназываемость. Даже Эм отпадает. Это же Эс так для себя помечает собственное созданное покуда создание. Эс? Да ведь Эс — сам создание. Фантом. Химера.

Но — еще ведь другой. О котором — ни-ни. Создающий химеры, чтобы умерить химерами собственное небытие. Ш-ш, не надо о нем. Пауза, и — в ужасе, снова: Ш-ш, не надо, не надо.

Выдуманный выдумщик выдумывает все это ради компании. В той же химерической темноте, что его химеры. В какой позе, в той же, что слушатель, и навсегда ли, если да или если нет, пока неизвестно. Но, может, хватит и одной неподвижной позы? Стоит ли удваивать такую приятность? Пусть его двигается. В неких пределах. На четвереньках. Ползком. Корпус отделен от земли, взгляд устремлен вперед. Если проку от этого нет — отменить. Если можно. Взамен подыскав другой вид движения. Или никакого. Оставив наиболее удачную позицию на довоображение. А пока — пусть ползает. Ползет и падает. Снова ползет, снова падает. В той же химерической темноте, что другие его химеры.

Поискав, поплутав, пошарив, голос останав-

ливается на месте — уже окончательно слабый. Где останавливается? Со всей ответственностью — вообразить.

Над запрокинутым лицом. Падая вертикально на темя. Так что в слабом свечении, которое издает голос, даже и будь тут рот — он бы его не увидел. Вращай не вращай глазами. На какой высоте?

Вытянутой руки. Какой силы? Слабый. Так мать склоняется над колыбелью. Отступает, чтоб увидел отец. В свой черед что-то бормоча новорожденному. Тот же невыразительный тон. Ни малейших следов любви.

Ты лежишь на спине под осиной. В дрожании теней. Она к тебе под прямым углом, оперлась на локти, уткнула подбородок в ладони. Ты прикрываешь глаза, заглянувшие ей в глаза. В своей темноте ты заглядываешь в них снова. Еще. Чувствуешь, как длинные черные пряди дрожат на твоем лице, в неподвижности воздуха. Ваши лица в шатре волос. Она шепчет: Послушай-ка листья. Глаза — в глаза, вы слушаете листья. В дрожании теней.

Значит, ползет и падает. Снова ползет, снова падает. Если это ничего не дает, он всегда может упасть окончательно. Или так ни разу и не

привстать на колени. Представим себе, как это ползание, в отличие от голоса, прояснит очертания места. Хотя бы приблизительно. Во-первых, что мы примем за единицу ползанья? Соответственно шагу при вертикальном передвижении? Он поднимается на четвереньки, собирается двинуться. Колени и локти образуют прямоугольник примерно в полметра длины, высота безразлична. Наконец левое, скажем, колено продвигается вперед на шесть пядей, на четверть сократив расстояние до соответствующего локтя. Который в свою очередь продвигается на такое же расстояние. Прямоугольник превратился в ромб. До тех пор, пока левая рука и левый локоть не произведут тех же действий. Опять прямоугольник. И так он ползет, пока не свалится. Из всех видов ползанья этот ползок трусцой — наименее распространенный. Зато самый увлекательный.

Ползанье сопровождается счетом в уме. Без передышки. Один, два, три, четыре — раз. Колено — локоть, колено — локоть — два. Так. После пяти раз, скажем, он падает. И — рано или поздно — опять от нуля, один, два, три, четыре — раз. Колено — локоть, колено — локоть — два. Шесть. И так далее. Ему хочется — по прямой. Пока, не встретив упора, он, обескураженный, не начнет

возвращаться. Опять от нуля. Или выберет совсем новое направление. Ему кажется — по прямой. Пока, опять никак не доходя до упора, он не сдастся и не пустится уже по новому курсу. Опять от нуля. Твердо зная или прекрасно себе представляя, как может сбить с пути темнота. Занести, когда не вынесет тяжести сердце. Или, наоборот, заведомый крюк подменить кратчайшим путем по прямой. Так или иначе, как ни ползи, как ни лезь из кожи — границ покуда нет. Вообразимых покуда. Локоть — колено, локоть — колено. В темноте без границ.

Можно ли вообразить ум слушателя в полном бездействии? Кроме моментов, когда он слушает. То есть когда звучит голос. Ведь, кроме голоса и собственного дыхания, — что ему слушать? Ага! Как кто-то ползет. Слышит он это? И как падает? До чего бы оживилась компания, если б он слышал, как кто-то ползет. Падает. Снова приподнимается на четвереньки. Снова ползет. Удивляясь про себя — господи, что там за звуки? Оставляя решение на потом, когда будет еще скучней. Ну а кроме звука — что может пробудить его мысль? Зрение? Соблазнительно объявить: да на что ему тут смотреть? Но с этим мы немножечко опоздали. Он же видит изменения темноты,

когда открывает и закрывает глаза. Видит, надо думать, свечение, исходящее от голоса, как сразу было воображено. Воображено впопыхах. Свечение, правда, бесконечно слабое, остался ведь только шепот. Видное вдруг, когда глаза закрываются на первом же слоге. Если к тому времени были открыты. Итак, это свет, предположительно наислабейший и воспринимаемый в течение полумига. Вкус? Вкус во рту? Давно притупился. Осязание? Что ему тут осязать? Как кости касаются пола? Все — от пяточной до затылка? А желание шевельнуться, кстати, не могло бы нарушить апатию? Повернуться, например, на бок? Ничком? Для разнообразия. Оставим ему эту скромную потребность. И одновременно облегчение, что прошли времена, когда у него была полная возможность ворочаться без толку. Обоняние? Его собственный запах? Давно выдохся. И отбил все остальные, если таковые имелись. Скажем, от той закоченелой дохлой крысы. И прочей падали. Которую остается довообразить. Если, конечно, не пахнет от ползающего. Ага! Ползающий создатель! Может, стоит вообразить ползающего создателя с запашком? Еще покрепче, чем у созданья? Чтоб то и дело вызывал удивление в этом уме, давно отвыкшем удивляться. Удивление:

Господи, да откуда же еще чужой запах? Откуда так мерзко потягивает? Как бы выиграла компания, если б только создатель мог попахивать. И он бы мог его нюхать. Может, шестое чувство какое-нибудь? Необъяснимое предчувствие нависшей беды. Да или нет? Нет. Чистый разум? Вне опыта. Бог есть любовь. Да или нет? Нет.

А может ползающий создатель, ползающий в той же темноте, что его созданья, ползая — создавать? Один из вопросов, какими он задавался, отлеживаясь между двумя ползками. И если очевидный ответ напрашивался сам собой, об утешительном, приятном ответе такого не скажешь. И понадобилось немало отлеживаний и соответственное же число ползков, пока он наконец собрался с силами воображения, чтобы ответить. Тут же, без убежденности, добавив, что любой ответ еще можно пересмотреть. Как бы там ни было, ответ, на какой он решился, был отрицательный. Нет, не может. Ползать в темноте вышевоображенным способом — дело настолько серьезное и захватывающее, что исключается любая другая деятельность, будь то даже творение чего-то из ничего. Ведь ему приходится, как, может быть, слишком поспешно воображено, не только покрывать таким манером пространство,

но вдобавок по мере сил стремиться к прямой. И вдобавок считать, подсчитывать пядь за пядью, и вдобавок удерживать в памяти без конца меняющуюся сумму прежде подсчитанных, и, наконец, держать глаз и ухо востро, чтоб не пропустить ни малейшего ориентира на этом месте, куда, может быть и неосмотрительно, его кинуло воображение. Так что одним духом — и кляня фантазию, столь ограниченную разумом, и сознавая, насколько полет ее отменим, — он в конце концов не может не ответить: нет, не может. Не может он создавать, ползая в той же созданной темноте, что его созданье.

Берег. Вечер. Угасающий свет. Скоро будет нечему гаснуть. Нет. Тогда не бывало, чтоб не было света. Угасал до самой зари и все-таки не угасал. Ты стоишь спиной к морю. Шум моря — единственный звук. Стихает, когда медленно отливает море, нарастает, когда оно снова накатывает. Ты опираешься на большое бревно. Ладони на толстой складке коры, лицо в ладонях. Если б глаза у тебя открылись, ты увидел бы в последних лучах сперва полы пальто, края ботинок, увязших в песке доверху. Потом тень бревна на песке, только ее, пока не исчезнет. Пока не исчезнет из глаз. Беззвездная, безлунная ночь. Если б глаза у тебя

открылись — озарилась бы темнота.

Ползет и падает. Лежит. Лежит в темноте с закрытыми глазами, отдыхает от ползанья. Физически. И от разочарования, что опять проползал впустую. Может быть, говорит себе: И зачем ползать? Может, лучше просто лежать в темноте с закрытыми глазами? Все бросить? Покончить с этим со всем. С бессмысленным ползаньем, с неутешительными химерами. Но если иногда он и вправду так падает духом, то ненадолго. Потому что, пока он лежит, исподволь нарастает потребность в общении. Чтобы уйти от себя самого. Потребность слушать голос. Чтоб хоть опять сообщил: Ты на спине, в темноте. Или: Ты появился на свет в темноте девятого часа, ты испустил первый крик в час, когда возгласил громким голосом и испустил дух Спаситель. Потребность закрыть глаза, чтоб слышать, чтоб видеть свечение темноты. Или усовершенствовать слушателя, снабдив какой-нибудь человеческой слабостью, например, зудом. Там, где нельзя почесаться. Неутолимым зудом. Как бы оживилось общение! Или в заключение задаться вопросом, что именно он имеет в виду, невнятно обозначая, что он — лежит? Иными словами, какой из бесчисленных видов лежания вероятней всего дольше не надо-

ест? Если, поползав вышеописанным образом, он затем падает, естественно предположить, что падает он ничком. При его усталости и обескураженности в этот момент иное и предположить даже трудно. Но тогда ему ничто не препятствует далее перевернуться на один из своих боков или на свою единственную спину и лежать таким образом, если в одной из этих трех поз окажется легче общаться, чем в одной из трех прочих. Позу на спине, при всей ее соблазнительности, увы, придется отвергнуть, ибо уже использована для слушателя. Что же касается поз на боку — обе отметаются с первого взгляда. Остается единственная возможность — ничком. Но как? Как именно? Как расположены ноги? Руки? Голова? Лежа ничком в темноте, он изо всех сил старается вообразить, как ему лучше лежать ничком. Как удобней ничком общаться.

Уточнить образ слушателя. Из всех видов лежания на спине какой вероятней всего дольше не надоест? Ничком, напрягая закрытые глаза в темноте, он в конце концов начинает кое-что различать. Но сперва — голый он или прикрыт? Простынкой хотя бы? Голый. В свечении голоса, оживляя общение, призрачно, бледностью кости, посверкивает тело. Упор головы, главным обра-

зом, на вышеуказанную затылочную кость. Ноги — по стойке смирно. Ступни — под углом девяносто градусов. Руки скреплены невидимыми кандалами над пахом. Остальные детали — по потребности. Пусть пока остается так.

Измучась бедами ближнего, ты тем не менее отрываешь голову от ладоней и открываешь глаза. Не вставая с места, зажигаешь лампу прямо над собой. Твои глаза смотрят на часы. Но вместо того чтоб определять ночной час, они провожают и провожают секундную стрелку, которую то догоняет, то обгоняет тень. Через какое-то время ты заключаешь следующее. На 60 секундах и на 30 тень скрыта под стрелкой. От 60 до 30 тень обгоняет стрелку, причем расстояние увеличивается от нуля на 60 до максимума на 15 и далее опять сходит к нулю на 30. От 30 до 60 тень отстает от стрелки на расстояние, увеличивающееся от нуля на 30 до максимума на 45 и оттуда снова уменьшающееся до нуля на 60. Но если наклонить лампу или часы — тень будет исчезать под стрелкой уже на других цифрах, например, на 50 и 20. Словом, на двух совсем других цифрах, в зависимости от угла наклона. Но как бы велик или мал ни был этот наклон, как ни далеки от 30 и 60 оказывались новые цифры, на которых

тень исчезает под стрелкой, расстояние между ними остается равно 30. Тень появляется из-под стрелки в любой точке циферблата, чтобы отставать от нее или ее обгонять в течение 30 секунд. Затем скрывается на бесконечную долю секунды и снова появляется и снова отстает или обгоняет стрелку в течение 30 секунд. И так без конца. Это, по-видимому, единственная постоянная величина. Ведь даже само расстояние между тенью и стрелкой варьируется в зависимости от угла наклона. Но каково бы это расстояние ни было, оно неизменно растет от нуля до максимума или сходит на нет за 15 секунд, и в следующие 15 секунд соответственно наоборот. И так без конца. Это, если угодно, вторая постоянная величина. Много чего еще бы можно заметить относительно секундной стрелки и ее тени, вращающихся, по-видимому, без конца вокруг циферблата, вывести еще постоянные и переменные величины. Но тебе уже это невмоготу, и ты снова роняешь голову на ладони и, закрыв глаза, возвращаешься к бедам ближнего. В такой позе и застигает тебя рассвет. Через восточное окно светит низкое солнце и перебрасывает через весь пол тени — твою, непогашенной лампы. И разных других предметов.

Что за видения света — в темноте! Кто это восклицает? Кто спрашивает, кто восклицает: Что за видения света и теней — в темноте без теней! Кто-то еще другой? Все это выдумывающий ради компании. Как бы это оживило компанию! Кто-то еще другой, выдумывающий все это ради компании. Ш-ш, не надо о нем.

Чтоб всему положить конец, когда ты уже не мог выходить, ты сел, скорчившись, в темноте. Покрыв в свое время 75 000 миль или примерно трижды экватор. Ни разу не отдалясь по радиусу больше трех миль от дома. Дома! Так дожидался очереди в чистилище старый изготовитель лютен, сподобившийся от Данта подобья улыбки, а теперь, наверно, распевающий-таки славословия в одном из блаженных сонмов. В любом случае здесь мы с ним и простимся. Помещение без окон. Когда ты открываешь глаза, разрежается темнота. И вот, значит, сейчас на спине, в темноте, ты когда-то уселся скорчившись, когда отказало тело, отказалось выходить. Выходить, бродить по извилистым тропкам, по пастбищам, то пустым, то весело клубящимся овцами. Бок о бок с тенью отца в его старых дорожных обносках, а потом долгие годы бродить одному. Шаг за шагом прибавляя ко все растущей сумме уже исчисленных

шагов. Время от времени останавливаясь, свесив голову, подбивая итог. И — опять от нуля. И вот, значит, сидя скорчившись, ты вдруг ловишь себя на том, что воображаешь, будто ты не один, прекрасно отдавая себе отчет в безотчетности воображения. Процесс тем не менее идет как по маслу, как бы смазанный, так сказать, собственной абсурдностью. Не то чтоб ты буквально произносил: Я знаю, что бессмысленно, и однако упорствую. Нет. Ибо первое лицо единственного числа, а уж тем паче множественного, в твоем словаре отсутствует. Но и без слов ты себя наблюдаешь, как, скажем, незнакомца, страдающего болезнью Годкина[25], или, если угодно, Персиваля Потта[26], застигнутого на молитве. Время от времени тебе вдруг приходит охота вытянуться. Сразу приходят в движение все части. Руки отпускают колени. Поднимается голова. Начинают распрямляться ноги. Откидывается корпус. И все это вместе и много чего другого соответственно производит все это, пока может производить, и

[25] Примечания: 25

Болезнь Годкина — лимфогранулематоз — болезнь крови, до недавнего времени считавшаяся неизлечимой, названа по имени открывшего ее врача.

[26] Примечания: 26

Знаменитый хирург.

затем останавливается. Теперь, лежа навзничь, ты снова принимаешься за свою сказку с того места, на котором был прерван процессом укладывания. И продолжаешь до тех пор, пока тебя не прервет противоположный процесс. Так, в темноте, то скорчившись, то на спине, ты трудишься без толку. И тогда как переход из первого положения во второе производится с каждым разом охотней и легче, в отношении обратного мы наблюдаем обратное. Пока вместо редкого отдыха, каким она служила сперва, распростертость делается привычкой, а потом уж и нормой. Теперь ты на спине, в темноте и больше не сможешь усесться, сжать руками колени, свесить голову до отказа. Но с запрокинутым лицом будешь трудиться без толку над своей сказкой. Пока наконец не услышишь, что слова приходят к концу. С каждым напрасным словом ближе к последнему слову. А с ними и сказка. Сказка о ком-то с тобой в темноте. Сказка о ком-то, сочиняющем сказку о ком-то с тобой в темноте. И насколько же лучше наконец-то потерянный труд и — молчанье. И ты — как всегда.

Сэмюэль Беккет (р. 1906) — выдающийся ирландский писатель. В 1938 г. переселился во Францию. С равным искусством владея английским и французским, Беккет создал на этих языках произведения разных жанров, среди них романы ”Мэрфи» (1938), ”Моллой» (1951), ”Мэлоун умирает» (1951), ”Безымянный» (1953), сборники рассказов ”Больше замахов, чем ударов» (1934), ”Четыре новеллы» (1954), ”Общение» (1979) и др. Широкую известность принесла Беккету его первая пьеса «В ожидании Годо» (1952), за которой последовали ”Эндшпиль» (1957), ”Последняя лента Крэппа» (1957), ”Счастливые дни» (1961) и др. Экспериментальное по своему характеру, творчество Беккета оказало огромное влияние на развитие литературы в странах Запада после второй мировой войны, выразив ощущение бессилия личности перед лицом тотального

насилия. В 1969 г. Беккету была присуждена Нобелевская премия.